

ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В XX ВЕКЕ
THE LEFT ALTERNATIVE IN THE 20th CENTURY

ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В XX ВЕКЕ:
ДРАМА ИДЕЙ И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ.
К 100-ЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА

THE LEFT ALTERNATIVE IN THE 20th CENTURY:
DRAMA OF IDEAS AND PERSONAL STORIES.
ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE COMINTERN

Сборник докладов Международной
научной конференции

Collected reports of the International
Scientific Conference

**ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В XX ВЕКЕ:
ДРАМА ИДЕЙ И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ.
К 100-ЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА**

**THE LEFT ALTERNATIVE IN THE 20th CENTURY:
DRAMA OF IDEAS AND PERSONAL STORIES.
ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE COMINTERN**

**Сборник материалов международной научной конференции
Proceedings of the International Scientific Conference**

Организатор
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

При участии
АРХИВА И БИБЛИОТЕКИ РАБОЧЕЙ ИСТОРИИ (ОСЛО)
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИИ (МОСКВА)
ЕВРЕЙСКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА (YIVO, НЬЮ-ЙОРК)
ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН (МОСКВА)
ИНСТИТУТА ГРАМШИ (РИМ)
ИНСТИТУТА ИМЕНИ ЛЮДВИГА БОЛЬЦМАНА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЙН (ГРАЦ)
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА ЭДДА, УНИВЕРСИТЕТ ИСЛАНДИИ (РЕЙКЬЯВИК)
МУЗЕЯ РАБОЧЕЙ ИСТОРИИ (КОПЕНГАГЕН)
НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ФЕРРУЧЧО ПАРРИ (МИЛАН)
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА (МОСКВА)
УНИВЕРСИТЕТА ЖЕНЕВЫ (ЖЕНЕВА)
ФОНДА ГАБРИЭЛЯ ПЕРИ (ПАРИЖ)
ФОНДА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ (БЕРЛИН – МОСКВА)

При поддержке
ФЕДЕРАЛЬНОГО АРХИВНОГО АГЕНТСТВА
РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ФОНДА «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

Organizer
RUSSIAN STATE ARCHIVE OF SOCIAL AND POLITICAL HISTORY (MOSCOW)

In Cooperation with
ARBEIDERBEVEGELSENS ARKIV OG BIBLIOTEK (OSLO)
ARBEJDERMUSEET (COPENHAGEN)
EDDA RESEARCH CENTER, UNIVERSITY OF ICELAND (REYKJAVIK)
FONDATION GABRIEL PÉRI (PARIS)
FONDAZIONE GRAMSCI (ROME)
INSTITUTE OF WORLD HISTORY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW)
ISTITUTO NAZIONALE FERRUCCIO PARRI (MILAN)
LUDWIG BOLTZMANN-INSTITUT FÜR KRIEGSFOLGEN-FORSHUNG (GRAZ)
ROSA LUXEMBURG STIFTUNG (BERLIN – MOSCOW)
RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW)
STATE PUBLIC HISTORICAL LIBRARY (MOSCOW)
UNIVERSITÉ DE GENÈVE (GENÈVE)
YIVO INSTITUTE FOR JEWISH RESEARCH (NEW-YORK)

With the Support
FEDERAL ARCHIVAL AGENCY OF RUSSIA
RUSSIAN HISTORICAL SOCIETY (MOSCOW)
“HISTORY OF MOTHERLAND” FUND

**ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В XX ВЕКЕ:
ДРАМА ИДЕЙ И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ.
К 100-ЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА**

**THE LEFT ALTERNATIVE IN THE 20th CENTURY:
DRAMA OF IDEAS AND PERSONAL STORIES.
ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE COMINTERN**

**Сборник материалов международной научной конференции
Proceedings of the International Scientific Conference**

**РОССПЭН
Москва
2019**

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6
ЛЗ4

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда «История Отечества»*

Редакционная коллегия:

А.Ю. Ватлин, Н.М. Волхонская (отв. секретарь),
А.К. Сорокин (отв. редактор)

ЛЗ4 **Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей.
К 100-летию Коминтерна** : Сборник материалов международной на-
учной конференции / [отв. ред. А.К. Сорокин]. – М. : Политическая
энциклопедия, 2019. – 223 с.

ISBN 978-5-8243-2338-2

В сборник включены тезисы докладов участников международной научной конференции, проведенной 26–28 июня 2019 г. в Российском государственном архиве социально-политической истории. Конференция была приурочена к столетию с момента создания Третьего – Коммунистического – интернационала, в связи с этим состоялось обсуждение содержательных проблем становления и развития левой альтернативы общественного развития в XX веке, истории политических партий и общественных организаций, перипетий личных судеб «строителей нового мира», а также вопросов разыскания, хранения, использования и трансляции в различных формах соответствующих архивных комплексов.

В работе конференции приняли участие более 70 ученых из России, Австрии, Беларуси, Бразилии, Венгрии, Вьетнама, Германии, Дании, Исландии, Италии, Норвегии, Словении, США, Финляндии, Франции, Хорватии, Эстонии и Южной Кореи.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-8243-2338-2

© Российский государственный архив
социально-политической истории, 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

В 2019 году исполняется 100 лет с момента создания III Коммунистического интернационала (Коминтерна), учреждение которого в Москве в 1919 году стало прямым результатом победоносного переворота, совершенного российскими большевиками в октябре 1917 года. Российская революция открыла перспективу реализации левой альтернативы общественного развития в ее крайне радикальных формах, предложив для этого организационную структуру сетевого типа. Коминтерн объединил в своих рядах «строителей нового мира» – революционеров, мечтавших о новой справедливой социальной реальности, созданию которой они решили посвятить свои жизни. Вслед за Коминтерном были созданы и другие международные коммунистические организации – Профинтерн, Крестинтерн, Коммунистический интернационал молодежи и др.

Третий – Коммунистический – интернационал стал антиподом Второго – Социалистического интернационала.

Судьба воплощенной в СССР левой идеи радикального толка, как и судьба большинства участников борьбы за ее воплощение, оказалась трагичной, – многие погибли в революционных баталиях по всему миру, другие сгнули в годы сталинского Большого террора.

В то же время социал-демократическая альтернатива, отвергнутая левыми радикалами, сыграла значительную позитивную роль в социальной истории XX века, в процессах социализации и демократизации капитализма, происшедших в XX веке.

Осмысление произошедшего сдвига, роли и места в нем исторической компоненты представляется актуальной задачей.

Организационное оформление радикального крыла в социалистическом рабочем движении Европы напрямую связано с Первой мировой войной, однако свой окончательный облик «всемирной партии пролетариата» это течение приобрело только под воздействием Российской революции 1917 года.

Завоевание и удержание власти большевиками сплотило и умножило первоначально немногочисленные ряды их зарубежных сторонников, превратило «русский пример» в образец для подражания в различных уголках земного шара от Советской Баварии до восстания в китайском Кантоне. Окрыленные собственными победами и бесконтрольной властью внутри СССР, советские лидеры Коминтерна сделали ставку на кодификацию и превознесение собственного опыта, формирование по всему миру партий профессиональных револю-

ционеро́в, которые рассматривали себя как «солдаты мировой революции».

Коммунисты и в России, и за рубежом только себя видели в качестве носителей и творцов общественного прогресса, отрицая компромиссы и политические союзы. Робкие попытки в этом направлении – как, например, политика «единого рабочего фронта» – рано или поздно клеймились как «правый уклон» и скрытый оппортунизм.

Проблема альтернативных путей эволюции социалистического движения, в том числе возврата к «критической солидарности» рабочих партий Европы, остается белым пятном в мировой историографии.

В то же время претензия Коминтерна и его национальных секций на роль авангарда общественного прогресса, жертвенность коммунистов в борьбе со «старым миром» порождали симпатии к левым радикалам не только среди рабочих масс Европы и населения колониальных стран. Фактом межвоенной истории стало «полевение» мейнстрима культурной и художественной жизни, которое активно подпитывалось идеологией и практикой мирового революционного движения. Без импульсов, исходивших из России (*ex oriente lux*) и транслировавшихся партиями Коминтерна, невозможно понять искания авангардистов, литературно-публицистический горизонт и в более широком смысле – общественно-политический климат 1920–1930-х годов.

Родившись как один из вариантов реакции на глобальные вызовы, международное коммунистическое движение уже в первые годы своего существования попало в идейно-политическую и организационно-финансовую зависимость от страны, где партия коммунистов взяла в свои руки всю полноту власти и приступила к радикальной перестройке существующего общества. Сами идеологи ВКП(б) говорили о необходимости «большевизации» Коминтерна, среди западных историков утвердилось понятие его «сталинизации», которое в 1990-е годы подверглось историографической ревизии. Рефлексия современного образа Коминтерна, его специфика в исторической памяти отдельных стран и регионов (страны бывшего социалистического блока, Китай, Латинская Америка) должны стать одним из содержательных акцентов планируемой конференции.

История ответила на вопрос о бесперспективности форм и методов борьбы за мировое господство под знаменем «всемирной революции пролетариата». Однако, как и любой другой исторический опыт, опыт деятельности Коммунистического интернационала должен быть проанализирован в условиях экономической глобализации, растущего вовлечения социальных низов в политические процессы. Нельзя оставлять без внимания и тот вклад, который внесли

лидеры компартий и рядовые коммунисты в антифашистскую борьбу накануне и в годы Второй мировой войны. Нельзя забывать и о том, что само коммунистическое движение поддалось искушениям «эпохи крайностей», сформировав диктатуры, в рамках существования которых могли совершаться преступления против собственных народов.

Мировому научному сообществу солидарными усилиями его представителей еще предстоит дать анализ деятельности ушедшего в прошлое коммунистического движения, опирающийся на новые источники и современные методы исторической науки.

Столетний юбилей Коминтерна предоставляет уникальную возможность для того, чтобы ученые разных стран, идейных убеждений и историографических школ взглянули на его исторический опыт по-новому – в широком историческом контексте, во взаимосвязи с историей социал-демократии, из которой вышло, разорвав все связи, коммунистическое движение. Советская система рухнула, поскольку так и не смогла отказаться от крайностей в идеологии и социальной практике, ставших тормозом общественного развития.

Тем не менее революционные потрясения, имевшие место в целом ряде стран мира в конце второго десятилетия XX века, связанные с ними социальные практики, многим и сегодня представляются едва ли не единственными с начала промышленной революции факторами, способствовавшими уменьшению неравенства.

Великая Французская революция ждала собственной «историзации», т. е. избавления от оценок, диктовавшихся политическими интересами, двести лет.

Планируемая конференция должна дать серьезный толчок движению в направлении «историзации» левых организаций XX века.

Нам представляется правильным провести специальную международную научную конференцию, посвященную левой альтернативе в XX веке, приурочив ее к столетию создания Коминтерна.

Мы рассчитываем на обсуждение не только содержательных проблем истории левой альтернативы, организаций и людей, посвятивших свои жизни этой работе, но и вопросов разыскания, хранения, использования и трансляции в различных формах соответствующих архивных комплексов.

*А.Ю. Ватлин
А.К. Сорокин*

The year 2019 will mark the 100s anniversary of the Third Communist International (Comintern); its foundation in Moscow in 1919 came as the immediate result of the victorious coup perpetrated by the Russian Bolsheviks in October 1917. The Russian Revolution opened the path for implementing the left alternative of the social progress in its most radical forms, having provided for it a workable network-type institutional structure. The Comintern united the “builders of the new world” – the revolutionaries who propagated the idea of the new, justice-based social reality, being prepared to dedicate their whole lives to this mission. In the wake of the emergence of the Comintern, other international communist institutions emerged, such as the Profintern, Krestintern, Young Communist International etc.

The Third – Communist – International was the antipode of the Second – Socialist – International. The fate of the radical leftist idea, as implemented in the Soviet Union, was as tragic as the fates of the majority of those people who got involved in its implementation: a lot of its advocates lost their lives in the revolutionary battles all over the world, others perished in the years of Stalin’s Great Terror.

At the same time, the social democratic alternative, discarded by the radical lefts, has played a prominent and positive part in the social history of the 20th century, it added to social orientation and democratization of capitalism that took place in the 20th century.

The analysis of this shift, of the place and the importance of its historical component seems to present a topical challenge.

The institutionalization of the radical wing of the European workers’ movement took place in direct conjunction with the Great War; however, it took the influence of the Russian Revolution of 1917 to consolidate this movement into its ultimate shape of the “global proletarian party.”

The Bolsheviks’ success in seizing and retaining the power helped to solidify and multiply the formally scanty ranks of their foreign supporters, turning the “Russian example” into a pattern to be duplicated in various parts of the world, from the Soviet Bavaria to the Guangzhou Uprising in China. Inspired by the victories and the unlimited power within the Soviet Union, the Soviet leaders of the Comintern called for the codification and laudation of their experience and encouraged the worldwide emergence of the parties of the professional revolutionaries, who would regard themselves as the “soldiers of the global revolution.”

Both in Russia and outside, the Communists believed that they were the sole perpetrators and activists of the social progress, they shied away

from compromises and political alliances. The timid attempts to steer in this direction, such as the policy of the “united workers’ front,” would sooner or later be dismissed as the “rightism” and hidden opportunism.

The problem of the alternative routes of the evolution of the Socialist movement, including the return to the “critical solidarity” of the European workers’ parties, still remains to be one of the “blank spots” of the world’s historiography.

At the same time, because of the Comintern and its national sections presenting themselves as the vanguard of the social progress, and because of the numerous sacrifices made by the Communists in their struggle against the “old world,” the sympathies towards the radical lefts spread way further than just the working masses of Europe and the population of the colonies. The “leftish” trend in the mainstream cultural and artistic life is a given fact of the interwar history, and this trend was definitely nourished by the ideology and practices of the international revolutionary movement. The analysis of the impulses that came from Russia (ex oriente lux) and were forwarded by the Comintern parties, is essential for interpreting the cultural agenda of the vanguard artists, of the literary and publicist environment and, in the broader sense, of the sociopolitical climate of the 1920-1930s.

Having emerged as one of the responses to the global challenges, the international communist movement, in the very first years after its foundation, fell into complete ideological, political, institutional and financial dependence on the country where the Communist Party took all the power in its hands and embarked on the radical restructuring of the society. The VKP(b) ideologists even spoke about the necessity to “Bolshevize” the Comintern; the concept of its “Stalinization” has been established in the Western scholarship, even though in the 1990s this approach was revised by the historiographers. The current perception of the Comintern, the diversity of the interpretation of this term in the historical memory of various countries and regions (the former Soviet Block countries, China, Latin America) would be one of the focal points of the prospective conference.

History has provided the definitive answer to the question on the unfeasibility of fighting for the global domination under the slogan of the “world’s proletarian revolution,” both as the form and the method. Still, same as any other historical experience, the activities of the Communist International should be analyzed within the framework of economic globalization and increasing involvement of the lower social classes in the political processes. The sacrificial involvement of both the leaders of the communist parties and rank-and-file communists in the anti-fascist movements before and during World War II cannot be left unnoticed. Another noteworthy fact is that the communist movement was not

immune to the temptations of The Age of Extremes, it gave birth to the dictatorships that could commit crimes against their own nations.

The international academic community should consolidate the efforts of its members, in order to provide the substantiated analysis of the activities of the bygone communist movement, relying on the new sources and the most advanced methods of historical scholarship.

The 100th anniversary of the Comintern offers a unique opportunity for the scholars from different countries, ideological backgrounds and historiographical schools to take a fresh look at this institution's historical perspective, placing it into a broad historical context and linking it to the history of social democracy – the one that the communist movement once emerged from, severing all the ties. The Soviet system collapsed because of its inability to check the extremes in its ideology and social practices, even after they turned into major impediments to social progress.

And still, even today a lot of people tend to believe that the revolutionary shocks that took place in a number of countries in the end of the second decade of the 20th century, as well as the respective social practices, were the only factors since the days of the Industrial Revolution that managed to diminish inequality.

The Great French Revolution had to wait for two hundred years to be “historicized,” i. e. analyzed without politically biased judgments.

The proposed conference is expected to give a strong impetus to “historicizing” the activities of the left-wing groups of the 20th century.

We believe that the 100th anniversary of the Comintern offers a unique opportunity to conduct a special international research conference focused on the left alternative in the 20th century.

Apart from the substantive problems of the history of the left alternative, of the institutions and people who have dedicated their lives to this mission, we hope to discuss the issues concerning the identification, preservation, usage and divulgation, in various forms, of the respective archival data.

*Alexander Vatlin
Andrey Sorokin*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЛЕНОВ ЭМИГРАНТСКОГО РУКОВОДСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ (1935–1939)

*Ахрамович Наталья Вадимовна
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)*

В 1930-х годах «отечество народов» СССР стал убежищем для гонимых нацистским режимом членов руководства Коммунистической партии Германии.

Политэмигранты обладали политической и национальной идентичностью. Национальная идентичность подразумевает «культурную норму, отражающую эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе»¹. Политическая – связана с нормами и правилами политического действия, схемами восприятия, мышления и оценивания, способами политической коммуникации, постановки и разрешения проблем².

Нахождение в новых условиях, воздействие внутренней политики СССР, а также резонансных внешнеполитических событий 1930-х гг. обусловило трансформацию идентичности коммунистов и отразилось на их видении будущего Германии.

В 1935 году КПГ приняла установку на борьбу за демократию в будущей Германии, которая по-разному трактовалась функционерами. С одной стороны, новое устройство и одновременно свержение нацизма можно достичь путём легальной борьбы. С другой стороны, только социальная революция свергнет нацизм, а потом произойдет обновление Германии.

Выразителем первой точки зрения был Вальтер Ульбрихт. Ориентируясь на прошлый опыт работы в Германии, когда он еще не был знаком с идеями В.И. Ленина, В. Ульбрихт в предвоенный период придерживался идеи, что свержение Гитлера можно провести легаль-

¹ Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского Университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 153.

² Качанов Ю.Л. Агенты поля политики: позиции и идентичность // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 69.

ным путём – через борьбу рабочих за свои права. Представления о будущей Германии автор обосновывал на политическом языке К. Маркса и Ф. Энгельса. Одновременно В. Ульбрихт подчёркивал особенное значение наследия немецкой культуры и необходимость её спасения. Эти факты свидетельствовали о преобладании национальной идентичности автора. Большой террор способствовал ускорению преобладания политической идентичности Ульбрихта – в оценках происходящего часто встречалась антитроцкистская лексика, а высказывания о нации содержались теперь только в «замаскированных брошюрах» (Tarnschriften). Перед наступлением Второй мировой войны политическая идентичность В. Ульбрихта взяла верх над его национальной – автор открыто заявлял о необходимости построения социализма в Германии по советскому образцу. В этом также проявилось понимание Ульбрихтом необходимости тесного единения с советским руководством в годы войны.

В свою очередь для главы партии Вильгельма Пика долгая политическая карьера, его деятельность в СДПГ, годы жизни в Германии и потрясения начала века, напротив, обусловили преобладание политической идентичности. Ориентируясь на Октябрьскую революцию, функционер хотел повторения подобного сценария в Германии. Аргументация автора весь предвоенный период основывалась на политических идиомах В.И. Ленина, что свидетельствовало о преобладании измененной политической идентичности. Пик утверждал, что будущая Германия будет «советской социалистической Германией» и её установление не может произойти бескровным путём. Высказывания о культурном наследии Германии были гораздо более редкими, чем у В. Ульбрихта.

Таким образом, лозунг о борьбе за «демократию», выдвинутый в 1935 году, по-разному трактовался функционерами КПП, что отражало изменение их идентичности. Важным индикатором были политические языки, на которых говорили коммунисты – язык В.И. Ленина имел принципиальные отличия от идей К. Маркса и Ф. Энгельса и был в большей степени приспособлен к российским реалиям. Несмотря на преобладание политической, у лидеров КПП хорошо сохранялась национальная идентичность. Это проявлялось не только в гордости за культурное наследие Германии, но и в высказываниях о несправедливости Версальского мирного договора. Понятие демократии частично ассоциировалось у коммунистов с Веймарской республикой, что также влияло на неоднозначность их трактовок будущего Германии.

ОТТО БАУЭР И АВСТРОМАРКСИЗМ – ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ПУТИ

*Байер Вальтер, Dr. rer.soc.oec.
(сеть transform!europe, Вена, Австрия)*

«Австромарксисты» создали школу марксистской теории, которую они считали отдельной и от социал-демократического реформизма, и от догматизма Коммунистического интернационала.

В передовице, написанной в 1926 году в газете «Arbeiterzeitung» (нем. «Газета трудящихся»), органе Социал-демократической партии Австрии, Отто Бауэр дал такую краткую характеристику австромарксизма: «Во второй половине XIX века группа молодых австрийских товарищей, работавших в академии, получила прозвище “австромарксистов”. В их числе были Макс Адлер, Карл Реннер, Рудольф Гильфердинг, Густав Экштейн, Отто Бауэр, Фридрих Адлер и другие. Их объединял не специфический политический курс, но уникальные особенности их академической работы».

Бауэр в возрасте 26 лет привлёк внимание международных социалистов ещё в 1907 году – своей книгой «Социал-демократия и национальный вопрос». В ней он защищал план своей партии по превращению империи в многонациональное федеральное государство.

В 1918 году, в год революции, из пепла многонациональной Австро-Венгерской империи появилось небольшое государство, называвшееся тогда Германией–Австрией, в котором, когда надежды на воссоединение с Германией рухнули, социал-демократы оказались единственной группой, способной объединить новое государство.

В 1923 году появилась книга Отто Бауэра «Австрийская революция». Примерно тогда же Бауэр опубликовал брошюру под названием «Путь к социализму», в которой он предложил демократическую социализацию экономики.

Написанная Отто Бауэром программа партии, которая была принята на состоявшейся в 1926 году партийной конференции в Линце («Программа Линца»), расценивалась как «ultima ratio» [лат. «последний метод решения»] для австромарксизма. Она связывает готовность построить социализм демократическими методами с предчувствием опасности, нависшей над партией и над самой демократией. В ней определяется основной принцип партийного курса: «Если буржуазия

реши́т воспротивиться радикальным социальным изменениям, кото́рые бу́дет обяза́на подде́ржать госуда́рственная вла́сть тру́дящихся классов, умышле́нно подавляя эконо́мику, поднимая наси́льственное восста́ние или вступа́я в сговор с иностра́нными контрреволюцио́нными силами, то рабо́чий класс, оказыва́я противоде́йствие буржуа́зии, бу́дет вынужде́н прибегну́ть к диктату́ре».

В отличие от Германии, где фашизму удалось захватить власть путём парламентского процесса, в Австрии этот приход к власти был осуществлён через упразднение парламента, запрет коммунистической партии и вооружённое восстание рабочего класса. Сам Бауэр представил самокритичный анализ ситуации в замечательной книге под названием «Между двух мировых войн. Кризис мировой экономики, демократия и социализм», в которой он выступил за возрождение социалистического движения, используя изобретённое им понятие «всеобъемлющего социализма». Целью этого было объединить два конкурирующих ответвления рабочего движения – социализм и коммунизм.

После 1945 года аргументы австромарксизма исчезли из дискурса в Австрии. Социал-демократическая партия, возродившаяся в виде Социалистической партии, полевела. Отто Бауэр, Макс Адлер и Рудольф Гильфердинг умерли в изгнании; Фридрих Адлер, продолжавший склоняться к германскому национализму, был уже неспособен играть какую-либо роль в австрийской политике. А Карл Реннер стал во время холодной войны стойким защитником Запада.

OTTO BAUER AND AUSTRO-MARXISM – A PROPOSAL FOR A THIRD WAY

*Baier Walter, Dr.rer.soc.oec
(network transform!europe, Vienna, Austria)*

‘Austro-Marxists’ set up a school of Marxist theory, which they described as being separate from both social-democratic reformism as well as the dogmatism of the Communist International.

In an editorial written in 1926 in the ‘Arbeiterzeitung’, organ of the Social Democratic Party of Austria, Otto Bauer gave the following brief outline of Austro-Marxism: ‘In the second half of the 19th century, a group of young Austrian comrades working in academia were becoming labelled as “Austro-Marxists”, Max Adler, Karl Renner, Rudolf Hilferding, Gustav Eckstein, Otto Bauer, Friedrich Adler and a few others. What united them was not a specific political line but the unique qualities of their academic work.

Bauer, at the age of 26 firstly attracted attention among international socialists in 1907 by his book ‘Social Democracy and the Nationalities Question’. With it he defended the plan of his party to transform the empire into a multinational federal state.

In 1918, the year of revolution, from the ashes of the multinational Austro-Hungarian Empire rose the small Republic called then German-Austria, where, after hopes of annexation with Germany had been dashed, the social democrats were the only group able to consolidate the new state.

In 1923 Otto Bauer’s book ‘The Austrian Revolution’ appeared. Around roughly the same time, Bauer published a brochure titled ‘The Path to Socialism’, in which he proposed a democratic socialisation of the economy.

The party program authored by Otto Bauer which was passed at the party’s 1926 conference in Linz (‘Program of Linz’), is seen as the ‘ultima ratio’ for Austro-Marxism. It links the commitment to realise socialism through democratic means with a premonition of the danger hanging over the party and democracy itself. It contains the fateful line: “If the bourgeoisie decides to oppose radical social change, which the state authority of the working classes would have a duty to uphold, by deliberately suppressing the economy, engaging in violent rebellion or conspiring with foreign

counterrevolutionary forces, the working class would be forced to oppose the bourgeoisie by taking up the tools of dictatorship”.

Unlike Germany, where fascism was able to seize power through the parliamentary process, in Austria this rise was brought about by the suspension of parliament, the banning of the communist party and the armed uprising of the working class. Bauer himself laid out a self-critical analysis of the situation in an extraordinary book titled ‘Between Two World Wars. The Crisis of the Global Economy, Democracy and Socialism’, in which he champions a rebirth of the socialist movement using a concept he dubbed ‘Integral Socialism’. The aim of this is to bring together the two competing arms of the workers’ movement: socialism and communism.

After 1945, the Austromarxist argument vanished from the discourse in Austria. The Social Democratic Party, which re-emerged as the Socialist Party, has shifted to the right. Otto Bauer, Max Adler and Rudolf Hilferding died in exile; Friedrich Adler, who continued to lean towards German nationalism, was unable to play any further role in Austrian politics. And Karl Renner became a staunch defender of the West during the Cold War.

**ОТ ЭПОХИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА
К ДЕИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ:
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ
И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, 1919–1943 ГОДЫ.
К ТЕОРИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ**

Байерляйн Бернхард, PhD

*(Институт социальных движений, Рурский университет в Бохуме,
Германия)*

Воспользовавшись столетием Коммунистического интернационала, в этом докладе мы попытаемся рассмотреть вопрос о левой альтернативе как об историческом наследии XX века, изучив его в глобальной и всеобъемлющей перспективе – особенно с точки зрения территорий, траекторий, деятелей и трагедий истории Коминтерна. Парадоксально, но открытие архивов не привело к всеобщему признанию Коминтерна как центрального элемента всемирной истории XX века. Тем не менее после экспансии Римской католической церкви III Интернационал представляет собой наиболее значимую, после XIX века, попытку создать всемирную организацию (Стивен Смит) как всеобщее объединение трудящихся и угнетённых классов человечества в традиции I и II Интернационалов. Эта недооценка Интернационала в основном объясняется тем, что Коминтерн, коммунистические партии и Советский Союз, действуя совокупно, создали сложный треугольник власти, что привело к ещё более сложной истории трансформации. На самом деле – и в двойственном, противоречивом, смысле – этот процесс отражал как интернационализацию и интернациональную революцию, так и деинтернационализацию и ренационализацию.

1. Следовательно, первый вопрос, который следует поднять в этом докладе, – это вопрос о подходе Коминтерна как международной революционной организации трудящихся к таким ключевым вопросам, как создание глобальных, транснациональных и местных очагов сопротивления и организация освободительных, антиколониальных, антирасистских движений, гендерной и молодёжной политики. На этот вопрос, применительно к первому периоду существования Коминтерна, следует ответить утвердительно.

Ускорение процесса интернационализации, предпринятой левыми в результате всемирной катастрофы Второй мировой войны и русской революции, привело к революционному послевоенному кризису, длившемуся до 1923 года. В качестве оппозиционной модели Коминтерн противопоставил себя Лиге наций и другим межгосударственным или филантропическим моделям. Всеобщим экономическим фоном для интернационализации стала первая волна глобализации капитализма (через финансовый капитал, империализм, колониализм и т. д.), прокатившаяся в начале века. А на левом фланге, в результате «интернационального момента» 1919 года, был создан не только Коминтерн, но и другие организации: во-первых, Международная федерация свободных профсоюзов, вслед за которой образовались Международное рабочее объединение социалистических партий, Красный интернационал профсоюзов, Социалистический рабочий интернационал и Международная ассоциация трудящихся.

2. Однако на вторую совокупность вопросов, то есть на вопросы об отношении Коминтерна к процессу деинтернационализации и ренационализации, следует ответить так же утвердительно. Крах «европейских революций» (Чарльз Тилли) и смена азиатской ориентации «Глобального Юга», подпавшего с середины двадцатых годов под влияние сталинизма, привели к разрыву с глобальным, универсально революционным мировоззрением. Характерным для трансформационной стадии стало движение в обратную сторону «сосредоточенного на самом себе межнационального советского интернационализма» (Глеб Альберт), когда было провозглашено превосходство русских трудящихся над национальными меньшинствами или трудящимися других советских республик. Результатом этого стали гибридизация понятий и в конечном счёте отход от мировой революции, отказ от национальной независимости в центре и антиколониализм на обширных окраинах, защита интересов трудящихся, сопровождаемая повсеместным падением интеллектуального, политического и культурного уровня коммунистических партий.

И, наконец, кровавые стратегические поражения, в том числе и жертвенное участие лидеров и членов Коминтерна, превратили его историю в политико-культурный кошмар и «историческую дугу травматического напряжения» (Александр Джеффри) – таковы трагедии германской, польской и других коммунистических партий, имевшие место в тридцатых годах, после постыдного «поражения без борьбы» против Гитлера, а также советский террор и «бюрократический абсолютизм» (Моше Левин) в целом.

3. В качестве эмпирических инструментов, термины «большевиизация» и «сталинизация» служат для обозначения процесса трансформации ВКП(б), в которой возобладали «национал-социалисты», «социалистические колонизаторы» (Ленин) и Коминтерн. Однако

историзация этого процесса преобразования и, не в последнюю очередь, совершившийся в тридцатых годах крах всех без исключения рабочих интернационалов требуют применения теории среднего уровня в рамках более широкой модели.

В этом докладе мы попытаемся предложить двусторонний вариант для решения этой теоретической проблемы. В первую очередь Советский Союз, после Октябрьской революции, подобно другим государствам мира, отказался от прежних космополитических предпосылок универсального патриотизма, распространявшегося атлантическими революциями, возвратившись к понятию национального государства («социализм в одной стране»).

Во-вторых, и абстрагируясь от теорий ближнего действия, это можно объяснить тем, что капитализм, реагируя на революционный послевоенный кризис, принял обличье глубокого и всестороннего реакционного движения, попирающего демократические правила. Процесс перераспределения сфер влияния среди капиталистических стран достиг мёртвой точки одновременно с тем, как выявилась неспособность рабочего движения победить капиталистическую систему. В конце концов «решением» стало вырваться из тупика и всеми «революционными» средствами двинуться вперёд – к сильному национальному государству, фашизму и варварству Второй мировой войны. Это отражало общую тенденцию к созданию неоимперских порядков и подневольных государств, соответственно порабощению целых государств (Джозеф Вебер). Значительная часть институционализированного левого движения – например сталинизм и Коминтерн – содействовала усилению общего регрессивного движения, в то время как низовые общественное и антифашистские движения сопротивления пытались остановить этот процесс. Во многом основываясь на положениях книги Карла Поляни о «великой трансформации», авторитаризм и фашизм в конце концов смогли осуществить свой тоталитарный террор, в то время как сталинизм проводил тоталитарную трансформацию Советского Союза, – и в обоих случаях это производилось под маской революции. Фактически имел место тот парадокс, что не только республиканство и демократия, империализм, либерализм, авторитаризм, национализм и фашизм, но даже социализм и коммунизм оказались факторами, способствовавшими усилению национального государства. И, наконец, события окончательно приняли другой оборот после поражения левых в испанской гражданской войне, капитуляции Франции перед лицом авторитаризма и заключения пакта между Сталиным и Гитлером в августе 1939 года.

**FROM INTERNATIONALIST MOMENT TO DE-
INTERNATIONALIZATION:
THE COMMUNIST INTERNATIONAL
AND THE SOVIET UNION 1919–1943.
TOWARDS A MIDDLE RANGE THEORY**

*Bayerlein Bernhard H., PhD
(Institute for Social Movements, Ruhr-University Bochum, Germany)*

At the occasion of the centenary of the Communist International, this paper intends to deal with the question of a Left Alternative as historical legacy of the 20th century in a global and all-embracing perspective, especially regarding territories, trajectories, actors and tragedies of Comintern history. Paradoxically, the opening of the archives did not lead to general recognition of the Comintern as a central component of the 20th century's world history. Notwithstanding, since the expansion of the Roman Catholic Church, the 3rd International represents the most important attempt to create a world organization (Stephen Smith) as a universal association of the workers and oppressed classes of humanity in the tradition of the 1st and 2nd international since the XIX century. This negative balance is mainly due to the fact that Comintern, the Communist parties and the Soviet Union formed a complex power triangle which produced an even more complex transformational history. In fact, and in a double, contradictory sense, this mode reflected internationalization and international revolution as well as de-internationalization and renationalization.

1. Subsequently, the first question to be raised in this contribution will be, in what way the Comintern as an international revolutionary labour organisation addressed key issues, like the creation of a global, transnational and local spaces of resistance, emancipatory, anti-colonial, anti-racist movements, gender and youth politics. This question may be answered positively for its first period of existence.

The dynamics of the Internationalization process from the Left as a consequence of the world catastrophe of WW1 and the Russian Revolution, opened the revolutionary post-war crisis until 1923. As a counter model, Comintern opposed the League of Nations and other interstate or philanthropic models. The comprehensive economic background for internationalization was the first wave of globalisation

of capitalism (through financial capital, imperialism, colonialism etc.) at the beginning of the century. And on the Left, in consequence of the “International Moment” of 1919, not only the Comintern was founded, but also the International Federation of Free Trade Unions, followed by the International Working Union of Socialist Parties, the Red International of Labour Unions, the Socialist Workers’ International and the International Workers’ Association ...

2. Nevertheless, the second range of questions, which are, in what way the Comintern addressed a process of de-internationalization and re-nationalisation, may also be answered positively. The failure of “European Revolutions” (Charles Tilly) and the takeover of the Asian orientation for the Global South under Stalinism from the mid-twenties on, led to a break with the global, world-revolutionary concept. As a transformational stage, a backward movement of “inward-looking, interethnic Soviet internationalism” (Gleb Albert) articulated the superiority of Russian workers over national minorities or those of other Soviet republics, followed by a conceptual hybridization and finally the retreat from world revolution, the abandonment of a national independence in the center and anti-colonialism in the large periphery, the defence of the interests of the workers, accompanied by an overall decline of intellectual, political and cultural level of the communist parties.

Ultimately, the bloody strategic defeats (including the sacrificial involvement of their own leaders and members), transformed Comintern history into a political-cultural nightmare and a historical arc of traumatic tension (Geoffrey Alexander) – see the tragedies of the German, Polish and other Communist Parties in the thirties after the ignominious “defeat without a fight” against Hitler, the Soviet terror and “bureaucratic absolutism” (Moshe Levine) in general.

3. As empirical tools, the terms of “Bolshevization” and “Stalinization” outline the transformation process of the CPSU, in which the “national Socialists” and “Socialist colonizers” (Lenin) had won the upper hand, and the Comintern. Nevertheless, historisation of this transformation process and not at least the failure of all workers internationals without exception in the thirties requires a middle range theory within a broader conceptual model founded.

This paper tries to offer a bi-directional solution in order to resolve this theoretical problem. As first point, the Soviet Union, in the wake of the October Revolution, similar to the other world nations renounced the formerly cosmopolitan prerequisites of universal patriotism transported by the Atlantic Revolutions, coming back again to the concept of a national state (“socialism in one country”).

At second, and beyond short-range theories, this development can be traced back to the fact that capitalism, reacting to the revolutionary post-war crisis, took shape of a profound and comprehensive retrograde

movement detaching democratic rules. The process of redistribution of spheres of influence among the capitalist nations had reached a dead point with the simultaneous inability of the workers' movement to overcome the capitalist system. The "solution" finally was to cut through the impasse and to move forward by all "revolutionary" means to a strong nation state, fascism and barbarism in World War II, reflecting a general tendency towards neo-imperial arrangements and the establishment of slave states respectively the enslavement of entire nations (Joseph Weber). Large parts of the institutional Left, like Stalinism and the Comintern contributed to enhance the general retrograde movement, while left bottom up social and antifascist resistance movements tried to stop this process. Freely based on Karl Polany's book on the "great transformation", finally authoritarianism and fascism could implement its totalitarian terror while Stalinism realized the totalitarian transformation of the Soviet Union – in both cases disguised as revolution. Actually, the paradox occurred that not only republicanism and democracy, imperialism, liberalism, authoritarianism, nationalism and fascism, but also socialism and communism proved to be boosters of the national state. Finally the tide turned definitely with the defeat of the Left in the Spanish Civil War, the authoritarian demise of France and the conclusion of the Stalin-Hitler pact in August 1939.

РУКОВОДСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ЕЕ ИСТОРИИ, 1933–1938 гг.

Баканов Алексей Иванович, к.и.н.

*(Российский государственный архив социально-политической
истории)*

Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ) неоднократно становилась предметом исследования историков. Однако внимание историков преимущественно сосредотачивалось на первоначальном этапе развития партии¹, а также на отдельных вопросах ее деятельности. Работ, которые бы рассматривали заключительный период истории партии и ее лидеров, практически нет. В данной работе, основанной на документах КПЗУ, хранящихся в РГАСПИ, делается попытка ликвидировать этот пробел.

В 1933 г. ОГПУ была «раскрыта» Украинская военная организация. В рамках борьбы с этой организацией в СССР были арестованы десятки галичан-эмигрантов. К осени 1933 г. волна репрессий докатилась до Политбюро КПЗУ. Его члены Г.И. Иваненко и М.Т. Заячківський были вызваны в СССР и вскоре арестованы. После этого началась работа по созданию нового Бюро, Секретариата и ЦК КПЗУ.

Ключевая роль в обновленном ЦК отводилась выходцу с Советской Украины П.Ф. Залессокому-«Бергу», который возглавил новое Политбюро КПЗУ и стал проводником «политики Коминтерна» в КПЗУ вплоть до своего ареста в конце 1936 г. С 1934 г. вторым постоянным членом Бюро был Г. Рейхер-«Рваль». После ареста Берга в конце 1936 г. и отъезда Рваля в 1937 г. на работу в Испанию КПЗУ фактически осталась без высшего руководства.

Ключевую роль в обновленном Секретариате играл Г.М. Мушкат-«Марабут», который отвечал за проведение в КПЗУ партийной чистки. После его отъезда в Москву роль проводника политики Коминтерна занял Ш.Д. Грин-«Кантор».

¹ *Radziejowski J.* The Communist party of Western Ukraine. Edmonton, 1983;
Сливка Ю.Ю. Сторінки історії КПЗУ. Львов, 1989.

В результате проведенной новым руководством чистки руководящий актив партии был обновлен на 75 %, а общий состав партии существенно сократился.

В истории КПЗУ начался новый этап. От руководства партией были отстранены все коммунисты-украинцы, имевшие опыт службы в УСС и УГА. Их у руководства партией сменили евреи и поляки, а также молодые украинцы, которые в силу возраста не могли участвовать в военных кампаниях 1914–1920 гг.

После смены руководства КПЗУ изменилась и политика партии. Если до осени 1933 г. главным врагом для КПЗУ была польская оккупация, то при Берге гораздо большее внимание уделялось разоблачению украинского национализма и его «агентуры» в КПЗУ. Изменились взаимоотношения КПЗУ и КПП. Партия стала более зависимой от КПП. Времена политического противостояния КПЗУ и КПП навсегда ушли в прошлое.

Судьба членов нового Бюро и Секретариата КПЗУ сложилась трагично. Рваль в 1938 г. после возвращения из Испании был осужден по ложному обвинению и расстрелян. Эта же судьба ожидала и проживавшего в СССР Марабуга.

Берг после выхода из австрийской тюрьмы в 1938 г. перебрался в Прагу, откуда переехал в Англию. Поскольку Отдел кадров ИККИ возражал против его возвращения, в СССР он больше не вернулся.

Грин в 1939 г. избирался членом Народного Собрания Западной Украины. Однако вскоре его карьера пошла на спад. В апреле 1941 г. ему было отказано в переводе в партию. Доподлинно известно, что им интересовались советские правоохранительные органы. Возможно, в конечном итоге он был осужден, во всяком случае, следы его теряются.

Большинство центрального и окружного актива «старой» КПЗУ, занимавших посты до осени 1933 г., разделили судьбу руководства партии – они либо были вынуждены эмигрировать, либо стали жертвами репрессий 1937–1938 гг. Только меньшая часть старого актива партии смогла уцелеть и продолжить политическую деятельность в СССР.

СИМФОНИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

Бри Михаэль, PhD

(Институт критического социального анализа,
Фонд Розы Люксембург, Берлин, Германия)

В докладе содержится анализ знаменитой работы Розы Люксембург «Русская революция», написанной ею в тюрьме осенью 1918 года. Люксембург очень внимательно следила за проходившими в Германии спорами о русской революции (это документально подтверждено Шютрумпом в 2017 году) и начала выступать по этому вопросу всё более и более критично. Поводом для написания Розой Люксембург работы «*Русская революция*» стала реплика Эрнста Мейера после ареста Лео Йогихеса, редактора «*Писем Спартака*». Моя цель – реконструировать контекст, созданный в этой работе Розой Люксембург. Для этого я рассмотрю эту небольшую, но очень сильную работу целиком. Я отнесусь к ней как к симфонии, с её классическими четырьмя частями – как к симфонии, созданной как логикой, так и вдохновением. В центре моего исследования будет не историческая или злободневная правда утверждений Люксембург, но её трактовка тех противоречий, с которыми столкнулись большевики после захвата государственной власти.

Если в своей работе «*Русская революция*» Люксембург прежде всего положительно оценивает успех большевиков, которым удалось найти правильные лозунги, чтобы мобилизовать массы и нацелить их на революционные действия, то при этом она преследует и вторую цель, то есть критикует политику большевиков именно за то, что они отвергают понимание социализма как творения самих трудящихся. И высокая оценка, и суровая критика исторического свершения большевиков измеряются одним и тем же мерилom. Для Розы Люксембург социализм всегда сущностно определяется таким положением: «В нём должна участвовать вся масса народа». Этот критерий пронизывает всю её рукопись.

Если в первой длинной части работы Люксембург большевикам даётся высокая оценка, то её третья и четвёртая части посвящены в основном критике. Её критика большевиков сконцентрирована на трёх основных аспектах: первый – аграрная реформа; второй – провозглашение права наций на самоопределение и сепаратный мир с

Германией, и третий – «подавление демократии». Первые два пункта рассматривались в третьей части, а третий пункт – в четвёртой; оба – примерно одинакового объёма. Таковы вторая и третья часть симфонии Люксембург *«Русская революция»*.

Социализм для неё – это не аппарат, функционирующий по указаниям Центра. Нет, это жизнь, свободная деятельность свободных людей, объединённых непосредственным взаимодействием. Если бы такое отношение между непосредственным опытом и социалистическими целями – понимаемыми как обобществление средств производства – действительно существовало, то тогда и только тогда диктатура партии и террор были бы не только нравственно неприемлемыми; они были бы и неприемлемыми средствами создания политической власти. Роза Люксембург неоднократно это подчёркивала. Однако она не поняла того, что если понимать социализм как централизованную общественную экономику, то тогда он диаметрально противоположен свободному действию масс. Впрочем, Роза Люксембург никогда критически не размышляла о необходимых предпосылках её мнений о социализме, но вместо этого лишь указывала на конкретные проблемы, возникающие в процессе попытки большевиков построить социализм в послевоенной России.

ROSA LUXEMBURG'S SYMPHONY ON THE RUSSIAN REVOLUTION

Brie Michael, PhD
(Institute for Critical Social Analysis
of the Rosa Luxemburg Foundation in Berlin, Germany)

The paper analyses Rosa Luxemburg's famous work "The Russian revolution" written in prison in autumn 1918. Luxemburg had followed the debates about the Russian revolution in Germany very closely (this discussion is documented in Schütrumpf 2017) and began to intervene more and more critically. The trigger for Luxemburg's manuscript *The Russian Revolution* was a footnote by Ernst Meyer after Leo Jogiches, the editor of the *Spartacus Letters* was detained. What I aim for is a reconstruction of the context Rosa Luxemburg creates in the text. To this end, I will treat this small but very powerful work in its entirety. I will look at it as if it were a symphony, with its classical four movements, composed as much through logic as by passion. My focus is not on the historic or current truths of Luxemburg's statements and *how* she deals with the contradictions the Bolsheviks were facing after taking over state power.

Whereas Luxemburg's manuscript *The Russian Revolution* chiefly appraises the Bolsheviks' success in finding the right slogans to move and provide the masses with a focus towards revolutionary action, she also follows a second goal, namely to criticize Bolshevik policies precisely there where they stand against this understanding of socialism as a creation by the workers themselves. Both high esteem *and* harsh criticism of the historic accomplishment of the Bolsheviks are measured by the same standard. For Rosa Luxemburg socialism always essentially depends on one thing: 'The whole mass of the people must take part in it'. This measure binds the manuscript together.

Whilst the first long part of Luxemburg's manuscript appraises the Bolsheviks, sections III and IV concentrate on criticism. She focuses her criticism of the Bolsheviks on three central aspects: first, agrarian reform, second the proclamation of the right of nations to self-determination and the separate peace with Germany, and third the 'suppression of democracy'. The first two points are discussed in section III, and the third point in section IV; both are nearly equally long. These are the movements two and three of Luxemburg's symphony *The Russian Revolution*.

To her socialism is not a centrally planned machine. Instead, it is life, free action by free men and women united by direct cooperation. Should such a relation between direct experience and socialist goals – conceived as the socialization of the means of production – really exist, then, and only then, would the dictatorship of a party and terror not only be morally wrong but also the wrong means of building political power. Rosa Luxemburg repeatedly emphasized this. What she did not realize though, is that if socialism is understood as a centralized social economy then it is diametrically opposed to the free action of the masses. Yet Rosa Luxemburg never critically reflected on the necessary pre-conditions for her assumptions on socialism, and instead only pointed to concrete problems emerging in the Bolshevik attempt to implement socialism in post-war Russia.

ХОСЕ КАРЛОС МАРИАТЕГИ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ МАРКСИЗМ

*Брукманн Моника, PhD
(Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия)*

Особенностью эволюции критической мысли в Латинской Америке начала XXI века стал растущий интерес к изучению и переоценке трудов Хосе Карлоса Мариатеги. Частью инициатив, включающих публикацию научных статей, а также проведение коллоквиумов, семинаров и лекций о мировоззрении Мариатеги была деятельность, посвящённая осмыслению и распространению трудов перуанского мыслителя, а также переиздание его работ, особенно его классической книги «Семь очерков истолкования перуанской действительности».

Это возвращение наследия Мариатеги является частью более широкого движения, свидетельствующего о растущем интересе к переосмыслению Латинской Америки на основе всего самого оригинального, что есть в латиноамериканской социологии, в попытке возобновить теоретическую и политическую дискуссию, исходя из требований изменений, совершившихся в регионе, где после почти двух десятилетий власти неолиберализма и того глубокого экономического, политического и теоретического регресса, который он принёс в регион, с первых пятнадцати лет XXI века начался новый исторический этап. Этот процесс выражался в восстановлении суверенитета как основного элемента утверждения государств и народов, в углублении планов региональной интеграции, в возникновении новых народных движений, в усилении местной культуры и идентичности, в новом экологическом сознании и концепции устойчивости окружающей среды. Этим фундаментальным элементам для преобразований, аккумулированным на протяжении этого периода, сегодня серьёзно угрожает континентальная и мировая стратегия восстановления консервативного порядка.

Сложность современной латиноамериканской ситуации ставит нас перед необходимостью существенного теоретического переосмысления; возобновить обсуждение больших вопросов нашего времени необходимо не для того, чтобы отступить в прошлое, как это романтически предлагали представители некоторых философских течений, но для того, чтобы устремиться в будущее на основе укоренённой в

истории культурной идентичности, цивилизационного американского процесса и исторического накопления прогрессивных сил и планов. Возникшая в результате этого процесса новая идентичность будет, несомненно, располагать лучшими условиями, чтобы, отказавшись от евроцентричного менталитета, самоопределиться в своём фундаментальном мировоззрении для создания планетарной, инклюзивной и демократической цивилизации, в которой будет больше равноправия.

В этой статье делается попытка проанализировать теоретическое и политическое значение творчества Мариатеги для марксистского латиноамериканского мировоззрения и формирования подхода для углублённого понимания современного регионального и мирового положения и создания политических стратегий прогрессивных сил.

JOSÉ CARLOS MARIÁTEGUI Y EL MARXISMO LATINOAMERICANO

Bruckmann Mónica, PhD
(*Universidade Federal do Rio de Janeiro, Brazil*)

Un interés creciente por conocer y recuperar la obra de José Carlos Mariátegui marcaron la dinámica del pensamiento crítico en América latina a inicios del siglo XXI. Actividades de reflexión y difusión la obra del pensador peruano, así como re-ediciones de su obra, destacando su libro clásico “Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana” formaron parte de un conjunto de otras iniciativas que incluyen publicación de artículos científicos así como realización de coloquios, seminarios y cursos sobre el pensamiento mariateguiano.

Esta recuperación de Mariátegui es parte de un movimiento más amplio que demuestra un interés creciente por repensar América Latina a partir de lo más creativo en el pensamiento social latinoamericano, en un intento de retomar un debate teórico y político desde las exigencias de los cambios que se produjeron en la región, donde después de casi dos décadas de neoliberalismo y del profundo retroceso económico, político y teórico que significó para la región, se abrió una nueva etapa histórica durante los primeros quince años del siglo XXI. Este proceso se expresó en la recuperación de la soberanía como elemento central de afirmación de los Estados y de los pueblos, en la profundización de los proyectos de integración regional, en la emergencia de nuevos movimientos populares, en la fuerza de la cultura e identidad indígena y en una nueva conciencia ecológica y visión de sustentabilidad. Estos elementos centrales para las transformaciones acumuladas durante este período se encuentran hoy fuertemente amenazadas por una estrategia continental y mundial de reinstauración conservadora.

La complejidad de la coyuntura latinoamericana contemporánea nos coloca frente a la necesidad de una reelaboración teórica de gran magnitud, retomando el debate de las grandes cuestiones de nuestro tiempo, no para regresar al pasado como románticamente proponían algunas corrientes de pensamiento, sino para volcarnos hacia el futuro a partir de una identidad cultural enraizada en la historia y el proceso civilizatorio americano y de la acumulación histórica de las fuerzas y proyectos progresistas. Las nuevas identidades que emerjan de este proceso tendrán, seguramente, mejores

condiciones de abandonar una visión eurocéntrica para constituirse en una vertiente fundamental para la construcción de una civilización planetaria, inclusiva, democrática y más igualitaria.

Este artículo busca analizar las contribuciones teóricas y políticas la obra de Mariátegui para el pensamiento marxista latinoamericano y la pertinencia de su enfoque para una comprensión más profunda de la coyuntura regional y mundial contemporáneas y para la formulación de estrategias políticas de las fuerzas progresistas.

Д.Б. РЯЗАНОВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ МАРКСИСТСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ XX ВЕКА

Васина Людмила Леонидовна, к.э.н.

*(Российский государственный архив социально-политической
истории)*

В когорте представителей российской интеллигенции конца XIX – начала XX века, которые восприняли идеи марксизма, социальной революции и посвятили все свои силы и знания борьбе за их практическую реализацию, Д.Б. Рязанов занимает одно из значительных мест. В историю России он вошел как один из старейших деятелей российского социал-демократического движения, крупный советский общественный и государственный деятель, выдающийся ученый и организатор науки. Среди советских ученых-обществоведов 1920-х гг. Рязанов был единственным ученым с мировым именем. Масштабная, яркая, творческая личность Рязанова в наибольшей степени реализовалась в области собирания и публикации наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, изучения истории марксизма. Деятельность Рязанова в этой сфере во многом определила эволюцию в развитии его собственного мировоззрения.

Идейная эволюция Рязанова в начале XX в. отражала непростой процесс усвоения марксизма в российской социал-демократии. Сложные отношения сложились у Рязанова с Г.В. Плехановым и группой «Освобождение труда». Он не принадлежал к числу ближайших соратников В.И. Ленина, который вместе с тем ценил его широкий кругозор, образованность, прекрасное знание литературного наследия Маркса и Энгельса. Главным детищем Рязанова стал основанный в январе 1921 г. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, положивший начало российской публикаторской школы научного издания наследия Маркса и Энгельса, оказавшей огромное влияние на издание трудов Маркса и Энгельса в мире. Разработанные Рязановым методика и принципы научной публикации сочинений Маркса и Энгельса были положены в основу всех последующих изданий сочинений Маркса и Энгельса, осуществленных в СССР на русском и иностранных языках.

Именно Рязанов обнаружил и впервые опубликовал как на языке оригинала, так и на русском языке «Тезисы о Фейербахе» Маркса,

рукописи Маркса и Энгельса «Немецкая идеология», «Диалектика природы» Энгельса, черновую рукопись «Капитала», известную сегодня под названием «Грундриссе», и многие другие работы Маркса и Энгельса. Эти издания существенно расширили теоретическую и источниковую базу марксизма, по-новому представили развитие идей Маркса и Энгельса в области философии и политической экономии как составных частей марксистского мировоззрения.

Рязанов создал особый раздел обществоведения – *марксоедение* как специальный раздел гуманитарного знания, первым исследовал многие страницы научной и политической биографии Маркса и Энгельса. Отдавая дань времени, он вместе с тем внес лепту в догматизацию некоторых проблем марксистской теории, в том числе взаимоотношений Маркса и Энгельса с представителями иных идейных и политических течений.

Рязанов был убежден в неизбежности мировой социалистической революции. Отсюда – его идейная связь с Коммунистическим интернационалом. На Институт К. Маркса и Ф. Энгельса возлагались задачи по подготовке и изданию трудов классиков марксизма и марксистской литературы для коммунистических партий отдельных стран. На V конгрессе Коминтерна Рязанов выступал с отчетом о ходе работы над изданием полного собрания сочинений Маркса и Энгельса.

Главным проектом Рязанова в области публикации наследия Маркса и Энгельса было издание Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА), начатое в 1920-е гг., но оборвавшееся в середине 1930-х гг.

Личная трагическая судьба Рязанова отразила драматизм и судьбу поколения создателей и первых руководителей и деятелей советского государства, попавших под жернова сталинских репрессий. Рязанов проявил себя как человек огромного личного мужества, оставшийся до конца верным своим принципам и убеждениям. «Рязанов был органически не способен подличать, подхалимствовать, упражняться в излишней верноподданнических чувств... Если бы Рязанов где-нибудь хотя бы в нескольких словах намекнул на то, что Маркс и Энгельс были только предтечами Сталина, то все козни молодых негодяев сразу рассыпались бы прахом...» – писал Троцкий. Подлинной драмой Рязанова и других его современников, обществоведов-марксистов, была трансформация в 1930-е гг. идей творческого марксизма в некий свод догматов и схем, отражавших установки режима личной власти Сталина.

Не меньшей, однако, драмой стали события конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда теория Маркса, именем которой освещалось строительство нового мира, вместе с историей советского общества, казалось, навсегда была отправлена «на свалку истории». Однако мероприятия в разных странах, связанные с 200-летием со дня рождения

Карла Маркса, показали, что интерес к личности Маркса и его идеям сохраняется в мире и сегодня.

Имя и дело Рязанова пережили его время. Прямым продолжением грандиозного замысла Рязанова стало новое издание МЭГА, начатое в конце 1960-х гг. и продолжающееся сегодня в рамках международного издательско-исследовательского проекта, работа над которым ведется и в РГАСПИ сотрудниками группы МЭГА. С изданием МЭГА происходит возвращение к аутентичному Марксу. Публикация в МЭГА нового издания «Немецкой идеологии» потребовала осмысления и оценки сделанного в этой области Рязановым. Дискуссии на эту тему продолжаются.

Почти сто лет спустя труды Рязанова оказываются востребованными и актуальными, что подтвердило издание избранных работ Д.Б. Рязанова по марксведению «Вчитываясь в Маркса...», подготовленное в 2018 г. сотрудниками группы МЭГА в РГАСПИ.

ОБРАЗОВАНИЕ КОМИНТЕРНА: МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭХО РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ватлин Александр Юрьевич, д.и.н.

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Программа Коминтерна, и шире – идеология мировой революции пролетариата лежала в основе советского государства, ставшего главным итогом Российской революции 1917 года. На протяжении семи десятилетий его существования она являлась стержнем идейной легитимации политического режима, составляла основу того образа прошлого и будущего, который прививался советским людям, начиная со школьной скамьи. В 90-е годы радикально изменился вектор интереса российской общественности к своему прошлому, и Коминтерн превратился в «забытый Интернационал». Однако время бесплодного отрицания социального опыта предшествовавших поколений, напоминавшее отношение большевиков к дореволюционной России и представителям «буржуазной» науки, проходит. В год юбилея о Коммунистическом интернационале, его идеях и людях говорят по телевидению, обсуждают в Интернете и печатных СМИ.

Предыстория всемирной организации коммунистов началась в августе 1914 года. Первая мировая война одним махом перечеркнула иллюзии «вечного мира» и поставила под вопрос уверенность человечества в неотвратимости и прямолинейности общественного прогресса. Военный конфликт не стал короткой «очистительной грозой», и на четвертом году войны революционный выход из нее стал казаться миллионам рабочих и солдат по обе стороны от линии фронта вполне реальной перспективой.

Эпоха революций открылась в России. После недолгой демократической прелюдии власть в этой стране перешла к партии большевиков. Их тактика решающего штурма оказалась более успешной, нежели парламентская стратегия их вчерашних европейских соратников. Россия из окраины цивилизованного мира превратилась в полигон невиданного социального эксперимента. «Мы и начинали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию», – утверждал в 1920 году В.И. Ленин.

При всем несовпадении лозунгов и реалий российская революция оказывала все возрастающее воздействие на внешний мир. По-

пулярный лозунг «Сделаем как в России!» подразумевал не слепое подражание чужому примеру, а стремление любой ценой вырваться из кошмара нескончаемых войн и материальных лишений. Лидеры левого крыла европейского рабочего движения изучали опыт подпольной борьбы РКП(б), примеряли к условиям своих стран декреты советской власти. На рубеж 1918–1919 годов. пришелся крах континентальных империй, началась серия революций в проигравших странах. Победа «в мировом масштабе» казалась большевикам невероятно близкой.

Сделав ставку на «короткую перспективу», Ленин инициировал жесткий отбор тех политических сил, которым будет доверено руководство мировой революцией пролетариата. Одним из главных критериев этого отбора выступало безоговорочное признание всемирно-исторического значения Октябрьской революции. Расчеты на то, что Учредительный конгресс Коминтерна удастся провести на Западе – в Берлине, Голландии или Скандинавии, – были опрокинуты ходом событий.

В отличие от Второго Интернационала Коминтерн рассматривал себя не как федерация национальных партий, а как единая коммунистическая организация, «генеральный штаб» казавшейся неизбежной и недалекой всемирной гражданской войны. Этим диктовался решительный разрыв с традициями массовых рабочих партий, формирование кадров профессиональных революционеров и постоянная чистка их рядов, строгая конспирация и использование методов подпольной работы, опробованных большевиками в борьбе с самодержавием.

Работа московского штаба Коминтерна несла на себе отпечаток утвердившихся в России военно-коммунистических методов – решения хозяйственных и политических проблем путем создания все новых учреждений, приказного администрирования и комиссарских инспекций. В результате практика большевистской диктатуры все больше отрывалась от европейской почвы и обращалась к авторитарной традиции России. Тезис о построении социализма в одной стране, который использовал Сталин в борьбе с прочими наследниками Ленина, явился лишь идеологическим оформлением этого отрыва.

**«СЕРП ПОСЛЕ МОЛОТА»:
КОМИНТЕРН И КРЕСТЬЯНСТВО, ИСТОРИЯ КРЕСТИНТЕРНА**

*Визрё Жан, PhD
(Центр Жоржа Шеврие, Дом наук о человеке Дижона, Франция)*

Первая мировая война, ознаменовавшая крах центрально-европейских империй и наступление демократической эпохи, способствовала и усилению радикальной критики политических систем; это был момент «эпохи масс», согласно терминологии Эрика Джона Хобсбаума. Болезненный опыт мировой войны, в которой миллионы были убиты и ранены, оставила неизгладимый след в сознании людей; пацифизм II Интернационала снова в начале века снова вернулся в повестку дня. К этому болезненному вопросу добавился и вопрос социальный, ставший безотлагательным; мобилизация низших слоёв населения («другого фронта») вынудила осознать неравенство и несправедливость. В такой обстановке Западная Европа и интерпретировала события, происходившие в России после февраля 1917 года. Мир крестьянства и жителей села, который понёс во время войны тяжёлые потери (то есть многочисленная пехота), осознал, что можно поднимать социальный вопрос или требовать его разрешения.

Решив, в марте 1919 года, создать III Интернационал или Коминтерн, Ленин начал настоящее состязание с остальными организациями рабочего движения за руководство массами. А потом появилось намерение снова привлечь на свою сторону социалистических активистов всего мира. Шла борьба и за крестьянские массы, хотя мир городских рабочих лучше соответствовал этой модели; сельский мир продолжал интегрироваться в глобальный мир, оказался в сфере притяжения коммунизма. Именно на II Всемирном конгрессе Коминтерна были претворены в жизнь составленные Лениным тезисы по аграрному вопросу; крестьянский вопрос анализировался с точки зрения значимости села в европейском и мировом обществах, то есть крестьянство рассматривалось в качестве потенциального союзника, революционность которого могла усилиться под влиянием общественных и политических факторов.

Через несколько лет основание Крестьянского интернационала как массовой организации Коминтерна стало свидетельством потребности найти союзников для революции. Крестинтерн предполагали

использовать для создания независимых крестьянских организаций во всех странах и для связи с существующими крестьянскими движениями или партиями на основе уроков, которые были извлечены из трагических событий в Болгарии, происходивших в июне 1923 года. Основание Крестинтерна стало и ответом на создание (в 1921 году, в Праге) Международного крестьянского союза. Общими целями нового Интернационала, как они были сформулированы в его уставе, были: «содействовать борьбе за освобождение крестьянства всего мира от векового ига и угнетения крупными помещиками и капиталистами» и защищать «интересы огромных крестьянских масс мира и улучшать крестьянскую экономику». В период сталинизма Крестинтерн был упразднён, но он заложил основу для создания программы крестьянской реформы.

**«THE SICKLE AFTER THE HAMMER»:
COMINTERN AND THE PEASANTRY,
HISTORY OF THE KRESTINTERN**

Vigreux Jean, PhD

Centre Georges Chevrier, MSH de Dijon, France

The First World War, which marks the end of Central Empires in Europe and the advent of the democratic age, also gives rise to a radical critique of political systems; it is the moment of «the era of the masses» according to the terminology of Eric J. Hobsbawm. The trauma of the total war that has left millions dead and wounded is a lasting mark on people's minds; the pacifism of the Second International at the beginning of the century is again on the agenda. To this painful problem is added the urgency of the social question; the mobilization of the back (of the «other front») makes one aware of the inequalities, the injustices. It is in this context that Western Europe reads the events of Russia since February 1917. The world of peasants and rural people, which suffered heavy losses during the war (the great mass of infantrymen), takes hold of the social issue can claim or raise.

When Lenin decided in March 1919 to create the Third International or Comintern, he began a real race with the rest of the labor movement to lead the masses. Then follows the will to recover the socialist militants of the whole world. The peasant masses are also coveted, even if the urban workers' world corresponds better to the model; the rural world continues its integration into the global world, it is part of the field of attraction of communism. It was at the Second World Congress of the Comintern that the agrarian theses elaborated by Lenin were put in place; the peasant question is analyzed through the weight of the rural world in European and world societies, that is to say as a potential ally in which sociological and political factors can strengthen revolutionary movements.

A few years later, the founding of a Peasant International as a mass organization of the Comintern underlines the need to find allies to the Revolution; this birth of the Krestintern is to be used for the formation of independent peasant organizations in all countries, and to link with existing peasant movements or parties, drawing lessons from the tragic events of Bulgaria in June 1923. This foundation is also an answer to the creation of the International Peasant Union of Prague in 1921. The general

aims of the new International, as formulated in its statutes, are to «promote the struggle for the liberation of the peasantry of the whole world from the secular yoke and oppression by the big landowners and the capitalists», as well as to defend «the interests of the largest peasant masses in the world and the improvement of the peasant economy». With the Stalinist period the Krestintern is abolished, but he laid the groundwork for an agrarian reform program.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМ В КОНЦЕПЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. ОТ ВСЕМИРНОЙ МЕЧТЫ ДО НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СТРАТЕГИИ КОМИНТЕРНА

*Воликов Серж, PhD
(Фонд Габриеля Пери, Франция)*

В сообщении предполагается рассмотреть противоречия в Коминтерне с учётом того, какими они представлялись, а также их эволюцию задолго до того, как они себя проявили, и на них стали ссылаться, чтобы оправдать крах Исполкома Коминтерна.

В выступлениях Сталина в 1941-м и, ещё раз, в 1943 году, в которых подчёркивалась хроническая неспособность Коммунистического интернационала справляться с национальным разнообразием, содержалось требование переосмыслить некоторые кризисы и проблемы, сопутствовавшие организации со времени её основания.

Разнообразие национальной специфики было очень рано осознано основателями Коммунистического интернационала как реальность, но его можно было преодолеть. С первых лет, несмотря на оптимизм, вызванный надеждой на скорое отмирание прежних национальных государств, большевики, руководившие советским государством, обдумали и провели дипломатические переговоры с государствами, которые могли угрожать советской власти, и это были такие разные страны, как, например, Франция, Турция или Германия, с которыми велись переговоры в 1922 году. Учёт национального своеобразия имел основополагающее значение для работы Интернационала, но он принимал разные формы с тех пор, как сначала были созданы первые отделения в Амстердаме, Берлине или Ташкенте, потом, с 1925-го по 1935 год – секретариаты по географическим зонам, и, наконец, большие регионы мира были приписаны к разным секретариатам Интернационала.

Влияние внешней политики Исполкома Коминтерна на разные коммунистические партии часто анализировалось односторонне. Эта мировая политика определялась колебаниями, вызванными несколькими определяющими факторами неравной значимости, – такими как положение и политика СССР, международная экономика,

политическая и военная обстановка, роль и влияние национальных коммунистических партий. Для общей стратегии коммунистического движения были характерны колебания, зависевшие от разных периодов. В те периоды, когда на первое место выходила революционная идентичность, от организаций требовали её демонстрировать и заявлять о своих конечных целях, а в другие периоды стратегия (цели и способы действия) заключалась в том, чтобы придавать первостепенное значение альянсам, определяемым ограниченными целями, что грозило утратой фундаментальных целей. Даже если характерная для первых лет Коммунистического интернационала нацеленность на всемирность со временем исчезла, Коминтерн, тем не менее, сохранил свой интернационализм, принципы которого повсеместно навязывались всеми партиями, что приводило к разным результатам. Таким образом, антифашизм тридцатых годов мобилизовал в Европе различные силы и предложил им общую перспективу. В то же время одобрение колониального статуса-кво привело к расколу между коммунистами и националистическими движениями. В западных странах коммунистические партии попеременно призывали или осудить социал-демократию, или солидаризироваться с ней для защиты СССР. От мощных коммунистических партий – как в Германии и потом во Франции – требовали не участвовать в правительственных действиях, пока это не было разрешено в 1937 году и затем во время войны. К Французской коммунистической партии Коммунистический интернационал относился с постоянным недоверием, подозревал её в желании вступить – ещё с двадцатых годов – в политические игры парламентской республики, и она периодически поощряла сектантское поведение, полагаясь на молодых коммунистов. Но одновременно Коминтерн ожидал, что в двадцатых годах ФКП повлияет на внешнюю политику Франции в пользу сближения с СССР, а затем будет выступать за альянс с ним.

Распространение Интернационалом коммунистической политической культуры – это, без сомнения, было характерно и для самых старых активистов, и для организаций – даже после 1943 года. Если официально память о Коммунистическом интернационале вскоре исчезла из истории коммунистических партий, то отказ от основополагающих идеалов коммунистического движения представляется спорным.

**THE TENSION BETWEEN NATIONAL AND INTERNATIONAL
IN THE PROJECT AND THE ACTIVITY
OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL.
FROM THE GLOBAL DREAM TO NATIONAL
CONTRADICTIONS IN THE COMINTERN'S STRATEGY**

*Wolikow Serge, PhD
(Gabriel Péri Foundation, France)*

The communication proposes to envisage contradictions within the Comintern by considering their appearance and their development in the long term before they become manifest and are used to justify the end of the IC.

Stalin's interventions in 1941 and again in 1943, stressing the Communist International's long-standing inadequacy to cope with national diversity, call for a rethinking of some of the crises and tensions that went through the organization from the beginning.

The diversity of national situations was very early taken in consideration by the founders of the Communist International as a reality but it was possible to overcome. From the first years, despite the optimism displayed on the soon disappearance of the former nation states, the Bolshevik leaders in charge of the Soviet state envisage and carry out diplomatic negotiations with the states that can threaten the Soviet power, be it from such different countries that France, Turkey or Germany, in 1922 for example. The taking into account of the national realities was constitutive of the functioning of the International, but it took several forms, since the first offices settled in Amsterdam, Berlin or Tashkent, then the secretariats by geographical zones from 1925 to 1935, finally the attribution of great regions of the world to the various secretaries of the International.

The impact of IC world politics on the various communist parties is often analyzed unilaterally. This global policy has been subject to fluctuations caused by several determinants of unequal importance, such as the situation and politics of the USSR, the international economic, political and military context, the role and influence of the national communist parties. The overall strategy of the communist movement has known variations with alternations between several periods. Some centered on the revolutionary identity, displayed and claimed around organizations and their ultimate goals, on the one hand, and upon other periods when

the strategy (objectives and the means of action) is to highlight the importance of alliances around limited objectives at the risk of abandoning the fundamental references. Even though the Communist International's world-wide focus in the early years has faded, the Comintern retains international guidelines that are imposed globally by all parties with contradictory effects. Thus the anti-fascism of the thirties mobilizes in Europe different forces and offers them a common perspective. At the same time, the acceptance of the colonial status-quo causes the break between the communists and the nationalist movements. In Western countries communist parties are alternately called to denounce or ally with social democracy to defend the USSR. The powerful communist parties, as in Germany and then in France are summoned not to engage in governmental practices before it is accepted in 1937 and then during the war. In the case of the French Communist Party, the Communist International constantly suspects it of wanting to join the game of the parliamentary republic, from the 1920s and it periodically encourages sectarian behavior by relying on young communists. But at the same time, it expects the PCF to influence France's foreign policy in favor of rapprochement with the USSR in the 1920s and then for an alliance.

The spread of the Communist political culture by the International is certainly, what marks the longest lasting activists and organizations well beyond 1943. If officially, the memory of the Communist International is quickly erased from the history of the communist parties it was likely to call into question the renunciation of the founding ideals of the communist movement.

СИНДИКАЛИСТЫ МЕЖДУ АНАРХИЗМОМ И БОЛЬШЕВИЗМОМ: СОЗДАНИЕ БЕРЛИНСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПРОФСОЮЗОВ

*Дамье Вадим Валерьевич, д.и.н.
(Институт всеобщей истории РАН)*

Первая мировая война прервала связи между революционно-синдикалистскими профсоюзами, хотя в 1916–1919 гг. голландские, скандинавские и немецкие синдикалисты выступали с инициативой созыва международной конференции. После войны между анархистами и сторонниками большевизма разгорелась борьба за влияние на революционно-синдикалистское профсоюзное движение. При этом большевики опирались на миф о Российской революции, который распространился по всему миру, и использовали иллюзии части радикальных левых о возможности «исторического примирения между Марксом и Бакуниным».

После создания Коминтерна в 1919 г. о присоединении к нему на различных условиях заявили французские, итальянские, испанские и британские революционные синдикалисты. Но уже в 1919–1929 гг., одоббив принципы анархо-синдикализма, немецкий профцентр ФАУД встал на путь размежевания с коммунистами. В ходе II конгресса Коминтерна (1920 г.) испанские, немецкие и британские синдикалисты отвергли большевистские идеи о необходимости работы в реформистских профсоюзах, о «диктатуре пролетариата», о завоевании политической власти и подчинении профсоюзов компартиям. Тем не менее позднее британцы и французы объявили о намерении присоединиться к Профинтерну.

На международной конференции революционных профсоюзов в Берлине в декабре 1920 г. участники критиковали преследования анархистов в Советской России. Представители немецкого ФАУД, аргентинской ФОРА, Индустриальных рабочих мира (ИРМ), шведской САК, голландского НСТ и британских шоп-стюартов сформулировали условия вступления в Профинтерн, включавшие, в частности, его полную независимость от любой политической партии и признание регулирования производства и распределения задач рабочих союзов. Было создано Международное синдикалистское информационное бюро в Амстердаме во главе с Б. Лансинком. В свою очередь,

большевики, верные им западноевропейские компартии и московский оргкомитет Профинтерна стремились склонить революционных синдикалистов к участию в создаваемом международном профобъединении под эгидой коммунистов. Главным противником при этом считался немецкий ФАУД.

В конгрессе Профинтерна в июле 1921 г. приняли участие представители революционных профцентров Аргентины, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, США, Уругвая, Франции и Швеции. Большинство из них безуспешно возражали против подчинения международного профобъединения Коминтерну и работы в реформистских профсоюзах. Синдикалисты объявили об основании «Ассоциации революционных синдикалистских элементов мира», к которой намеревались примкнуть организации с 2,8 млн членов, но она так и не была создана. Большевикам удалось разбить единый блок синдикалистской оппозиции, пообещав учитывать особенности каждой страны при определении формы координации деятельности профсоюзов и компартий.

Ситуация начала меняться в неблагоприятную для Москвы сторону под влиянием репрессий против анархистов и анархо-синдикалистов в России и на Украине и в связи с тем, что большевики продолжали настаивать на подчинении профсоюзов Коминтерну. В октябре 1921 г. на международной конференции синдикалистов из Германии, Нидерландов, Швеции, Чехословакии и представителей от ИРМ в Дюссельдорфе было принято решение считать основание Интернационала профсоюзов несостоявшимся и созвать новый международный конгресс на основе условий 1920 г. Подготовка встречи возлагалась на международное Информационное бюро революционных синдикалистов и индустриалистов. В 1922 г. к призыву пересмотреть вопрос о взаимоотношениях между Коминтерном и Профинтерном присоединились итальянский УСИ и французская УВКТ, а испанская НКТ объявила о выходе из Коминтерна. Синдикалисты требовали сохранить независимость революционного профдвижения от компартий в международном и национальном масштабах, провести новый конгресс вне Советской территории и перенести резиденцию Исполкома Профинтерна за пределы России, ввести равное представительство страновых организаций на конгрессе и т.д.

Инициатором поиска соглашения между Профинтерном и синдикалистами выступила французская УВКТ. Международная конференция революционных синдикалистов, которая проходила в Берлине 16–19 июня 1922 г., собрала делегатов из Франции, Германии, Швеции, Норвегии, Испании, а также от российских анархо-синдикалистов и официальных российских профсоюзов, представлявших Профинтерн. Коммунистическая фракция в УСИ и профсоюзы, отколовшиеся от немецкого ФАУД, не были допущены с правом реша-

ющего голоса, что побудило советских делегатов покинуть конференцию. Большинство участников подвергло резкой критике репрессии против анархистов в Советской России. Они постановили порвать с Профинтерном и созвать в конце года всемирный конгресс революционно-синдикалистских профцентров, а также создать Временное бюро революционных синдикалистов во главе с Р. Рокером. Была принята декларация принципов, в основу которой была положена аналогичная декларация ФАУД. Она закрепила переход от довоенного революционного синдикализма к анархо-синдикализму.

В последней попытке привлечь на свою сторону хотя бы часть революционных синдикалистов руководство Коминтерна и Профинтерна согласилось на отмену взаимного представительства обоих «красных» Интернационалов, хотя продолжало настаивать на «руководящей роли» коммунистов в профсоюзах. Эта уступка показалась достаточной руководству французской УВКТ, которое заявило о присоединении к Профинтерну, и лидерам НСТ. Остальные революционно-синдикалистские союзы поддержали организационное размежевание с большевизмом, чему способствовала и международная кампания за освобождение арестованного в России анархо-синдикалиста А. Шапиро. При этом аргентинская ФОРА настаивала на еще более решительном разрыве с коммунистами и довоенным революционным синдикализмом, добиваясь отказа от передачи профсоюзам управления новым обществом вольного анархизма, от отраслевой формы организации и от любого взаимодействия с политическими партиями.

Учредительный конгресс анархо-синдикалистского Интернационала проходил нелегально в Берлине с 25 декабря 1922 г. по 2 января 1923 г. С правом решающего голоса были представлены ФОРА, ФАУД, Синдикалистская пропагандистская федерация Дании, УСИ, НСТ, Норвежская синдикалистская федерация и САК. Среди наблюдателей были, в частности, французские и чехословацкие синдикалисты, а также немецкие левокоммунистические рабочие союзы. Делегаты отвергли возможность допуска на конгресс представителя Профинтерна. Часть французских и голландских представителей призвали учесть решение Московского Интернационала об организационной независимости от Коминтерна, но большинство участников сочло этот шаг всего лишь маневром. 27 декабря 1922 г. конгресс постановил учредить «Интернационал революционного синдикализма», независимый «от всех партий и правительств». Он принял название «Международная ассоциация трудящихся» (по аналогии с Первым Интернационалом). Тем не менее, по настоянию французских синдикалистов, секретариату Берлинского Интернационала было дано поручение провести «обмен мнениями» с Профинтерном с тем, чтобы «открыть путь к профсоюзному единству» на революционной основе.

Делегаты одобрили анархо-синдикалистскую декларацию принципов и устав, в котором закреплялось федералистское устройство Интернационала. Был избран Секретариат в составе членов ФАУД Р. Рокера и А. Сухи, а также российского эмигранта А. Шапиро.

К концу 1923 г. большинство секций ратифицировали свое присоединение к МАТ. В нее официально вступили профобъединения из Германии, Швеции, Норвегии, Нидерландов, Аргентины, Уругвая, Испании, Португалии, Мексики, Италии. В последующем, в 1920–1930-х гг. секции, пропагандистские группы сторонников МАТ и близкие к ней организации появились также в других странах мира.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В СТОЛЕТИЕ СВОЕГО ОСНОВАНИЯ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (1919–1923)

Джанни Эмилио

(Биографический архив итальянского рабочего движения, Италия)

В связи с этой значимой международной инициативой, которая через сто лет после основания Коминтерна заставляет нас задумать-ся о «левой альтернативе», предложенной самим Коминтерном рабочим всего мира, мы предлагаем вниманию наших коллег следующую работу, вдохновлённую этим поводом. Работа, недавно опубликованная миланским издательством «Pantarei» (www.edizionipantarei.com) под редакцией Биографического архива рабочего движения в Генуе (www.abmo.it) – «*L'Internazionale comunista nel centenario della sua nascita. Dizionario biografico (1919–1923)*» («Коммунистический интернационал в столетие своего основания. Биографический словарь (1919–1923)»), – это наша необходимая дань памяти людям, пытавшимся создать Коммунистический интернационал.

Это история не самого Коммунистического интернационала, но его героев. Если нынешняя социальная реальность и геополитическая обстановка всё больше и больше подтверждают, что история «не закончилась», – как некоторые недальновидно поспешили заявить после краха российского «лжесоциализма», – то уроки Коммунистического интернационала опять актуальны. Если мы продолжаем жить в эпоху империализма и пролетарских революций, то проблемы, с которыми в то время сталкивался мировой пролетариат, снова в повестке дня – пожалуй, ещё и приумноженные глобализацией, распространившей капиталистический способ производства на весь мир и сопряжённой с борьбой за рынки – борьбой уже не отдельных держав, но целых континентальных блоков.

«Горючий материал» для всё более возможных новых войн увеличивается день ото дня. Но вместе с этим и именно благодаря глобальному развитию самого капитализма отрицание отрицания тоже невероятно: им является армия пролетариев, насчитывающая теперь миллиарды в мировом масштабе. Поэтому переосмысление значения Коммунистического интернационала – до того, как он постепенно превратился в сталинизм, – это не просто историографическое

упражнение, но и необходимость для всех тех, кто ещё думает о том, как человечество может выйти за пределы нынешней социально-экономической формации, для которой характерна эксплуатация человека человеком. Результатом этого размышления стала увлекательная работа, созданию которой посвятили себя 77 исследователей из 27 стран, которые, разумеется, представляют разные научные и идеологические школы и не все разделяют революционно-коммунистическое мировоззрение.

Результаты этой работы говорят сами за себя. Центральную часть первых трёх томов биографического словаря занимают 1411 биографий представителей 69 стран: практически здесь представлены судьбы подавляющего большинства тех, кто так или иначе участвовал в деятельности Коммунистического интернационала до его IV конгресса включительно. Для этого создатели словаря обратились более чем к 3300 источникам, представленным в книге в качестве аппарата, что, несомненно, демонстрирует грандиозность проделанной исследовательской работы – работы, к тому же обогащённой как обширной политической хронологией с 1907-го по 1946 год, так и библиографией, охватывающей историю отдельных рабочих движений и коммунистических партий более чем семидесяти стран.

**THE COMMUNIST INTERNATIONAL IN THE CENTENARY
OF ITS FOUNDATION. BIOGRAPHICAL DICTIONARY
(1919–1923)**

Gianni Emilio

(Archivio Biografico del Movimento Operaio Italiano, Italy)

On the occasion of this important international initiative which, in the centenary of the foundation of the Comintern, invites us to reflect on the “left alternative” offered to the workers of the whole world by the Comintern itself, we propose the following work, inspired by this occasion, to the attention of our colleagues. The work, recently published by the Pantarei publishing house, Milan (www.edizionipantarei.com), edited by the Archivio Biografico del Movimento Operaio di Genova (Biographical Archive of the Worker’s Movement, Genoa) (www.abmo.it) – *L’Internazionale comunista nel centenario della sua nascita. Dizionario biografico (1919–1923)* – (*The Communist International in the Centenary of its Foundation. Biographical Dictionary (1919–1923)*) – is our due homage to those men and women who tried to give birth to a Communist International.

It is not the story of the Communist International itself, but of its protagonists. If today’s social reality and geopolitical situation increasingly attest that history “is not over” – as some improvidently hastened to proclaim in the aftermath of the collapse of Russian “false socialism” – the lesson of the Communist International is once again topical. If we continue to live in the epoch of imperialism and proletarian revolutions, the problems that the world proletariat of the time found itself facing are back on the agenda... if anything magnified by a globalisation that has spread the capitalist mode of production all over the world, with a struggle for hegemony over the markets that is no longer one of single powers but of whole continental blocs.

The “inflammable material” for increasingly possible new conflicts is growing day by day. But with it, and precisely thanks to the global development of capitalism itself, the negation of negation has also increased enormously: an army of proletarians, that now numbers billions on a planetary scale. Hence, reasoning again about the significance of the Communist International, before it slid into Stalinism, is not a mere historiographical exercise, but a necessary reflection for all those who still

set themselves the task of how the human race can move beyond the present socio-economic formation, characterised by man's exploitation of man... an engrossing work to which 77 researchers of 27 nations, who, it goes without saying, come from different schools of thought and orientations, and cannot all be ascribed to our revolutionary communist viewpoint, have devoted themselves.

The results of this work speak for themselves. 1,411 biographies of exponents of 69 nations make up the central body of the first three volumes of the biographical dictionary: in practice, the vast majority of those who, in various ways, participated in the events of the Communist International up to and including its fourth congress. The over 3,300 sources consulted for the purpose, which appear in the volume regarding apparatuses, clearly demonstrate the vastness of the research work carried out... work also enhanced by an extensive political chronology from 1907 to 1946, and by a bibliography regarding the history of the single labour movements and communist parties of more than 70 nations.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКИЕ ИДЕИ РЕВОЛЮЦИОННОГО БОЙЦА В СССР И ИСПАНИИ

Джудичи Антонио
(*независимый исследователь, Хорватия*)

Цель этого доклада – восстановить биографию члена Коминтерна Феличе Кнапича (1908–1975), активного участника гражданской войны в Испании. По его 45-страничному дневнику, до сих пор не опубликованному, можно установить, какой была его сеть в Европе до, во время и после Второй мировой войны.

Кнапич родился в Сиссано [по-хорватски – в Шишане, в настоящее время – на полуострове Истрия в Хорватии], небольшом посёлке около города Пола [по-хорватски – Пула], военном порту Австро-Венгерской империи. В 1922 году Истрия вошла в состав Итальянского королевства, и, едва став молодым социалистом, Кнапич был вынужден бежать от фашистских властей и пересёк югославскую границу, находившуюся в городе Фиуме [по-хорватски – Риека]. Тогда-то и началось его европейское странствие по нескольким странам – Австрии, Швейцарии, Франции, Лихтенштейну, России, Германии и Испании. В дневнике Кнапич записал, что в 1934 году он принимал участие в проводившейся в Париже конференции, на которой был создан европейский антифашистский альянс. С 1935-го по 1937 год он посещал Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и Международную ленинскую школу (МЛШ) в Москве, где читали лекции Пальмиро Тольятти и другие выдающиеся политики XX века. Позже, судя по его дневнику, он оказался в специальной военной школе (существовавшей в России), где стал инструктором по автоматическим винтовкам.

Желание Кнапича активно участвовать в гражданской войне в Испании привело его на фронт, где он стал первым главным помощником Луиджи Лонго в руководстве интербригадами. Во время отступления Лонго и Андре Марти поручили ему поддерживать связь между генеральным штабом интербригад и бригадой «Гарибальди». Кнапич был помощником инструктора и переводчиком в генеральном штабе батальона танков БТ-5. После окончания боевых действий он вернулся в Сиссано (в то время – в составе новой Югославской республики) и начал работать на местном судостроительном заводе.

Дневник Кнапича вместе с более чем семьюдесятью документами, найденный его потомками в Российском государственном архиве [социально-политической истории], содержит полный очерк его жизни и деятельности. В пятидесятых годах он был недействующим агентом и отказывался работать разведчиком на СССР. В то же время он был на подозрении у югославской секретной службы, Отделения по защите народа (ОЗНА), из-за его прежнего сотрудничества с Коминтерном. Данные, содержащиеся в этом уникальном источнике, помогут прояснить некоторые вопросы, связанные с этим периодом, рассмотрев их с точки зрения «строителя нового мира» через его международную сеть.

MEMORIES AND INTERNATIONALIST IDEAS OF A REVOLUTIONARY FIGHTER BETWEEN USSR AND SPAIN

Giudici Antonio
(*Independent scholar, Croatia*)

The aim of this paper is to retrace the life of Felice Knapić (1908–1975), member of the Comintern who actively participated in the Spanish Civil War. Through his 45-pages diary, still unpublished, it is possible to establish the network that he had in Europe before, during and after the events of the WWII.

Knapić was born in Sissano [Croatian: Šišan, nowadays being part of the Istrian peninsula in Croatia], a small village by the city of Pola [Croatian: Pula], the military port of the Austro-Hungarian Empire. In 1922 Istria became part of the Reign of Italy and as soon as he became a young socialist, he had to escape from the Fascist authorities and crossed the Yugoslavian border set in Fiume [Croatian: Rijeka]. At that point his European peregrination through several countries started: Austria, Switzerland, France, Liechtenstein, Russia, Germany and Spain. In his diary he annotated that in 1934 he took part at the conference held in Paris which established the foundation of a European anti-fascist alliance. From 1935 to 1937 he attended KUNMZ and MLS in Moscow where lectures were held by Palmiro Togliatti and other prominent politicians of the 20th century. Later on, it is possible to trace him into a special military school (which took place in Russia) where he became an instructor of automatic rifles.

His desire to participate actively in the Spanish Civil War brought him at the front where he operated as first general assistant of Luigi Longo for the International Brigades. During the retreat he was commissioned by Longo and André Marty to keep the link between the General Staff of the International Brigades and the Garibaldi Brigade. He was instructor lieutenant and interpreter at the General Staff of the Battalion of Tanks B.T.5. At the end of the operations he returned to Sissano (at that point part of the neo-Yugoslavian Republic) and started to work at the local naval shipyard.

His diary, along with more than 70 documents retrieved by his descendants from the Russian State Archive [of Socio-Political History], offers a complete vision of his life and work. In the 50s he was a non-

operating agent and refused to work as a spy for the USSR; at the same time the Yugoslav secret service, the OZNA, was suspicious of his previous collaborations with the Comintern. The evidence provided by this unique source could shed a new light on some issues related to that period offering the point of view of a “builder of the new world” through his international network.

IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА: ПОВОРОТ ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСТУПЛЕНИЯ К ОБОРОНЕ

*Емельянова Елена Николаевна, к.и.н.
(Государственный социально-гуманитарный университет)*

Завершение формирования Версальско-Вашингтонской системы и откат революционной волны привели к эволюции теоретических взглядов коммунистов.

IV конгресс Коминтерна, проходивший в Москве с 5 ноября по 5 декабря 1922 г., в наиболее полной форме сформулировал изменение ближайших стратегических и тактических задач в условиях нового мирового порядка.

В 1922 г. намечался возможный приход к власти в ведущих европейских странах левых пацифистских правительств. Об этом на конгрессе говорил Л.Д. Троцкий¹. В январе 1924 г. в Англии у власти оказалось первое лейбористское правительство, и в том же году на парламентских выборах во Франции победил «левый блок» (союз социалистов и радикалов). В Германии 1923 г. социалисты ненадолго вошли в состав коалиционного правительства. Таким образом, поддерживая пацифистские круги, можно было рассчитывать на признание Советской России де-юре.

Конгресс провозгласил новый лозунг Федерации Советских Соединенных Штатов, отметив, что он особенно актуален для Центральной Европы и Балканских стран. Реальное воплощение эта идея нашла в созданном в декабре 1922 г. СССР. Был также выдвинут лозунг Социалистических Соединенных Штатов Европы и Азии. Россия в этот период позиционировала себя как государство, способное экономически объединить Запад и Восток, стать транзитным путем из Европы в Азию.

С другой стороны, сохранялась опасность военных конфликтов. Конгресс уделил большое внимание обсуждению проблем, заложенных в Версальской системе и провоцирующих новые войны. Были

¹ РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 59, 60.

названы три очага военной опасности: Рурская область, Балканы и Дальний Восток.

В случае возможной войны СССР стремился найти политических союзников в лице стран Центральной Европы, с одной стороны, и в лице пацифистских кругов стран-победительниц – с другой. То есть большевистское правительство шло на открытое сотрудничество с буржуазными государствами, чего коммунистическое сознание принять ранее не могло. IV конгресс призван был теоретически обосновать этот поворот в коммунистической идеологии. В военно-политический союз, видимо, должны были войти Германия, Австрия, возможно, Турция. Именно этим правительствам конгресс обещал свою поддержку в борьбе с Антантой. Признавая де-факто Версальскую систему, Коммунистический интернационал не исключал того, что она может быть ликвидирована.

Мирный вариант развития событий предполагал приход к власти в Европе пацифистских рабочих правительств. Выделялось четыре типа власти: для Западной, Центральной, Восточной Европы и СССР. В Англии приветствовалось создание лейбористского правительства; во Франции и Германии – коалиционного правительства с участием социал-демократов, а лучше создание коалиции коммунистов и социалистов; в Чехословакии и Болгарии выдвигался лозунг рабоче-крестьянского правительства (из рабочих и крестьянских партий). Наивысшей формой рабочего правительства объявлялась диктатура пролетариата, т. е. власть коммунистической партии, существовавшая в СССР.

Задачи рабочего правительства во всех странах были следующими: введение госкапитализма, замена милитаризма милиционной системой, организация связи с Советской Россией¹.

Но в отличие от правых в Коминтерне (В.И. Ленина, К. Радека, Л. Фроссара и др.), надеявшихся на возможность реализации социал-демократической концепции мирового порядка и интеграции СССР в Версальскую систему, большинство делегатов конгресса и значительная часть его руководства (Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий и т. д.) считали, что рабочее правительство не отменяет гражданской войны и новая тактика лишь маневр в преддверии нового революционного наступления².

Г.Е. Зиновьев открыто заявил, намекая на обострившийся рурский конфликт, что до решительных событий в Германии может быть очень близко. О том же говорили и другие делегаты. Таким образом,

¹ IV конгресс Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 3. С. 21.

² РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 238(а). Л. 48–49.

перспективы революции связывались руководством ИККИ с обострением конфликта между Германией и Францией¹.

Революционное нетерпение проявляли также коммунисты стран Дальнего Востока². Интересы великих держав, России и Японии сталкивались в Китае. Так что на Дальнем Востоке еще сохранялась возможность революционной войны, на что так надеялись азиатские коммунисты. Однако Коминтерн в 1922 г. ориентировал компартии Азии на союз с национальной буржуазией и на буржуазно-демократические революции как переходную стадию ко второму этапу – установлению советской власти и созданию международной Федерации Советских республик. Этот второй этап откладывался до новой мировой войны, которая могла стать результатом обострения противоречий между Японией, Америкой и Англией в Тихоокеанском регионе или же между Францией и Германией в Европе. Лозунг «единого антиимпериалистического фронта» становился главным лозунгом дня.

В целом правым в коммунистическом руководстве на время удалось повернуть политику Коминтерна в направлении пацифизма и возможной интеграции СССР в мировое сообщество. IV конгресс выдвинул лозунги, максимально приближенные к социал-демократической теории: рабочее правительство, единый фронт, Соединенные Штаты Европы. Но так как все это могло в конечном счете привести к ликвидации самого Коминтерна, на большевистское руководство усилился нажим слева. Конгресс вынужден был сделать ряд уступок радикально настроенным европейским и азиатским коммунистическим партиям.

В дальнейшем Коминтерн все больше становился действенным фактором «мягкой силы» советской внешней политики, который на основе привлекательной тогда социалистической идеи сумел сплотить различные левые политические силы Европы и национально-освободительные движения Азии. Это позволило укрепить и расширить влияние СССР в мире, создать положительный образ страны.

¹ Емельянова Е.Н. Несостоявшаяся революция 1923 г. в Германии // Клио. 2015. № 10 (106). С. 66–70.

² Емельянова Е.Н. Национально-освободительное движение в Индии и политика Советской России в Азии // В мире научных открытий. 2015. № 11–7 (71). С. 2433–2443.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОСЫ НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА: ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ

Ермаков Вадим Андреевич, к.и.н.

(Московский государственный областной университет)

II Всемирный конгресс Коминтерна 1920 г., являвшийся одним из поворотных в истории коммунистического движения, в качестве одного из приоритетных включил в повестку национальный и колониальный вопросы. Значимость этих вопросов была обусловлена теми процессами, которые происходили в мире после окончания Первой мировой войны, установления Версальской системы международных отношений, а также увеличивающегося противостояния между капиталистическими государствами, по-прежнему владевшими значительным фондом колоний и советской моделью государства, предложившей миру левую альтернативу в формате международной федерации Советских республик. К тому же попытки большевиков определенными способами решать национальный вопрос в полиэтничном государстве от предоставления суверенитета Финляндии и Польше до признания принципа права наций на самоопределение и утверждения национальных автономий в составе федеративного государства, подталкивали их к транспонированию собственного опыта в глобальном масштабе.

Рассмотрением данного вопроса занималась специальная комиссия, и его детальное обсуждение состоялось на четвертом заседании конгресса, состоявшемся 26 июля. Ленин, Зиновьев и другие участники определили основные направления политики Коминтерна по национальному вопросу. Акцентируя внимание на наличие противоположности в позициях между II и III Интернационалами по данному вопросу, они исходили в его понимании и демонстрации из доктринальных положений коммунистической идеологии. Прежде всего, утверждалось, что капитализм находится в высшей стадии развития – империализме, при которой существует только бинарное деление наций на угнетенные и угнетаемые и само это деление задано экономическими детерминантами мировой системы. «Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число

народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой»¹. Наличие обозначенного антагонизма стимулировало процесс дальнейшего конфликтного взаимодействия между двумя противоположными по стратегиям развития группами стран, и в то же самое время давала сторонникам мировой революции и интернациональной программы преобразований мира шанс на реализацию собственных проектов. Дополнительными значимым установочными тезисами, позволяющими понять концепцию Коминтерна по национальной проблеме, учитывая международный контекст, являлось утверждение о том, что система международных отношений определяется конфронтацией между незначительным блоком империалистических стран и советскими государствами во главе с Советским Союзом, а также признанием того факта, что в колониально зависимых странах идет национально-освободительное движение и задачей коммунистических партий является трансформация их в национально-революционные.

Сложности в реализации революционных идеологием, и это признавали лидеры советского государства, состояли в том, что часть колониально зависимых народов, особенно в азиатских и африканских странах, находилась на докапиталистической стадии развития, где не было достаточного количества экономических и социальных предпосылок. Тем не менее, по мнению участников конгресса, есть возможности для пробуждения у этих масс классового сознания и вовлечение их в мировую революцию с последующими преобразованиями по советскому образцу. «Идея Советской организации проста и может быть применима не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»². Для этого необходимы тесный контакт III Интернационала с революционными силами в колониально зависимых странах, формирование устойчивых структур Коминтерна в рамках национально-освободительных движений и пропаганда перспективности модели мировой федерации Советов.

Таким образом, следует отметить, что транзит революционного опыта России в колониальные владения капиталистических стран должен был не только вовлечь их нации в мировое революционное движение и тем самым наметить в этих странах решение национального вопроса в интернациональном ключе, но и запустить процесс отделения колоний от метрополий, следствием которого станет децентрализация империализма и свержения капиталистического строя во всей Европе.

¹ Стенограмма 4-го заседания 2 конгресса Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

РОЛЬ М.Н. РОЯ В ВОПРОСЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КОМИНТЕРНА И ПАРТИИ «ГАДАР»

*Жирова Надежда Сергеевна, к.и.н.
(Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)*

Одним из самых известных деятелей индийского коммунистического движения является Манабendra Натх Рой, в 1919–1929 гг. исполнявший роль представителя от Индии в Коминтерне (КИ). Его вклад в разрешение проблем взаимодействия этой международной организации с различными группами индийских национальных революционеров был скорее негативным, однако в истории сотрудничества партии «Гадар» и КИ ему удалось сыграть достаточно противоречивую роль.

Судьба свела М.Н. Роя с партией «Гадар» еще в начале 1915 г., когда он был назначен главой группировки «Джугантар» Джатиндра Натхом Мукерджи для осуществления поставок немецкого оружия индийским революционерам. Молодой человек принял активное участие в планах гадаровцев по организации вооруженного восстания в Индии, в июле 1916 г. оказался в США в центральном штабе «Гадар». Летом 1917 г. Рой был арестован, однако вышел под залог и сбежал в Мексику. Там он познакомился с представителем Коминтерна М.М. Бородиным, встреча с которым стала трамплином для коминтерновской карьеры Роя. В скором времени Манабendra оказался в Москве и занял положение представителя от Индии в ИККИ.

Чтобы вести успешную деятельность в рамках индийского направления, нужно было найти прочных союзников в среде революционных групп, имевших определенную поддержку в Индии. Выбор Роя пал на старых друзей из партии «Гадар». Он приложил усилия для создания в КИ положительного образа этой организации, а также помог генеральному секретарю «Гадар» Сантоку Сингху Дардео добраться до Москвы, чтобы принять участие в работе IV конгресса Коминтерна.

Несмотря на то что между Роем и Сантоком возникли определенные противоречия, это не стало помехой для установления сотрудничества между «Гадар» и Коминтерном. Однако тот факт, что Рой значился в Коминтерне как представитель от Индии, означал, что последний становился своего рода куратором индийских национали-

стов. Гадаровцы были крайне недовольны таким посредничеством и пытались избавиться от него. Они были уверены, что источником их проблем в отношении с КИ являются интриги Роя, и его устранение способствовало бы скорейшему разрешению всех противоречий.

Разумеется, Манабendra не был заинтересован в усилении авторитета руководителей «Гадар» в Коминтерне. Однако материалов, подтверждавших его негативную роль в вопросах политики КИ относительно «Гадар», пока обнаружено не было. Рой наоборот старался доводить до руководства ИККИ просьбы гадаровцев и разрешать спорные вопросы. Кроме того, ИККИ объективно не устраивало, что гадаровцы крайне медленно расстаются с «мелкобуржуазными иллюзиями». Именно это являлось основной причиной напряженных отношений между двумя организациями. После исключения Роя из Коминтерна в сентябре 1929 г. в Москве действительно стали относиться с большим вниманием к партии «Гадар», однако принципиальных изменений в положении гадаровцев не последовало.

Политическая карьера Роя на этом не кончилась. В 1930 г. он вернулся в Индию, в 1931–1936 гг. отбывал тюремное заключение, а после освобождения вступил в Индийский национальный конгресс. Кроме того, у Роя было определенное число последователей, которых гадаровцы в своих отчетах перед КИ называли «группой Роя» или «агентами Роя», выделяя их в отдельную самостоятельную организацию. Руководство индийского центра «Гадар» периодически упоминало о них, подчеркивая их организационную слабость и отсутствие влияния на массы.

Достаточно длительный период жизни М.Н. Роя был связан с деятельностью партии «Гадар», в истории которой он сумел оставить заметный след. Для самих гадаровцев Манабendra стал негативным персонажем, мешавшим построению продуктивного взаимодействия с Коминтерном. Однако нельзя забывать, что именно Рой облегчил (а может и сделал возможным) установление сотрудничества между партией «Гадар» и Коминтерном.

КОМИНТЕРН И ПРИБАЛТИЙСКИЕ СТРАНЫ, 1919–1940 ГОДЫ

Ильмярв Магнус, PhD

(Гуманитарный институт Таллиннского университета, Эстония)

В течение последних двадцати лет историки из Европы, Азии и Америки, используя российские архивы, изучали деятельность Коминтерна и его отношения с их конкретными странами. В настоящее время опубликовано немало собраний документов и результатов исследований, резонируя деятельность Коминтерна во многих европейских, азиатских, североамериканских и южноамериканских странах. Однако в работах западных историков, изучавших историю стран Прибалтики, вмешательство Коминтерна в их дела ещё не рассматривалось.

Коминтерн, основанный в 1919 году, – это транснациональная организация, то есть его цель – включить в себя далеко не одну страну, и он влияет на отношения между разными народами и государствами. Коминтерн справедливо называли организацией с глобальными политическими и программными устремлениями, распространявшейся через все государственные границы. Транснациональность подчёркивает определяющую роль подобных элементов в их взаимоотношениях в рамках разных национальных культур. Она требует сравнительного подхода в таких вопросах, которые выходят за границы одного государства.

Некоторые примеры транснационализма можно увидеть в случае Эстонии, Латвии и Литвы: подход Коминтерна к так называемым независимым социалистическим партиям, то есть политика проникновения в парламенты и другие легальные властные структуры, был применён в нескольких странах, включая Германию. В случае прибалтийских государств, в Литве вплоть до 1926 года и в Эстонии и Латвии вплоть до 1934 года.

В настоящем докладе в основном рассматривается период с 1919 по 1940 год. В центре внимания – следующие вопросы: люди эстонского, латвийского и литовского происхождения в руководящих органах Коминтерна; отношение Коминтерна к социал-демократии; политика Коминтерна по отношению к Народному Фронту; участие добровольцев прибалтийского происхождения в испанской гражданской войне;

Коминтерн и большая чистка; Коминтерн и прибалтийские государства в 1939–1940 годах.

Люди эстонского, латвийского и литовского происхождения в руководящих органах Коминтерна. 2 марта 1919 года учредительный конгресс Коммунистического интернационала состоялся в Москве, в Кремле, чтобы создать Третий Интернационал. В результате пятинедельной конференции, в которой участвовали представители тридцати пяти разных коммунистических партий и групп из 21 страны, цель была достигнута. Под документом – Программа и Устав Коммунистического интернационала, который стал основой для управляющего органа международного коммунистического движения, стояло 17 подписей. Среди подписавших был один эстонец – Ханс Пёегельманн и один латыш – Карл Гайлис. На конгрессе присутствовал представитель литовской и белорусской коммунистической партии, литовец Гедрис Казис.

С 1920-го по 1940-й год коммунистические партии Эстонии, Латвии и Литвы подчинялись Коминтерну. Формально они были независимыми партиями в составе Коминтерна. Во всех трёх прибалтийских государствах коммунистические партии были запрещены, и потому они ушли в подполье. Чтобы помешать деятельности коммунистов, существовало несколько законов и правил.

Народный Фронт. Приход к власти национал-социалистов в Германии в 1933 году немедленно привёл к репрессиям против левых. Находящееся в Москве руководство Коминтерна всё ещё исходило из предположения, что социал-демократы были предателями и приспешниками буржуазии. К концу 1933 года расхождение между политической реальностью и риторикой Коминтерна достигло своей явной кульминации. Крайне правое крыло активизировалось в нескольких европейских странах, включая Эстонию и Латвию. VII конгресс Коминтерна, проходивший в июле и августе 1935 года, стал решающим поворотным пунктом в отношении к социал-демократам. Конгресс больше всего запомнился его поддержкой Народного Фронта коммунистических и некоммунистических сил против нарастающей угрозы фашизма в Европе. Эта характеристика приложима и к коммунистам прибалтийских государств. 26 марта 1935 года было принято решение на подсекретариате прибалтийских стран и Польши, что все коммунистические партии прибалтийских государств должны начать широкую кампанию против угрозы войны как в журналистике, так и устно. Решения VII конгресса вызвали оживлённые споры среди коммунистов эстонского, латвийского и литовского происхождения. Следует заметить, что к 1 мая 1934 года во всех трёх прибалтийских государствах установились авторитарные режимы. В Эстонии и в Литве использование парламентской трибуны для коммунистической пропаганды было почти безоговорочно невозможно. В Латвии

после переворота совсем не было парламента. Ещё в октябре 1934 года подпольная Эстонская коммунистическая партия предложила левым социалистам создать общий Народный Фронт. Они согласились. Среди документов Коминтерна имеется множество резолюций и инструкций, адресованных эстонской, латвийской и литовской коммунистическим партиям для проведения антифашистской борьбы. Призыв Коминтерна к антифашистской борьбе содержал как антифашистскую, так и антивоенную пропаганду, которую надо проводить в обществе и в армии. Насколько это сработало – другой вопрос.

Гражданская война в Испании. В испанской гражданской войне на стороне республиканцев участвовали примерно 45 тысяч добровольцев из 52 стран. Желавшие поехать в Испанию в качестве добровольцев должны были пройти проверку на принадлежность к коммунистам (в случае прибалтийских государств – подпольным коммунистам). Людей эстонского, латвийского и литовского происхождения, воюющих на стороне республиканцев, можно было разделить на три группы: происходящие их прибалтийских государств, из США и из Советского Союза. Существенное количество добровольцев эстонского и латвийского происхождения добралось до Испании через пункт связи Коминтерна в Стокгольме. В Испании с добровольцами прибалтийского происхождения возникло множество проблем. Символично, что хоть как-то говоривших по-испански было среди них совсем немного. В смешанной группе были авантюристы, дезертиры, но и некоторые идеалисты. Последнее – идеализм – особенно характерно для добровольцев прибалтийского происхождения, прибывших из США.

Большая чистка. В 1937 году в руководящих органах Коминтерна работали 492 человека. С 1 января по 17 сентября 1937 года более половины из них – 256 человек – были уволены. В числе репрессированных коммунистов, входивших в руководящие органы Коминтерна, были эстонцы, латыши и литовцы, а именно: 14 латышей, 5 эстонцев и один литовец. Больше всего от репрессий пострадал Отдел международных связей секретариата Исполнительного комитета Коминтерна: были репрессированы 34 сотрудника. После наступила очередь секретариата Москвина (Михаила Абрамовича Трилиссера) с 21 сотрудником, среди них четыре латыша, три эстонца и один литовец и т. д.

Отдельная тема – троцкисты эстонского, латышского и литовского происхождения и их репрессии.

После большой чистки 1938–1940 годов. Во второй половине 1939 года деятельность Коминтерна в прибалтийском регионе почти прекратилась. Несомненно, определённую роль в этом сыграли соглашения, подписанные между Советским Союзом и Германией. Осенью 1939 года советское правительство пришло к мнению, что коммунисты и левые из прибалтийских стран могут и сами призвать к един-

ству с Советским Союзом. Существуют разные оценки того, сколько членов было в нелегально действующих Эстонской, Латвийской и Литовской коммунистических партиях. Согласно отчёту, составленному в 1952 году Внешнеполитической комиссией ЦК ВКП(б), в 1938 году в Эстонской коммунистической партии было 60 членов, в Латвийской коммунистической партии – 300 членов и в Литовской коммунистической партии – 1800 членов. Даже в июне 1940 года, когда прибалтийские государства приняли требования в ультиматумах Советского Союза, Коминтерн пытался укротить слишком радикальные настроения прибалтийских коммунистов.

THE COMINTERN AND THE BALTIC COUNTRIES 1919–1940

Ihnjärvi Magnus, PhD
(School of Humanities, Tallinn University, Estonia)

During the past twenty years historians from Europe, Asia and America have, using the Russian archives, studied the activities of the Comintern and its relations with their specific countries. By now a number of collections of documents and research findings have been published, resonating the activities of the Comintern in many European, Asian and North- and South-American countries. But in the western historians' works dealing with the Baltic States' history, the entanglement of the Comintern in their affairs is still missing.

The Comintern, established in 1919, is a transnational organisation; that is, its scope is embracing more than one nation and it influences the relationships of different nations and states. The Comintern has justly been called an organisation with global political and programmatic ambitions, expanding across all national boundaries. The transnationality stresses the defining role of similar elements in relationship to each other within the frameworks of different national cultures. It demands a comparative approach in such issues that exceed the boundaries of one nation.

Some examples of the transnationalism can be seen in the case of Estonia, Latvia and Lithuania: The approach of the Comintern and the so-called Independent Socialist Parties, that is, the policy of infiltration into the parliaments and other legal power structures, was applied in several countries, including Germany. In case of the Baltic States, in Lithuania up to 1926 and in Estonia and Latvia up to 1934.

The present paper deals mostly with the period from 1919 to 1940. The following issues are focussed on: Persons with Estonian, Latvian and Lithuanian descent in the governing bodies of the Comintern; the attitude of the Comintern towards Social Democracy; the Popular Front Policy of the Comintern; the participation of volunteers with Baltic descent in the Spanish Civil War; the Comintern and the Great Purge; the Comintern and the Baltic States in 1939 to 1940.

The persons with Estonian, Latvian and Lithuanian descent in the governing bodies of the Comintern: On 2 March 1919 an international Communist Conference gathered in Moscow, Kremlin, to establish the Third International. As the result of the five day conference, where

representatives of 35 different Communist Parties and groupings from 21 countries participated, this goal was achieved. The document – The Programme and Statute of the Communist International – that became the basis for the global Communist movement's governing body, had 17 signatures. Among the signatures one is by Estonian Hans Pöögelman and one by Latvian Karlis Gailis. At the congress a representative of the Lithuanian and Belorussian Communist party, Lithuanian Kazys Giedrys, was present.

From 1920 to 1940 the Communist parties of Estonia, Latvia and Lithuania were subject to the Comintern. Seemingly they were independent parties within the Comintern. In all three Baltic States the Communist parties were prohibited and therefore they went underground. In order to obstruct the activities of the communists there were several laws and regulations.

The Popular Front: The coming to power of the National Socialists in Germany in 1933 immediately brought repressions against the Left. The leadership of the Comintern sitting in Moscow still worked from the assumption that the Social Democrats were traitors and henchmen of the bourgeois. By the end of 1933 the discrepancy between the political reality and the Comintern rhetoric had reached its visible peak. The extreme right wing became more active in several European countries, including Estonia and Latvia. The Seventh Congress of the Comintern in July and August 1935 became a decisive turning point in attitudes towards the Social Democrats. The gathering is best remembered for its endorsement of a Popular Front of communist and non-communist forces against the growing menace of fascism in Europe. The description applied to the communists of the Baltic States as well. On 26 March 1935 a decision was made at the under-secretariat of the Baltics and Poland, that all the communist parties in the Baltic States should embark on a widespread campaign against the threat of war both in journalism and orally. The decisions of the Seventh Congress caused lively debates among the communists of Estonian, Latvian and Lithuanian descent. We should note that by 16th of May 1934 all three Baltic States had authoritarian regime. In Estonia and in Lithuania using the parliamentary pulpit for communist propaganda was almost out of question. In Latvia there was no parliament at all after the coup. Already in October 1934 the underground Estonian Communist Party made a proposal to the Left-wing Socialists to form a common Popular Front. They accepted the offer. Among the documents of the Comintern there is a great number of resolutions and instructions targeted at Estonian, Latvian and Lithuanian communist parties for carrying out the anti-Fascist fight. The anti-Fascist fight message of the Comintern contained both anti-Fascist and anti-war propaganda that had to be carried out both in society and in military units. How far this worked out is another question.

The Spanish Civil War: In the Spanish Civil War approximately 45 000 volunteers from 52 countries participated on the side of the Republicans. The people wanting to go to Spain as volunteers had to pass the communist (in case of the Baltic States the underground communist) background check. The persons with Estonian, Latvian and Lithuanian background, fighting on the Republican side, could be divided into three groups: deriving from the Baltic States, from the USA and from the Soviet Union. A substantial proportion of the volunteers with the Estonian and Latvian origin reached Spain via the Comintern connection point in Stockholm. There were numerous problems in Spain with the volunteers of Baltic origin. Significantly, there were few among them who had any Spanish. The mixed group had some adventurers, deserters but also some idealistic people. The last –idealism – is particularly characteristic of the volunteers with Baltic origin arriving from the USA.

The Great Purge. In 1937 there were 492 people working in the Comintern governing bodies. Between 1 January to 17 September 1937 more than half of these – 256 – were dismissed. The repressed communists who had been part of the Comintern governing bodies contained Estonians, Latvians and Lithuanians as follows: 14 Latvians, 5 Estonians and one Lithuanian. The Department of the International Connections of the Comintern Executive Committee Secretariat suffered most in the repressions: 34 employees were repressed. This was followed by the Moskvins (Mikhail Abramovich Trilisser) secretariat with 21 employees, among them 4 Latvians, 3 Estonians and one Lithuanian etc.

A separate topic is the Trotskyites of Estonian, Latvian and Lithuanian origin and their repressions.

After the Great Purge 1938–1940. In the second half of 1939 the activities of the Comintern in the Baltic area were almost non-existent. Indubitably some role in this was played by the agreements signed between the Soviet Union and Germany. In the autumn of 1939 the Soviet government calculated that the communists and leftists of the Baltic States may themselves appeal for union with the Soviet Union. There are different estimates how many members the illegally functioning Estonian, Latvian and Lithuanian communist parties had. According to a statement compiled in 1952 by the Foreign Affairs Department of the Soviet Union Communist Party there was 60 members in the Estonian Communist Party, 300 in the Latvian Communist Party and 1800 in the Lithuanian Communist Party in 1938. Even in June 1940 when the Baltic States adopted the demands in the ultimatums of the Soviet Union, the Comintern endeavoured to pacify the too radical moods of the Baltic communists.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН НА I–II КОНГРЕССАХ КОМИНТЕРНА

*Исхаков Салават Мидхатович, д.и.н.
(Институт российской истории РАН)*

Вопрос о том, кем именно были те, кто представлял на I–II конгрессах III Коминтерна мусульманские народы бывшей Российской империи и сопредельных стран, не освещался в советской историографии прежде всего из-за того, что многие из их участников были репрессированы, а в постсоветских национальных историографиях судьбы коминтерновцев из мусульманской среды не вызывают интереса.

С созданием III Коминтерна его творцы стремились «пробудить» в первую очередь мусульман бывшей Российской империи, а также Бухарского и Хивинского ханств, Турции, Афганистана и Ирана, чтобы поднять их против «мирового империализма», опираясь на влиятельных представителей из разных слоев общества.

Подбор делегатов-мусульман на I конгресс Коминтерна осуществлялся председателем Центрального бюро Мусульманских коммунистических организаций народов Востока И.В. Сталиным и его заместителем Г. Ялымовым (татарин, член РСДРП с 1905 г.). Делегатами стали: заведующий Отделом горцев Кавказа Наркомнаца РСФСР М. Альтемиров (ингуш), заместитель заведующего Киргизским отделом Наркомнаца РСФСР Х. Бекентаев (казах), политработник РККА Г. Касимов (татарин), заместитель председателя Центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце РСФСР Б. Мансуров (татарин, он же являлся представителем Татарской компартии) и Г. Ялымов (он же представлял Туркестанскую коммунистическую группу). Делегатом Азербайджанской коммунистической группы стал слушатель Военной академии РККА О.-А. Багиров (азербайджанец), делегатом Киргизской компартии – заведующий Киргизским отделом Наркомнаца РСФСР М. Тунгачин (казах), делегатом Компартии Башкирии – политработник РККА М. Халидов (татарин).

На II конгрессе Коминтерна в состав российской делегации вошли: заведующий Отделом горцев Кавказа Наркомнаца РСФСР У. Алиев

(карачаевец), член ЦК КП(б) Азербайджана Р. Ахундов (азербайджанец), член Ревкома по управлению Киргизским краем А. Байтурсунов (казах), член Центральной мусульманской военной коллегии Г. Ибрагимов, член Крымского ревкома С. Идрисов, председатель Ревкома Татарской АССР С. Саид-Галиев, председатель Центральной мусульманской военной коллегии М. Султан-Галиев (все – татары), член ЦК Бухарской компартии С. Мухамедиев (из Бухарского ханства). Среди гостей конгресса была группа известных турецких общественно-политических и военных деятелей.

Около 10 коммунистов-мусульман стали делегатами I конгресса, примерно столько же было делегатов коммунистов-мусульман на II конгрессе Коминтерна. Среди делегатов были, как правило, образованные люди, учившиеся в медресе, а также в средних и высших учебных заведениях, преимущественно в возрасте от 25 до 30 лет: к примеру, известный татарский писатель Г. Ибрагимов и татарский коммунист М. Султан-Галиев. Последние, как и большинство делегатов и гостей этих конгрессов, однако, не упоминали о своем участии в этих конгрессах в различных анкетах, а также в своих статьях и книгах.

Появление на II конгрессе Хивинского шейх-уль-ислама Б.-а. Салимова (узбека) в качестве его делегата свидетельствует о стремлении большевиков использовать не только мусульманскую интеллигенцию, но и крупных религиозных лидеров для достижения своих целей на мусульманском Востоке. Численность коммунистов-мусульман, которые участвовали в работе его II конгресса в качестве гостей, увеличилась по сравнению с I конгрессом в несколько раз, так как II конгресс вызвал большой интерес как среди коммунистов-мусульман, так и перешедших на сторону советской власти в ходе гражданской войны представителей других партий и движений.

С конца 1920-х годов и особенно в 1930-х годах большинство делегатов и гостей I–II конгрессов Коминтерна, представлявших на них мусульманские народы Евразии и сделавших многое для их «пробуждения» против «мирового империализма», особенно против Великобритании, погибли в результате репрессий.

**«СС АППАРАТ-КОПЕНГАГЕН». СЕКРЕТНАЯ СЕТЬ
КОМИНТЕРНА, ДЕЙСТВОВАВШАЯ В ДАНИИ
В 1933–1938 ГОДАХ**

*Йоргенсен Йеспер
(Музей рабочего движения в Копенгагене, Дания)*

В проекте исследуется секретный аппарат Коминтерна, существовавший в Дании тридцатых годов XX века. Особое внимание уделяется точке контакта в Копенгагене, именуемой «СС Аппарат-Копенгаген» или «25-й пункт» (СС – Службы связи, более известные как ОМС – Отдел международной связи).

Исследование основано на источниках из архива Коминтерна в Москве, а также на расшифрованных радиограммах, которыми обменивались Москва и Копенгаген и которые в 1934–1937 годах были перехвачены британской разведкой: были изучены цели, места и ключевые работники копенгагенской точки контакта. Обширный материал предоставляет возможность для нового, углублённого понимания международных сетей Коминтерна и методов подпольной работы 1930-х годов.

Апогея своей деятельности копенгагенская точка контакта достигла после нацистского захвата власти в Германии в 1933–1934 годах, когда бежавшие из Германии коммунисты нашли временное прибежище в соседней Дании. Международный союз моряков и портовых рабочих перенёс свою штаб-квартиру из Гамбурга в Данию. Коммунистическая партия Германии (КПГ) и Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн) учредили свои региональные центры в Копенгагене. Тайные транснациональные перевозки людей, кодированные письма и радиограммы, деньги и пропагандистская литература – всё это проходило через столицу Дании в невиданных прежде масштабах. На какое-то время Копенгаген действительно стал международной коммунистической столицей и центром разведки.

В тридцатых годах немногие за пределами ядра руководителей сети (и тайной полиции) знали, что происходило. Даже и сотрудники иногда знали очень мало. Но и сейчас мы знаем историю лишь фрагментарно. Например, то, что сеть, несмотря на её протяжённость, насчитывала всего несколько человек. Вероятно, к «особой работе»

были привлечены больше половины членов партии в Копенгагене, то есть примерно шестьсот человек.

В то же время ядро сети было очень небольшим, и только теперь можно впервые идентифицировать коммунистов как датского, так и иностранного происхождения, выполнявших разные задания, связанные с точкой контакта. Установлено, что двумя из центральных лидеров контактной точки были немцы – Карл Брихман и Вильгельм Влох, и что ключевыми датскими деятелями, участвовавшими в работе сети, были, среди прочих, датские коммунисты Йенс Кристиан Фредериксен, Альберти Хансен, Кай Тандруп Кристенсен и Агнес Нильсен.

Точка контакта была серьёзно ослаблена в результате чистки всего аппарата Коминтерна, проходившей в 1937 году, и в марте 1938 года восемь датских сотрудников были уволены. Германских лидеров вызвали в Москву, где они вскоре были арестованы и позже умерли в ГУЛАГе. Эпоха секретной службы Коминтерна закончилась, и новая смогла начаться тогда, когда некоторые виды её деятельности были переданы Коммунистической партии Дании.

Доклад завершается пожеланием продолжать исследования транснациональной подпольной деятельности Коминтерна (и СССР) в скандинавских странах, чтобы составить более полную картину коммунистической деятельности в Дании в межвоенное время.

Работа является результатом исследовательского проекта, выполненного при содействии Датской королевской библиотеки и при участии отставного доцента университета Копенгагена, доктора философии Нильса Эрика Розенфельдта и независимого исследователя, магистра искусств Мортена Мёллера.

“SS APPARAT KOPENHAGEN”. THE SECRET COMINTERN NETWORK IN DENMARK 1933–1938

Jorgensen, Jesper
(The Workers Museum in Copenhagen, Denmark)

The project explores the secret apparatus of the Comintern in Denmark in the 1930s with special focus on the contact point in Copenhagen, named “SS Apparat Kopenhagen” or “25 пункт” (SS = Sluschby Svjasi = Liaison Service, better known as OMS = Otdel Mezhdunarodnoy Svyazi = International Liaison Department).

Based on sources from the Comintern archive in Moscow as well as decrypted radio telegrams sent between Moscow and Copenhagen intercepted by British Intelligence in the years 1934–1937 the aims, locations, and key employees of the Copenhagen contact point are examined. The comprehensive material provides new insight into the Comintern’s international networks and underground working methods in the 1930s.

The Copenhagen contact point had its heyday in the wake of the Nazi takeover of Germany in 1933–1934 where fleeing communists found temporary refuge in neighboring Denmark. The International Union of Seamen and Harbour Workers (ISH) moved its head quarter from Hamburg. The German Communist Party (KPD) and the Red International of Labour Unions (Profintern) sat up regional centers in the city. Secret transnational transports of people, coded letters and radio telegrams, money and propaganda literature was webbing up the Danish capital to a degree never seen before. For a short period of time Copenhagen was actually an international communist and spy hub metropole.

In the 1930s, few persons outside the core of the network (and the secret police) knew what was going on. Even people involved only knew sometimes very little. Even today we only know parts of the story. For instance, that the network in its farthest reach numbered quite a few. Maybe as many as more than half of the Copenhagen party members were involved in “special work”, approximately 600 persons.

At the same time, the core was very small, and it is now for the first time possible to identify communists of both Danish and foreign extraction who were engaged in various tasks connected to the contact point. It is established that two of the contact point’s central leaders were the

Germans Karl Brichmann and Wilhelm Wloch and that, among others, the Danish Communists Jens Kristian Frederiksen, Alberti Hansen, Kaj Tandrup Christensen, and Agnes Nielsen were key Danish actors involved in the network.

The contact point was seriously weakened because of the purge of the entire Comintern apparatus in 1937 and in March 1938 eight Danish employees were dismissed from service. The German leaders were called to Moscow where they were soon arrested and later died in the Gulag. An era of the secret service of the Comintern ended and a new one could begin where some of the activities were transferred to the Danish Communist Party.

The project concludes with the observation that further research in the transnational Comintern (and Soviet) underground activities in Scandinavia is necessary in order to grasp a fuller picture of the Communist activities in Denmark in the Interwar Years.

The project is a result of a research project hosted by The Royal Danish Library and with the co-participation of retired Assistant Professor from University of Copenhagen, Dr. Phil. Niels Erik Rosenfeldt, and independent researcher, MA Morten Møller.

КАДРОВАЯ КУЗНИЦА СТАЛИНИЗМА. ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ (1926–1938)

Кёстенбергер Юлия, PhD

(Институт военных исследований Людвиг Больцмана, Австрия)

Международная ленинская школа в Москве (1926–1938) была самым престижным образовательным учреждением Коммунистического интернационала. Основанная как элитная школа на фоне борьбы Сталина против оппозиции она имела целью «большевизацию» коммунистических партий.

В течение 12 лет главное отделение Ленинской школы посещало от 3.200 до 3.500 коммунистов по меньшей мере из 59 стран. Ленинская школа имела наибольшее значение для коммунистических партий Европы, в количественном отношении около 81 % студентов МЛШ были выходцами, прежде всего, из следующих стран: Германия, Чехословакия, Италия, Франция, Великобритания, Финляндия, Польша, Испания и Австрия. 8 % происходили из Канады и США, около 9 % из Азии (прежде всего Китай), и только около 2 % из Центральной и Южной Америки и Африки.

На развитие Ленинской школы оказали влияние партийная карьера Сталина в СССР, но также и политическое положение коммунистических партий соответствующих стран и различные интересы ВКП (б) и коммунистических партий. Братские партии хотели по возможности быстрое и приближенное к практике обучение надежных партийных работников. Одновременно они посылали в Москву кандидатов с очень разным уровнем опыта партийной работы и подготовки. ВКП(б) настаивала на основательном большевистском воспитании учеников, иными словами, на интенсивном теоретическом обучении в духе сталинизма. Эти факторы, а также политические «чистки» в школе объясняют заметные разрывы и организационные проблемы в организации обучения МЛШ.

Пребывание иностранных коммунистов в Ленинской школе было для них временем испытаний. В конце многомесячного или двух- или трехлетнего обучения они должны были усвоить сталинский образ мышления. «Академическое» обучение должно было передать партийную теорию и действующую партийную линию. Экскурсии в

СССР, работа на фабриках, практика в аппарате Коминтерна, военная подготовка составляли практическую цель обучения. Однако к самым важным элементам партийного воспитания и политического дисциплинирования принадлежали партийная жизнь в школе и повседневная жизнь в СССР с вездесущей пропагандой. В центре находилась интернационализация коммунистического кодекса поведения. Он включал обязательную партийную дисциплину, бдительность по отношению к отклонениям от линии и врагам партии, «классовое сознание» и применение сталинского ритуала «критики и самокритики».

В ходе всеобщего процесса сталинизации в СССР границы толерантности по отношению к отклонившимся от линии партии выражениям становились все более узкими, а последствия несоответствующего поведения все более жёсткими. Помимо школьных выговоров, партийных исключений, командировок на испытательную работу (фабричную работу) в СССР, в конце концов, имели место аресты и казни членов школы. В последние годы истерия предосторожности перед врагами партии овладела жизнью школы и привела в 1938 году к её закрытию.

Анализ возможностей использования выпускников МЛШ показывает, что многие факторы влияли на дальнейшее развитие партийной карьеры ученика Ленинской школы: внутрипартийные властные структуры, значение и положение соответствующих коммунистических партий, внутри- и внешнеполитическое развитие или партийные функции. Как правило, они поднимались по партийной иерархии и получали задания на стратегически важных местах как руководители областей или инструктора. Многим удавалось даже добраться до высшей партийной верхушки и провести оттуда сталинизацию коммунистической партии. Помимо этого, были и случаи диссидентства и бездействия.

Пример австрийцев показывает, как из группы выпускников МЛШ за год образовался круг надёжных функционеров, которые отличились своей готовностью к борьбе, например, в годы Испанской гражданской войны и в сопротивлении национал-социализму, а также многолетней преданностью коммунистической партии и Советскому Союзу.

ИДЕЯ ЕДИНОГО ФРОНТА С КОМИНТЕРНОМ В ОЦЕНКАХ ТЕОРЕТИКОВ ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

*Кретишин Сергей Владимирович, д.и.н.
(Воронежский государственный университет)*

После VII конгресса Коминтерна 1935 г. идея Единого фронта между коммунистами и социал-демократами стала одной из наиболее дискуссионных в международном рабочем движении. Следует отметить при этом, что вопрос о переходе от конфронтации к сотрудничеству с Коминтерном неоднократно поднимался и в среде Социалистического Рабочего интернационала – особенно после событий 1933 г. в Германии и 1934 г. – в Австрии. В частности, один из ведущих теоретиков германской и международной социал-демократии Карл Каутский, который оставался принципиальным оппонентом большевизма, вступил в дискуссию с лидером австрийской социал-демократии Отто Бауэром.

12 февраля 1934 г. в Вене начались пятидневные баррикадные бои социал-демократов против националистов и фашистов. В результате социалисты потерпели поражение, а их лидеры – О. Бауэр и Ю. Дойч – бежали при помощи судетских социал-демократов в Чехословакию, где и нашли убежище¹.

Сразу же по горячим следам, 19 февраля, Бауэр написал в Братиславе работу «Восстание австрийского пролетариата», в которой был сделан вывод о том, что в Австрии имело место антифашистское восстание. Однако, как и в Германии, «аристократы, генералы, капиталисты выждали момент, чтобы установить фашистскую диктатуру»². Но в отличие от германского рабочего класса, пролетариат Австрии сумел оказать достойное сопротивление силам реакции.

Выводы Бауэра критически были восприняты Каутским, который признавал, что в Германии рабочий класс «капитулировал без борь-

¹ *Кретишин С.В.* Судето-немецкая социал-демократия. Страницы политической истории, 1918–1939 гг. Воронеж, 1998. С. 178.

² *Bauer O.* Werkausgabe, 9 Bände. Herausgegeben von der Arbeitsgemeinschaft für die Geschichte der Österreichischen Arbeiterbewegung. Wien, 1975–1980. Bd.4. S. 997.

бы». Австрийский пролетариат доказал, что он более, чем германский, «здоров» морально и сплочен организационно, но только в столице – в Вене. Основная же масса австрийского рабочего класса оставалась пассивной. «Большинство австрийских рабочих, которые не приняли участия в восстании, неправы, – писал Каутский, – они капитулировали без борьбы, так же, как и их германские товарищи»¹.

Каутский резко отрицательно относился к самой идее единого фронта, подчеркивая серьезные отличия между коммунистами и социалистами. Он писал: «За исключением России, коммунистические партии везде остаются оппозиционными. В самой России эта партия образует правящую и единственно дозволенную политическую организацию. Все другие партии там запрещены, преследуемы, в том числе и социалистические, входящие в Социалистический Рабочий Интернационал»².

Каутский полагал, что коммунисты и социал-демократы «принадлежат к совершенно различным сторонам пролетарской классовой борьбы»³. Он не принимал во внимание аргументы о той сложной ситуации, в которой оказались все пролетарские партии после 1933 г. Он указывал, что в период действия Исключительного закона против социалистов ситуация в германском рабочем движении была так же крайне сложная, но при этом никто не призывал к единому фронту с анархистами! При этом анархисты тоже выражали интересы рабочих, но они были чужды социал-демократам.

С другой стороны, Каутский признавал, что «с коммунистами дело обстоит лучше. Анархисты были антимарксистами, бакунистами. Коммунисты же ищут теоретические основы, равно как и социал-демократы, именно в учении Карла Маркса, но понимают они это учение совершенно иначе»⁴.

Каутский возражал против аналогии со временем II Интернационала, когда международная социал-демократия представляла собой не единый фронт, а сообщество «классово сознательных пролетариев»⁵.

Каутский писал: «Коммунисты были в свое время социал-демократами, как и мы. Морально и интеллектуально они стоят на той же ступени, что и мы»⁶. При этом он резко возражал против использования большевистских средств и методов, особенно – диктаторских.

¹ [Kautsky K.] Grenzen der Gewalt. Aussichten und Wirkungen bewaffneter Erhebung des Proletariats. Karlsbad, 1934. S. 35.

² РГАСПИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 17. Л. 92.

³ Там же. Л. 93.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Там же Л. 103.

⁶ Там же Л. 164.

В частности, он выступал против идеи «переходной диктатуры». Каутский опасался, что Единый фронт может стать орудием в руках империализма Москвы. «Советское правительство вылило уже столько воды на мельницу мировой революции»¹, – подчеркивал он.

¹ РГАСПИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 17. Л. 100.

ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ ДО ПОСТОРОННЕГО: ИДЕАЛЫ, ОПОРТУНИЗМ И ОТНОШЕНИЕ К ПЕРЕМЕНАМ В МОСКВЕ И СТОКГОЛЬМЕ, 1929–1948 ГОДЫ

*Лааманен Вилле, PhD
(Университет Турку, Финляндия)*

Это исследование строится на недавних изысканиях, проливающих свет на операции секретных связных Коминтерна и агентской сети (ОМС, *Отдел международной связи*) в Швеции до и во время Второй мировой войны. Доклад основан на микроисторическом подходе, в центре которого – шведский коммунистический деятель Ингвар Ларссон (1907–1959), который сначала учился в Москве в КУНМЗ (*Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада*), затем был работником ОМС, а позже был отстранён от коммунистического движения. Таким образом, не рассматривая структуры организаций разведки, мы в первую очередь обращаем внимание на выбор и предпочтения людей, движимых и идеологией, и оппортунизмом.

В настоящем исследовании деятельности ОМС заметное значение имеют скандинавские страны и особенно Дания – с точки зрения как происхождения, так и географии. Хотя в сети ОМС Стокгольм занимал центральное место ещё в двадцатых годах, изучение шведского аспекта долго ограничивалось лишь небольшим числом предварительных исследований, особенно Ларса Бьёрлина. За последние несколько лет возродилось внимание к Швеции и Стокгольму, когда Йеспер Йёргенсен, Мортен Мюллер, Нильс Эрик Розенфельдт и другие показали, как относительная независимость стокгольмского пункта ОМС создала особые возможности и расстроила руководство ОМС в Москве.

Случай Ингвара Ларссона даёт возможность подкрепить это исследование аргументами, а также проливает свет на деятельность шведской службы общей безопасности и государственной полиции во время Второй мировой войны. Для этого доклада другое важное дополнение к первоисточнику обнаружено в архиве ВОКСа (*Все-союзного общества культурной связи с заграницей*), которое формально принимало Ларссона, посещавшего Советский Союз в фев-

рале–марте 1940 года. Уделяя особое внимание Ларссону как герою повествования, в этом докладе мы также рассмотрим некоторые из специфических проблем истории разведки, признавая посредничество отдельных лиц и расхождение между идеями и реальностью, не совпадающими друг с другом.

**FROM COMMUNIST CADRE TO OUTSIDER:
IDEALS, OPPORTUNISM AND COPING WITH CHANGE
IN MOSCOW AND STOCKHOLM, 1929–1948**

*Laamanen Ville, PhD
(University of Turku, Finland)*

This case study builds on recent research that has illuminated the operations of the Comintern's secret communications and courier network (OMS, *Отдел международной связи*) in Sweden before and during the Second World War. Through a microhistorical approach that focuses on the Swedish communist cadre Ingvar Larsson (1907–1959), who was first a student in Moscow at the Communist University for National Minorities of the West (KUNMZ, *Коммунистический университет национальных меньшинств Запада*), then an operative of the OMS, and later was estranged from the communist movement, the paper looks beyond the structures of intelligence organisations, into the choices and options of people driven by both ideology and opportunism.

In existing research that discusses the OMS, Scandinavia and especially Denmark have had a prominent role both in terms of origin and geographical focus. Even though Stockholm also had a central role in the OMS network already during the 1920s, research with a Swedish focus was for a long time limited to only a handful of pioneering contributions, most notably by Lars Björlin. Within the past few years, Sweden and Stockholm have received renewed attention as Jesper Jørgensen, Morten Møller, Niels Erik Rosenfeldt and others have highlighted how the relative independence of the Stockholm OMS point offered particular challenges and frustrated the OMS leadership in Moscow.

The case of Ingvar Larsson provides an opportunity to build on this research and to also illuminate the practices of the Swedish General Security Service and the State Police during the Second World War. For this paper, another important addition to the source material originates from the archive of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS, *Всесоюзное общество культурной связи с заграницей*), which technically hosted Larsson's visit to the Soviet Union in February–March 1940. By focusing on Larsson as the agent of the narrative, the paper also discusses some of the peculiar challenges of intelligence history and of constructing a narrative in a way that acknowledges the agency of individuals and the tensions and uncertainties between ideals and realities.

«ВОКРУГ ТРЕТЬЕГО КОНГРЕССА»: СОЗДАНИЕ СЕТИ КРИТИЧЕСКИ НАСТРОЕННЫХ КОММУНИСТОВ

Марион Лабей
(*Университет Париж Дидро VII*)

Подавление Кронштадтского восстания, последнего свободного гражданского выражения советской революции, долго считалось историческим поворотным пунктом, с которого начались суровые политические репрессии против всех, выражавших политические взгляды, отличавшиеся от большевистских. Такая интерпретация советской истории, в основном содержащаяся в антисталинистской и либертарианской литературе, способствовала деисторизации этого периода и его отрыву от процесса гражданской войны в России. Однако это был знаменательный момент для Коминтерна и для участвовавших в нём людей, потому что тогда состоялся Третий конгресс Интернационала, произошло создание Профинтерна и стратегии «объединённого фронта», которая серьёзно разделит Интернационал и коммунистические партии. Это исследование имеет целью по-новому взглянуть на образ 1921 года глазами символических личностей антисталинистского лагеря, а именно: Виктора Сержа, Пьера Паскаля, Бориса Суварина, Анжелики Балабановой, Жюля Эмбер-Дро, Альфреда Росмера, Уго Федели, Франческо Гецци. Все они посетили Третий конгресс Интернационала, и все они так или иначе встречались в этот период, согласно их воспоминаниям, когда в большинстве они ещё были решительными сторонниками и агентами Коминтерна, который тогда ещё был средством содействия мировой революции. Мы полагаем, что Третий конгресс был местом интенсивной политической и интеллектуальной социализации, «особой сферой транснациональной циркуляции»¹, которая создала для этих людей новую общую политическую культуру, укрепила отношения и своего рода воинственность. Сопоставляя эти воспоминания активистов с тем, как они тогда воспринимали события, можно понять, какое значение для них поистине имел 1921 год. На самом деле это был действительно ключевой момент, поскольку

¹ *Godard S.* «Une seule façon d'être communiste? L'internationalisme dans les parcours biographiques au Conseil d'aide économique mutuelle» // *Critique internationale*. 2015/1 (N° 66). P. 69–83, 70.

он знаменовал замедление мировой революции¹: тем самым западные коммунистические партии «приблизились к поражению»². Если эти неортодоксальные интернационалисты считали Кронштадт необходимым злом, то введение НЭПа вызвало большое замешательство среди этих уже недоверчивых людей, лишив в их глазах революционный процесс его чистоты. Поскольку «индивидуальный и коллективный опыт» этой группы активистов был «коренным образом обусловлен “ожиданием” того момента, когда они смогут исполнить свой долг»³, эти события означали крах их революционных ожиданий, оказавшихся несостоятельными и тогда, и *апостериори*. Это исследование поможет лучше понять тот внутренний конфликт, который и подкосил каждого из них, но и объединил их с другими в нетипичную, но всегда единую и, несмотря ни на что, активную сеть критически настроенных коммунистов, которая с годами только окрепнет.

Как писала Бригитта Штудер, «история межвоенного коммунизма и, более конкретно, коммунизма Интернационала на одном из уровней состоит из таких транснациональных судеб»⁴. Посмотрев на эту эпоху их глазами, мы сможем заново оценить транснациональный размах Коминтерна (и коммунизма) и понять, что это явление было не только русским, но представляло собой «движение и силы, которые (...) преодолевают границы государств»⁵, и потому тесно связано с Европой.

¹ Ср.: *Wolikow Serge*. L'Internationale communiste. Le Komintern ou le rêve déchu du parti mondial de la révolution. Éditions de l'Atelier, 2010. P. 63–69.

² *Pons S*. La rivoluzione globale: storia del comunismo internazionale, 1917–1991. Torino, 2012. P. 34.

³ *Studer B*. The transnational World of the Cominternians. 2015. P. 3.

⁴ *Ibid*. P. 2.

⁵ *Iriyes A*. «Transnational history», in Contemporary history, quoted in *Ibid*. P. 5.

“AROUND THE THIRD CONGRESS”: THE BIRTH OF A NETWORK OF CRITICAL COMMUNISTS.

Marion Labey
(Paris Diderot VII University, France)

The repression of the Kronštadt rebellion, the last libertarian expression of the Soviet revolution, has been seen for a long time as a historical turning point from which began a harsh political repression against everyone expressing a different political view from that of the Bolsheviks. This reading of Soviet history, mainly carried by anti-Stalinist and libertarian literature, has contributed to de-historicizing this period, disconnecting it from the Russian civil war process. It was, however, a significant moment for the Comintern and the people involved in it, for it hosted the Third International congress, the creation of the Profintern and the setting of the “united front” strategy that would deeply divide both the International and the Communist parties. This study intends to take a new look on the representation of 1921 through the eyes of emblematic figures of anti-Stalinist militant such as Victor Serge, Pierre Pascal, Boris Souvarine, Angelica Balabanoff, Jules Humbert-Droz, Alfred Rosmer, Ugo Fedeli, Francesco Ghezzi. They all attended the Third Congress and they all met more or less in this period, according to their memoirs, when most of them were still strong advocates and agents of the Comintern, which was then still a mean of promoting the world revolution. We will consider the Third Congress as a place of intense political and intellectual socialization, a “special area of transnational circulation”¹ that created for those people a new common political culture, relationships and a certain kind of militancy. Confronting these militant memories to their synchronic perception of the events, one might understand what 1921 truly represented for them. It was actually a key point as it signed the deceleration of the global revolution²: Western Communist parties were thus “born on a

¹ *Godard S.* «Une seule façon d'être communiste? L'internationalisme dans les parcours biographiques au Conseil d'aide économique mutuelle» // *Critiqueinternationale*. 2015/1 (N° 66). P. 69–83, 70.

² Cf.: *Wolikow Serge.* *L'Internationale communiste. Le Komintern ou le rêve déchu du parti mondial de la révolution.* Éditions de l'Atelier, 2010. P. 63–69.

defeat”¹. If Kronštad was considered by those heterodox internationalists as a necessary evil, the implementation of the NEP brought about great bewilderment in those already suspicious minds, cancelling for them the purity of the revolutionary process. Since “the individual and collective experience” of this group of militants was “fundamentally conditioned by the ‘expectation’ they had of their commitment”², these events would break their revolutionary expectations in many ways, synchronically and *a posteriori*. This study will help to better understand the internal conflict that individually wrecked them but also united them with others in an atypical, not always unified but nonetheless active network of critical communists that will strengthen over the years.

As Brigitte Studer wrote, “the history of inter-war Communism and International communism more particularly, is at one level made up of such transnational biographies”³. Looking back at those years through their eyes allows us to give back the transnational dimension to the Comintern (and to communism) and to understand it not only as Russian but as “a movement and forces that (...) cut across national boundaries”⁴ and that was then deeply connected to Europe.

¹ Pons S. *La rivoluzione globale: storia del comunismo internazionale, 1917–1991*. Torino, 2012. P. 34.

² Studer B. *The transnational World of the Cominternians*. 2015. P. 3.

³ Ibid. P. 2.

⁴ Iriyes A. «Transnational history», in *Contemporary history*, quoted in Ibid. P. 5.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ВЬЕТНАМСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Льонг Вьет Санг, PhD

(Национальная академия политики имени Хо Ши Мина, Вьетнам)

В эпоху своего существования Коммунистический интернационал (Коминтерн) имел для Вьетнамской национальной революции очень большое значение.

В.И. Ленин рассуждал о нации и колониальных проблемах ещё до создания Коминтерна. Коминтерн определял как политику поддержки революционного движения в колониальных странах, так и отношение между пролетарской революцией колониальных стран и пролетарской революцией в метрополиях. Этот курс был сформулирован в газете «Юманите» в 1920 году Нгуеном Ай Куоком [«Нгуен Ай Куок» («Нгуен-патриот») – псевдоним Хо Ши Мина. – *Примеч. пер.*]: потеряв надежду на «четыренадцать пунктов Вильсона», он стал сотрудником Коминтерна и его верным последователем.

Условия для создания коммунистической партии во Вьетнаме появились в конце двадцатых годов XX века. Коминтерн направил индокитайским коммунистам документ, в котором содержались инструкции, как надо объединиться и создавать партию.

В декабре 1929 года Нгуен Ай Куок, не получив директиву Коминтерна, приехал в Китай и провёл конференцию, на которой была создана Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ). Конференция приняла «*Политические основы партии*», «*Основную стратегию партии*» и «*Краткую программу партии*», составленную Нгуеном Ай Куоком. Задача национального освобождения прежде всего подчинялась цели объединения всех классов – не только пролетариата и крестьян, но и мелких землевладельцев, средних землевладельцев и национальной буржуазии – при условии, что они не являются контрреволюционерами. Этот курс расходился с тогдашней позицией Коминтерна. В 1928 году, под влиянием разрыва альянса Гоминьдана и КПК (Коммунистической партии Китая), VI конгресс Коминтерна дал резкую оценку местным землевладельцам, национальной буржуазии и мел-

кобуржуазной интеллигенции в колониальных и полуколониальных странах.

В октябре 1930 года конференция Центрального Комитета партии приняла Политическую платформу партии. В ней была отражена точка зрения Коминтерна относительно позиции, роли и поведения вышеупомянутых социальных слоёв. Однако 18 ноября 1930 года КПВ приняла директиву о создании Ассоциации антиимпериалистического альянса. Курс на масштабное национальное единство был восстановлен.

В 1935 году, в обстановке угрозы фашизма, VII конгресс Коминтерна предложил курс на создание широкого антифашистского народного фронта. К тому времени политика КПВ и Нгуена Ай Куока, нацеленная на создание единого антиимпериалистического фронта за национальное освобождение, соответствовала принципам Коминтерна. Кульминацией курса на формирование во Вьетнаме широкого национального единства стало принятое в мае 1941 года решение создать вьетнамский независимый объединённый фронт (то есть Вьетминь). Движение Вьетминь под руководством КПВ подготовило и осуществило победу Августовской революции.

С самого начала КПВ и Хо Ши Мин получали творческую поддержку и Коминтерна, и мировой общественности, в результате чего национально-освободительная революция одержала победу.

Солидарность всех классов, объединившихся во время революции в общий фронт, – это стратегия, миссия и полноценный урок Вьетнамской революции.

NATIONAL AND COLONIAL LINE OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL AND THE NATIONAL LIBERATION REVOLUTION OF VIETNAM

Luong Viet Sang, PhD
Ho Chi Minh National Academy of Politics, Vietnam

In the time of existence, the Communist International (refer to Comintern) had very important role for the National Revolution of Vietnam.

Before the Comintern founded, V.I. Lenin had mentioned about the nation and colonial problems. The Comintern determined the policy of supporting the revolutionary movement in colonial countries, the inevitability of the proletarian revolution in colonial countries as well as the relationship between the proletarian revolution of the colonial countries and that of metropolitan countries. This line was introduced in L'Humanite in 1920, made Nguyen Ai Quoc, who had lost hope to Wilson's 14 points, from then on, believed, followed and became a cadre of the Comintern.

In the late of 1920s, conditions for the birth of a communist party in Vietnam were created. The Comintern sent a document to Indochinese communists to instruct the way to unify and establish the Party.

In December 1929, Nguyen Ai Quoc, without receiving Comintern's Directive, came to China, convened the conference to establish the CPV. The Conference adopted *the Party's Political Outline, the Party's Brief Strategy, the Party's Summary Program*, drafted by Nguyen Ai Quoc. The task of national liberation was set up first with the line of uniting all classes, not only the proletariats and the peasants, but also the petty-landowners, the mid-landowners, the national bourgeoisie, as long as they are not counter-revolutionaries. This line differs from the Comintern's official point of view at that time. In 1928, effected by split of the Kuomintang – CPC (Communist Party of China) alliance, the Sixth Congress of Comintern evaluated rigidly about indigenous landlords, national bourgeoisie and petty-bourgeois intelligentsia in the colonial and semi-colonial countries.

In October 1930, the Party Central Committee Conference adopted the Political Platform of the Party. The Comintern's point of view was introduced in regard to the position, role and attitude of the aforementio-

ned social strata. However, on November 18, 1930, the CPV issued a Directive on establishment of the Association of Anti-imperialist Alliance. The line of great national unity was reborn.

In 1935, in the context of the risk of fascism, the Seventh Congress of the Comintern proposed the line to establish a broadly anti-fascist people's front. By this time, the line of the united front for anti-imperialism, the national liberation of the CPV and Nguyen Ai Quoc were in line with the Comintern's guidelines. The culmination of the great national unity line in Vietnam is the decision of establishing the Vietnamese Independent Allied Front (referred to Viet Minh) in May 1941. The Viet Minh movement, led by CPV, developed and brought to the victory of August Revolution.

The CPV and Ho Chi Minh from the beginning received the support of the Comintern creatively and the support of the world people to lead the national liberation revolution to success.

Solidarity of all classes in a front during the revolution is a strategy, mission and a thorough lesson of the Vietnamese revolution.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОМПАРТИЯ ОТ КОМИНФОРМА ДО ЕВРОКОММУНИЗМА

*Любин Валерий Петрович, д.и.н.
(ИНИОН РАН)*

Итальянская коммунистическая партия, созданная 21 января 1921 г., сразу же после своего образования вошла в Коминтерн и играла в нем весьма заметную роль. Она просуществовала до 1991 г. и стала самой успешной коммунистической партией XX века в капиталистическом мире¹. Ее первые руководители – А. Бордига, А. Грамши, П. Тольятти и другие были яркими представителями не только итальянского, но и международного коммунистического движения. Грамши стал выдающимся теоретиком марксизма XX века. Высказанные им в его произведениях идеи до сих пор используются современными политиками, причем как левого, так и правого направлений.

Итальянские коммунисты широко участвовали в разработке идейной платформы Коминтерна. После прихода в стране к власти фашизма в 1922 г. они оказались на передовой линии борьбы, их идеи вдохновляли силы антифашизма в Италии. Коммунисты Италии сражались на стороне республиканцев в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг., Тольятти был там представителем Коминтерна. В годы Второй мировой войны ИКП оказывала всяческую поддержку СССР и антигитлеровской коалиции. Коммунисты стали главной силой партизанского движения Сопротивления, свергнувшего фашизм в апреле 1945 г. Именно с ИКП связаны многие аспекты Левого альтернативы в XX веке.

После роспуска в 1943 г. Коминтерна во время существования Коминформа с 1947 по 1956 г. ИКП продолжала играть видную роль в мировом коммунистическом движении. С возвращения Тольятти из СССР в Италию в 1944 г., имевшего накануне беседы со Сталиным и Молотовым, политическая линия ИКП характеризовалась согласованностью с линией Москвы, неукоснительно придерживавшейся

¹ Достаточно назвать две рекордных цифры: численность ИКП в 1947 г. достигла 2 252 446 человек, а на выборах в итальянский парламент 1976 г. она набрала 34,4 % голосов (многие десятилетия после войны правившая в стране ХДП тогда же получила 38,8 %, и разрыв между двумя партиями стал минимальным).

Ялтинских соглашений, по которым Италия отходила в зону влияния западных союзников. Партизанские отряды итальянского Сопротивления по окончании Второй мировой войны были разоружены, теоретические установки ИКП были изменены в пользу мирных, ненасильственных форм борьбы за осуществление в стране Левого альтернативы¹. Став министром юстиции в послевоенном правительстве, Тольятти наряду с процессом дефашистизации проводил политику примирения противостоявших сил итальянского общества. Одновременно ему удалось добиться относительно быстрого возвращения итальянских военных из советского плена. В послевоенный период ИКП придерживалась просоветской, сталинской линии². Тем не менее Тольятти и ИКП разрабатывают концепцию «итальянского пути к социализму»³.

Рубежным в истории ИКП стал 1956 год, когда состоялся важнейший для судьбы не только СССР, но и мирового коммунистического движения XX съезд КПСС, и произошло восстание в Венгрии. Часть членов ИКП, из них немало интеллектуалов, после тех событий покинули партию. Лидер ИКП Тольятти и другие руководители пытались смягчить негативное воздействие этих событий на левое движение Италии. Именно тогда распался союз двух крупнейших итальянских левых партий – ИКП и ИСП. У каждой из них появилось свое видение Левого альтернативы, и Народный фронт ушел в прошлое. ИСП в начале 1960-х гг. вошла в правительство «левого центра», проникнув, как выразился ее лидер Ненни, в «комнату с кнопками», тогда как ИКП, вторая по влиянию партия в стране, никогда в период Первой республики не была в правительстве. Определявшие многое в Италии американцы считали, что коммунистов нельзя допускать к власти, так как они напрямую связаны с СССР – противником США в холодной войне.

Еще одним рубежом, заставившим ИКП внести существенные поправки в понимание Левого альтернативы, стала Пражская весна и события в Чехословакии 1968 г. Они вызвали новый кризис в мировом коммунистическом движении. ИКП начала более открыто критиковать застывшие порядки в СССР и выработать собственную, автономную линию. К этому ее побуждали и заметные перемены в ситуа-

¹ *Spriano P.* Storia del Partito Comunista Italiano. Vol. V. La resistenza, Togliatti e il partito nuovo. Torino, 1975.

² См.: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953; *Комолова Н.П., Филатов Г.С.* Пальмиро Тольятти. М., 1983; *Восса G.* Palmiro Togliatti. Vol. I–II. Roma-Bari, 1977; *Lo stalinismo nella sinistra italiana.* Roma, 1988; *Lehner G.* Palmiro Togliatti: biografia di un vero stalinista. Milano, 1991; *Agosti A.* Togliatti. Torino, 1996; *Zaslavsky V.* Lo stalinismo e la sinistra italiana. Milano, 2004, ecc.

³ *Gruppi L.* Togliatti e la via italiana al socialismo. Roma, 1974.

ции в Италии и в странах Запада, прежде всего государствах Западной Европы, входивших в ЕЭС.

Новый период жизни партии связан со ставшим в 1972 г. ее главой Э. Берлингуэром¹. С его деятельностью связан этап, когда ИКП встала на путь полностью самостоятельного развития, «оторвавшись от “пуповины” посткоминтерновских подходов», чтобы стать мощной общенациональной силой, выражающей интересы большинства населения². В самой ИКП приобретали влияние различные фракции – правые (во главе с Дж. Наполитано), левые (во главе с П. Инграо), центр (примиряющей крайности фигурой обычно был лидер партии, в 1972–1984 гг. им был Берлингуэр). В этот период линия Москвы и линия ИКП все больше расходятся. Берлингуэр совместно с лидерами испанской и французской компартий С. Карильо и Ж. Марше вырабатывают подходы, которые получают название еврокоммунизм³. Речь шла о перспективе социалистического переустройства в странах Западной Европы и признании, что социализм неотделим от полного осуществления демократии. Все более дистанцируясь при этом от КПСС, ИКП в 1982 г. фактически разорвала отношения с ней⁴.

Во внутренней политике ИКП после своего успеха на выборах 1976 г. пытается наладить сотрудничество с ХДП в рамках концепции «исторического компромисса». Однако похищение и последовавшее за ним убийство «Красными бригадами» лидера ХДП А. Моро в 1978 г. не дало осуществиться такому компромиссу.

Хотя ИКП оказалась почти не затронута коррупционными скандалами, разрушившими партийно-политическую систему Первой республики⁵, в 1990 г. в условиях неудач советской перестройки и приближавшегося распада СССР её секретарь А. Оккетто заявляет о смене названия партии и принятии социал-демократической программы. XX съезд ИКП в 1991 г. объявляет, что теперь она Демократическая партия левых сил. В настоящее время она называется уже Демократической партией, и в ней мало что остается от ИКП, бывшей одной из двух главных партий Первой республики.

¹ См.: *Conversazioni con Berlinguer*. A cura di A. Tato'. Roma, 1984; *Berlinguer E. Idee e lotte per la pace*. Napoli, 1986; *Barth Urban J. Moscow and the Italian Communist Party. From Togliatti to Berlinguer*. Ithaca, New York, 1986.

² *Понов Л.Б.* Воспоминания о еврокоммунизме. М., 2008. С. 124–125.

³ См.: *Carillo S. L'eurocomunismo e lo stato*. Roma, 1977.

⁴ *Григорьева И.В.* Италия в XX веке. М., 2006. С. 231.

⁵ *Любин В.П.* Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы (переход от Первой ко Второй республике). М., 1997.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДГОТОВКИ СЛУШАТЕЛЕЙ СПЕЦШКОЛ КОМИНТЕРНА В БАШКИРИИ: 1941–1943 гг.

*Марданов Марат Хамитьянович, к. полит. н.
(ГАУ Центр гуманитарных исследований Министерства культуры
Республики Башкортостан)*

В начале Великой Отечественной войны Коминтерн призвал коммунистов всего мира перейти к активной борьбе с фашизмом. Для борьбы с немецкими захватчиками были мобилизованы все политэмигранты, находящиеся на территории СССР. Руководство ИККИ ставило перед коммунистами всего мира три основные задачи: организация саботажа, диверсий и партизанского движения в тылу противника; разложение фашистских войск и войск союзников Германии; организация разведывательной работы в странах Европы. К решению данных задач Коминтерн приступил в тесном взаимодействии со спецслужбами СССР.

В результате приближения линии фронта к Москве, по предложению Г. Димитрова осенью 1941 года спецшколы Коминтерна из Подмосковья (Планетарная, Нагорный, Пушкино) были эвакуированы вместе с аппаратом ИККИ в Башкирскую АССР.

26 октября 1941 года в селе Кушнареново приступила к работе партшкола Коминтерна (Техникум № 1), которая являлась специальным учебным заведением, главной задачей которой была подготовка иностранных партийных работников для работы за рубежом в условиях войны и последующего послевоенного времени.

По этой причине центральное место в подготовке кадров занимали вопросы международного положения, изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, организации стачек и демонстраций, изготовление листовок и подпольных газет в условиях глубокого подполья. Также уделялось внимание первоначальной военной подготовке, в особенности вопросам ведения партизанской борьбы и организации вооруженного восстания в тылу противника.

Директором партшколы являлся Михайлов (Рубен Леви Аврамов), после войны – Генеральный секретарь ЦК Компартии Болгарии.

Работало 14 учебных групп: немецкая, испанская, польская и др.

В 1941–1943 гг. в г. Уфе также функционировала вторая специальная школа Коминтерна, директором которой являлся Николай Тяпкин.

Данное учебное заведение подчинялось Службе связи ИККИ и занималось подготовкой оперативно-технических работников: радиостов, радиооператоров, шифровальщиков, техников и курьеров для зарубежных пунктов связи. Учебные программы спецшколы строились в направлении обучения радиodelу, шифрованию, рецептам тайнописи, изготовления штампов и печатей для подложных документов, печатания листовок и газет на гектографах, микрофильмированию и др. Значительное внимание уделялось военно-технической подготовке слушателей. В курс обучения были введены тактика партизанской борьбы, уличных боев, подрывного дела, умения пользоваться оружием, опыт борьбы в нелегальных условиях и т. д. Военно-физической подготовке уделялось примерно 30 % всего учебного времени. Весь коллектив слушателей был разбит по взводам по принципу учебных и национальных групп.

Специальные школы по поручению Секретариата Коминтерна курировались П. Тольятти (Эрколи), К. Вилковым и П. Татаренко.

Необходимо также отметить деятельность в годы войны в Уфе школы особого назначения (ШОН) НКВД СССР, для обучения в которую Коминтерном направлялись наиболее подготовленные эмигранты-антифашисты, для последующей заброски в глубокий тыл противника и организации разведывательно-диверсионной деятельности.

Начальником ШОН в Уфе являлся С.А. Коган.

Преподавателями спецшкол являлись известные деятели Коминтерна Долорес Ибаррури, Яков Берман, Вальтер Ульбрихт, Пауль Вандель, Рудольф Дёллинг, Рудольф Аппельт, Софья Дзержинская, Вальтер Капецкий, Андре Марти, Бернхард Кенен, Иоганн Коплениг и др.

Известные слушатели спецшкол: Маркус Вольф (после войны руководитель разведки ГДР «Штази»), Иоганн Вайнгард (радист Рихарда Зорге), Ю.А. Колесников (Герой России, руководитель партизанского движения), Франсин Фромон (участница советско-британской спецоперации «Ледоруб»), Катя Нидеркирхнер, Теодор Винтер, Герхард Кеннен (участники операций по связи с «Красной капеллой»), Якуб Александрович (организатор разведывательной сети в Польше), Луис Меркадер, Альфред и Вильгельм Кеннены (участники разведывательно-диверсионных операций ОМСБОН НКВД СССР) и многие другие.

Таким образом, в период размещения спецшкол Коминтерна в 1941–1943 гг. в Башкирии удалось не только развернуть их образовательную деятельность, но и подготовить совместно с советскими спецслужбами значительное количество партийных, технических работников, курьеров, разведчиков, диверсантов и организаторов партизанского движения, которые, несомненно, внесли весомый вклад в Великую Победу.

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАННИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КОРЕЕ»

Мин Кёнхён, PhD

(Корейский университет, Республика Корея)

I

Идеи коммунизма пришли в Корею вместе с Русской революцией. С одной стороны, идеи Русской революции были привезены на Корейский полуостров корейцами, проживавшими на территории России. С другой стороны, коммунизм также проникал в Корею через корейских студентов в Японии. Для низов того времени, страдавших от коррупции и эксплуатации, а также для интеллигенции победа Русской революции стала благой вестью о том, что коммунизм ликвидирует социальное зло, а также вдохновением и надеждой на решение проблемы японской оккупации и господства феодализма внутри страны. Корейское коммунистическое движение началось именно в России. В начале XX века на территории России проживало до 250 тысяч корейцев, что составляло 30 % от населения российского Дальнего Востока. 14 декабря 1917 года Дальневосточный съезд Советов провозгласил ленинскую политику, гарантировавшую права национальных меньшинств. Таким образом, проживавшие в то время на Дальнем Востоке корейцы получили долгожданную земельную реформу задолго до того, как она была проведена советскими войсками на территории Кореи после освобождения в 1945 году.

II

В самой Корее коммунистическое движение началось 22 января 1918 года, когда иркутские корейцы Ким Чхольхун, Чхве Корё, О Хамук, Ан Пёнчхан и др. сформировали корейское отделение иркутской компартии. В мае 1920 года они сменили название партии на «Всероссийскую корейскую коммунистическую партию», а сами себя сокращённо называли Корейской компартией (*Корё консандан*). Количество членов иркутской Корейской компартии по состоянию на август 1922 года было 4433 человека.

Через несколько месяцев, 26 июня 1918 года, Ли Тонхви и выпускник Московского университета Пак Чинсун в Хабаровске основали первую Корейскую социалистическую партию (*Ханин сахведан*). Сра-

зу после создания временного корейского правительства в Шанхае Ли Тонхви переехал в Шанхай (в августе 1919 года) и вошёл в его состав в качестве премьер-министра. После этого в январе 1921 года Корейскую социалистическую партию переименовали в Корейскую компартию (*Корё консандан*), дав начало так называемой шанхайской компартии. Шанхайская корейская компартия по состоянию на август 1922 года имела в своём составе 6812 человек.

Решающую роль в проникновении идей Русской революции в Корею стал конгресс угнетённых народов Дальнего Востока, открывшийся в 1921 году в Москве. Человеком, на которого участие в конгрессе произвело неизгладимое впечатление, был Ким Кюсик. Он твёрдо уверовал, что способом, разрешившим бы противоречия на Востоке, может быть только лишь революция. Однако после освобождения Кореи Ким Кюсик под влиянием американской оккупационной администрации перешёл от коммунистических позиций на проамериканские. Ё Унхён же, видя, как революция 1917 года в России снесла самодержавие и отменила классовое неравенство, понял, что идеи социализма более прогрессивные. В этот период он начал читать литературу левого толка и ощутил всё обаяние марксизма. Ё Унхён последовал совету Войтинского, который говорил: «Коминтерн поддержит движение за независимость Кореи. Сотрудничество с Коминтерном для таких способных участников этого движения, как Вы, будет только хорошим. Ли Тонхви уже создал корейскую компартию, вступайте в неё». Ещё один коммунист, положительно относившийся к России, был Ким Ирсен. В отличие от Пак Хонёна, Ким Кюсика или Ё Унхёна, все, из которых проходили через период идеологических терзаний, Ким Ирсен познавал коммунизм самостоятельно, участвуя в борьбе за независимость, то есть для него практика шла впереди теории.

III

После усиления трений между иркутской и шанхайской группами Корейской компартии, Коминтерн, в соответствии с принципом «одна страна – одна партия», в 1922 году предпринял попытку найти компромисс между двумя группами, однако после провала этой попытки приказал распустить партию (в январе 1923 года), организовав вместо неё во Владивостоке Корейское бюро с целью создания компартии на территории самой Кореи.

Сразу после возникновения корейского коммунистического движения в России и Шанхае коммунистические организации начали зарождаться и на территории самой Кореи. Создание компартии в самой Корее стало возможным в результате японской «политики умиротворения» после первоапрельского движения 1919 года, а также возвращения в результате этого большого количества деятелей в Корею из-за границы.

Однако Компартия Кореи не выдержала репрессий со стороны японского генерал-губернаторства и, после 4-х роспусков и воссозданий за период до 1928 года, была распущена Коминтерном в декабре 1928 года.

СОЦИАЛИЗМ В МОНГОЛИИ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

*Михалев Алексей Викторович, д. полит. н.
(Бурятский государственный университет)*

Монгольская Народная Республика в советской историографии считалась второй в мире страной победившего социализма. Его строительство проходило при масштабной помощи СССР и стран СЭВ. Исследование опирается на материалы воспоминаний советских специалистов о том, чем был для них монгольский социализм. Автором собирались как письменные, так и устные свидетельства о миссии в Монголии. По данным статистики, во второй половине XX века по объемам получаемой помощи из СССР и стран СЭВ Монголия занимала первое место среди стран социалистического лагеря. По выражению В.И. Ленина, важной задачей было: «...оказать этим отсталым и угнетенным более, чем мы, народам “бескорыстную культурную помощь”». Интересна динамика роста советских рабочих в Монголии. В целом всех советских граждан в Монголии (военных, гражданских специалистов, строителей, врачей, потомков колонистов царской России) насчитывалось около 100 000 человек при населении страны 2,2 миллиона. Кочевая скотоводческая начала XX века Монголия прошла сложный путь модернизационных преобразований периода некапиталистического развития до создания тяжелой промышленности периода социализма. Идея ускоренного Прогресса, перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм, стала основой всего комплекса преобразований, исходивших из СССР на всем протяжении существования МНР. Прогресс виделся в создании новой системы образования и здравоохранения, в индустриализации и в полете в космос. Последнее было особенно важно, т. к. de facto было кульминацией проекта по преобразованию монгольского общества. Вместе с тем рассматривались проекты по предотвращению расширения пустыни Гоби, по рациональному использованию рек и другие проекты «покорения природы». Индустриализация привела к возникновению монгольских городов советского типа с развитой инфраструктурой и современными средствами сообщения. Сотрудничество между СССР и МНР в области науки и образования сформировало класс городских интеллектуалов и социалистических служащих. Существенно

увеличилось количество рабочих-монголов на заводах и шахтах этой страны.

Первые личные воспоминания советских военных и гражданских специалистов стали появляться в социальных сетях www.mongol.su и www.ulaanbaatar.ru. На этих интернет-ресурсах публикуются первые личные, зачастую противоречивые и эмоционально окрашенные воспоминания о работе или службе в Монголии. Именно через интернет-порталы началось формирование канона памяти об основных событиях строительства социализма в Монголии, а также масштабное социальное мифотворчество. Опубликованные материалы несут в себе оценки и стереотипы, сформированные в период советско-монгольской дружбы. Собственно, сам проект строительства социализма рассматривается с двух диаметральных позиций: либо положительно (идея прогресса в отстающие страны Азии), либо отрицательно (бессмысленная трата средств в угоду идеологии). Оба нарратива воспроизводят идею экспорта прогресса и отмечают его положительную роль для монгольского общества. Миссия по строительству социализма в Монголии стала для достаточно большой группы людей важной частью политической идентичности себя как представителя «великой державы на азиатской окраине». При этом рефлексия по поводу данного прошлого на уровне индивидуальной памяти по-прежнему достаточно не критична. Память о советском прогрессе имеет травматический характер, так как распад СССР в разной степени оказал негативное влияние на сообщество по обе стороны границы. Свертывание данного проекта в Монголии с одной стороны сделало на длительное время невостребованными большую группу монгольских профессионалов – обученных и компетентных технократов. С советской стороны травма прослеживается еще более явно, она связана с потерей социального статуса, доступа к престижному потреблению, а также с неопределенностью будущего.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ (КОМИТЕРН) И ВЬЕТНАМ

Нгуен Тай Донг, PhD

(Вьетнамская академия общественных наук)

В 1919 году Ленин сказал: «Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсёк его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелкобуржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата». И: «Ещё в начале 1905 года большевики выдвинули лозунг революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»¹. Это представление, как и Третий Интернационал (Коминтерн), оказали влияние на историю современного Вьетнама.

В этом докладе я сосредоточусь на влиянии Третьего Интернационала (Коминтерна) на Вьетнам, уделив особое внимание четырём аспектам: внедрению марксизма и ленинизма во Вьетнам; влиянию на мировоззрение Хо Ши Мина; влиянию на вьетнамскую революцию; значению, рекомендациям и новым вызовам современному Вьетнаму.

¹ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 38. Март–июнь 1919 г. С. 301–309.

THE THIRD INTERNATIONAL (COMINTERN) AND VIETNAM

Nguyen Tai Dong, PhD
(*Vietnam Academy of Social Sciences*)

In 1919, Lenin said: “The Third International has gathered the fruits of the work of the Second International, discarded its opportunist, social-chauvinist, bourgeois and petty-bourgeois dross, and has begun to implement the dictatorship of the proletariat”. And “From the beginning of 1905 the Bolsheviks advocated the idea of a revolutionary-democratic dictatorship of the proletariat and the peasantry”¹. And this idea as well as the Third International (Comintern) has influence on history of modern Vietnam.

This paper will focus on the influence of the Third International (Comintern) on Vietnam, especially on four dimensions: the introduction of Marxism and Leninism into Vietnam; influence on Ho Chi Minh’s thought; influence to Vietnam’s revolution; Meaning, suggestions and the new challenges to Vietnam today.

¹ *Lenin V.I. The Third International and Its Place in History // Lenin’s Collected Works. 4th English Edition. Moscow, 1972. Vol. 29. P. 305–313.*

КРЕСТЬЯНСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ: В ПОИСКАХ ПУТЕЙ РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Никулин Александр Михайлович, к.э.н.

(Центр аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ)

В начале 1920-х годов большевистское руководство и руководство Коминтерна, стремясь переосмыслить дальнейшие перспективы мировой революции, обратило пристальное внимание на возможный революционный потенциал не только российского, но и всемирного крестьянства. Именно в это время Григорий Зиновьев подчеркивал, что революционный ленинский план захвата и удержания власти в России оказался успешным, благодаря внимательному учету и использованию настроений российского крестьянства.

Надо отметить, что не только большевики и коминтерновцы, но также представители самых разнообразных политических течений Европы в 1920-е годы всячески стремились привлечь на свою сторону крестьян, таким образом разыграв альтернативную «крестьянскую карту» в собственных политических интересах.

Так, российские белоэмигранты-консерваторы сожалели, что в годы гражданской упустили шанс союза с крестьянством в интересах своей победы, но теперь выражали надежду на рост настроений консервативного аграризма в Европе как оплота против экспансии коммунизма.

Впрочем, не столько консервативный, сколько демократический аграризм, прежде всего, оказавшийся чрезвычайно популярным в ряде стран Восточной Европы (Болгария, Югославия, Чехословакия, Польша, Прибалтийский государства), а кроме того, также во Франции и Швейцарии, в 1920-е годы претендует на формирование третьего – собственного крестьянского пути развития большинства европейских стран. Именно здесь витают идеологические и организационные идеи создания так называемых Черного, Зеленого крестьянских интернационалов, объединяющих в своих рядах политические интересы аграриев европейских стран.

Наконец, в это же время европейский фашизм, в 1920-е годы прежде всего в Италии, а начиная с 1930-х годов в Германии и среди стран

фашистских-сателлитов, также стремится всячески привлечь на свою сторону крестьян, разрабатывая идеологические доктрины важного значения крестьянства для упрочения победы фашизма.

В этих условиях в СССР в 1923 году создается Международный Крестьянский Совет или Крестьянский интернационал, главной целью которого является революционизирование крестьянства во всем мире в союзе с рабочими под руководством Коминтерна. Крестьянтерн стремился обосновать революционную коммунистическую крестьянскую альтернативу в борьбе с предложенными в это время альтернативами демократического и фашистского аграризмов.

В первые несколько лет с 1923 по 1928 год в Крестьянтерн стремились привлечь самые разнообразные крестьянские движения от Латинской Америки до Дальнего Востока. Представители революционного крестьянства нескольких десятков стран достаточно регулярно в это время встречались в Москве, стремясь координировать свою пропагандистскую и подпольную работу среди крестьянских организаций земного шара.

К середине 1920-х годов ушедшего в оппозицию Зиновьева сменил Бухарин как главный идеологический куратор Коминтерна и Крестьянтерна. Непосредственно организационное руководство Крестьянтерном осуществляли такие видные революционеры, как нарком земледелия РСФСР Смирнов, а также известные деятели международного коммунистического движения Домбаль (Польша), Коларов (Болгария), Хевеши (Венгрия), Хо Ши Мин (Вьетнам) и другие. Крестьянтерн издавал в СССР и за рубежом свои периодические издания, а также книги и брошюры. При Крестьянтерне был создан специальный исследовательский аналитический центр – Международный аграрный институт, стремившийся осуществлять разносторонний мониторинг политических и экономических настроений крестьянства и его организаций по всему земному шару.

К концу 1920-х годов деятельность Крестьянтерна пошла на спад, и как-то неприметно в 1930-е годы завершилось его существование. Причины неудачи Крестьянтерна были связаны как с внутривнутрипартийной борьбой в СССР, когда главные кураторы Крестьянтерна Бухарин и Смирнов были объявлены правыми оппозиционерами, так и с рядом поражений Крестьянтерна от Зеленого интернационала в борьбе за политические влияния среди крестьянства Европы. Великая депрессия и взлет фашизма в 1930-е годы также привели к спаду и дроблению крестьянских движений по всему миру. Кроме того, становление колхозного строя в СССР способствовало охлаждению коммунистической политики в поисках «передовых» революционных альтернатив среди «отсталых» крестьян.

К концу 1930-х годов многие российские и зарубежные деятели Крестьянтерна и Международного аграрного института (прекратившего свое существование в 1940-м году) подвергаются жестоким сталинским репрессиям.

ИЗДАНИЯ КОМИНТЕРНА В КОЛЛЕКЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Новиченко Ирина Юрьевна, к.и.н.

(Государственная публичная историческая библиотека России)

Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ) унаследовала фонды бывшей библиотеки Института марксизма-ленинизма (ИМЛ)¹. После войны, в 1947 г., Институт Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЛ с 1956 г.) отказался принять библиотеку Коминтерна (точнее, библиотеку Института 205²), тем не менее оговорил возможность «отобрать из фондов Библиотеки Института 205 литературу и периодику, отсутствовавшую в фондах Библиотеки ИМЭЛ»³.

Издания Коминтерна собирали с начала 1920-х гг. еще библиотеки Институты К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) и В.И. Ленина, учреждения, на базе библиотечных фондов которых сложилась библиотека ИМЛ. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов являлся крупным специалистом по истории I Интернационала, принимал участие в конгрессах как II, так и III Интернационалов. Не случайно в ИМЭ вторым кабинетом, после кабинета К. Маркса и Ф. Энгельса, шел кабинет Интернационалов. Архив ИМЛ – Центральный партийный архив (ныне – Российский государственный архив социально-политической истории) хранил архив Коминтерна, а в библиотеке ИМЛ тщательно собирали все печатные издания Коминтерна, коммунистических партий, организаций Коминтерна,

¹ В 1992 г. на базе библиотеки ИМЛ была создана Государственная общественно-политическая библиотека, которая была включена в ГПИБ России в 2014 г.

² Институт № 205 – структура, созданная после роспуска в 1943 г. Коминтерна на базе аппарата ИККИ и включавшая, в частности, библиотеку Коминтерна. Библиотека Коминтерна была передана в Академию общественных наук при ЦК КПСС (ныне – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

³ См. подробнее: История уникальной библиотеки в документах и свидетельствах: к 90-летию Государственной общественно-политической библиотеки. Предшественники. 1921–1991 гг. / сост. В.Г. Мосолов, М.Д. Дворкина. М., 2011. Ч. 1. С. 128, 151.

учебных заведений, работы лидеров и членов Коминтерна (в том числе, репрессированных), прессу, мемуары, воспоминания «ренегатов» и др. Следует подчеркнуть, что вышеупомянутый «второй кабинет ИМЭ» не сохранился, его рассыпали и издания растворились в общепубличном фонде. Отдельной коллекции по истории Коминтерна не создавалось. Весь огромный массив печатных изданий Коминтерна оказался распыленным в почти трехмиллионном фонде Центра социально-политической истории ГПИБ (ЦСПИ). Однако задачу поиска изданий Коминтерна можно осуществить с помощью электронного каталога ГПИБ.

В коллекциях ЦСПИ с исключительной полнотой представлены официальные издания всех семи конгрессов Коминтерна, документы совещаний и заседаний ИККИ: стенографические отчеты, резолюции и решения, речи руководителей Коминтерна и делегатов конгрессов, бюллетени, доклады, манифесты, воззвания и т. д. Причем издания разных лет и на разных иностранных языках.

Документы коммунистических партий – секций Коминтерна и организаций, созданных Коминтерном (КИМ, Профинтерн, МОПР, Международный женский секретариат, Крестинтерн, Межрабпом, учебные заведения Коминтерна и др.) составляют значительный блок изданий на немецком, русском, французском, английском и других языках.

Работы деятелей Коминтерна – Г. Зиновьева, Л. Троцкого, К. Радека, Н. Бухарина, Л. Каменева, Бела Куна, С. Лозовского и др. сохранились в библиотеке и открыты для исследователей. Воспоминания тех коминтерновцев, кому удалось выжить, мемуары «ренегатов», расследования родственников и исследования последних лет, рассказывающих о трагических судьбах деятелей Коминтерна, также хорошо представлены в наших фондах.

Наибольшее значение для исследователей имеет раздел прессы Коминтерна. Издательства Коминтерна издавали журналы «Коммунистический интернационал», «Коммунистический интернационал народов Востока», «Коммунистический интернационал народов Дальнего Востока», газету «Москва», бюллетени конгрессов и заседаний Исполнительного комитета, альманахи, ежегодники Коминтерна и др. на немецком, французском, английском, русском и др. языках. Издательства и редакции Коминтерна располагались в Москве, Петрограде-Ленинграде, Гамбурге, Берлине, Париже, Лондоне и др. городах. Все организации Коминтерна издавали свои газеты и журналы как в России, так и за рубежом. Исключительно важным источником являются полные комплекты Инпрекора на немецком, французском и английском языках. Пресса коммунистических партий – секций III Интернационала также представляет собой удивительный и информативный исторический источник.

В наших фондах все же сохранилась одна целостная коллекция по истории Коминтерна. Это коллекция, состоящая из нескольких сот так называемых «замаскированных» изданий Коминтерна 1933–1939 гг. на немецком, украинском, польском, сербо-хорватском, итальянском и чешском языках. Замаскированные издания представляют собой малоформатные книжечки, как правило, с безобидной картинкой на обложке, но с текстами решений конгрессов Коминтерна, ИККИ, материалами компартий, работами лидеров Коминтерна и др. По такому же принципу выпускали и журнал «Коммунистический Интернационал» на немецком языке с 1935 по 1939 г. Замаскированные издания распространялись в странах Восточной Европы и Германии среди партийных активистов и трудящихся.

Возможно, научный интерес может представлять картотека печатных изданий и статей по истории Коминтерна (около 8 тыс. карточек), которая велась в ИМЛ на протяжении нескольких десятилетий.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

*Оулавссон Йоун, PhD
(Университет Исландии)*

Школы Коминтерна – особенно КУНМЗ и Международная ленинская школа (МЛШ) – в 1920-х и 1930-х годах привлекали множество нерусских коммунистов и социалистов. Изначальная цель школ – подготовить и воспитать прогрессивные кадры для мирового коммунистического движения – довольно скоро, в тридцатых годах, утратила значение из-за растущего подозрения к иностранцам, но также из-за противоречивости целей самих этих школ: если целью была подготовка острых и независимых умов, то партийная дисциплина требовала абсолютного подчинения эпистемическому авторитету.

В докладе будет использована информация о малочисленных коммунистах одного из самых маленьких отделений Коминтерна – Коммунистической партии Исландии. Этой информацией мы воспользуемся для рассмотрения этого интеллектуального и эпистемического парадокса и обсуждения того, как он повлиял на систему образования Коминтерна и как он способствовал возникновению застоя и негибкости в интеллектуальной культуре, что было, пожалуй, самой главной причиной гибели коммунистического движения.

THE EPISTEMIC PARADOX OF COMMUNIST EDUCATION

Ólafsson Jón, PhD
(University of Iceland)

The Comintern schools – in particular KUNMZ and the MLSh attracted a great number of non-Russian Communists and Socialists in the 20's and 30's. The original ambition behind the schools – to train and educate the progressive cadre of the world communist movement – receded rather quickly in the thirties due to growing suspicion of foreigners, but also because of the contradictory goals of the schools themselves: while the aim was to train sharp and independent minds, party discipline required absolute submission to epistemic authority.

The paper uses the small contingent of Communists from one of the smallest Comintern sections – the Communist Party of Iceland – to discuss this intellectual and epistemic paradox, how it affected Comintern schooling and how it contributed to an intellectual culture of stagnation and inadaptability which perhaps was the biggest factor in the Communist movement's demise.

КОМИНТЕРН И ЮГОСЛАВСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Пирьевец Йоже, PhD

(Научно-исследовательский центр в Копере, Словения)

В конце 1937 года Георгий Димитров назначил Иосипа Броз Тито генеральным секретарём Коммунистической партии Югославии, полагая, что нашёл для её спасения нужного человека. В действительности партия находилась на грани роспуска Коминтерном из-за внутренних фракционных битв и ошибок, допущенных её предыдущим генеральным секретарём Миланом Горкичем, которого сместили с должности и расстреляли двумя годами раньше. Иосип Броз пообещал «очистить грязь», запятнавшую КПЮ, и начал реформировать её в соответствии с указаниями, полученными из Москвы. Он добился такого успеха, что в 1941 году, когда на Югославию напали и разделили страны «Оси», он стоял во главе небольшого, но высокоорганизованного и дисциплинированного движения, способного выполнить пожелание Димитрова начать восстание против оккупантов после вторжения Гитлера в СССР 22 июня 1941 года. Это стало началом партизанского движения, позволившего коммунистам захватить власть после победы союзников в 1945 году, но также привело к первым разногласиям между Тито и Сталиным. Если Сталин хотел, чтобы югославы вели исключительно отечественную войну без всякой идеологической подоплёки, чтобы не вызывать тревогу у западных союзников, то Тито решил связать национально-освободительную борьбу с социальной революцией и упорно осуществлял этот план, несмотря на многочисленные предостережения «Дедушки» (Димитрова). Так возникла напряжённость в отношениях между КПЮ и Москвой, продолжавшаяся и после окончания войны, несмотря на то, что Тито придерживался сталинистской политической линии. Хотя Тито считал себя самым верным последователем кремлёвского «хозяина», он не желал терять то самоуважение, которое приобрёл во время партизанской войны, и стать, как это сформулировал польский коммунистический лидер Берман, просто безымянным московским князьком. Результатом этой опасной позиции Тито стало решение Сталина исключить КПЮ из Коминформа – объединения главных европейских коммунистических партий, – в надежде, что этого будет достаточно, чтобы сокрушить Тито и его товарищей. Но этого не про-

изошло. Тито удалось не только выжить, но и преуспеть. Он позволил своим ближайшим сотрудникам – Эдварду Карделю, Миловану Джиласу, Борису Кидричу – критически оценить сталинистский режим и искать изначальный, «европейский», путь к социализму. Это было началом смелого идеологического эксперимента, который после скорой смерти Кидрича и устранения от власти Джиласа проводился в основном Карделем. Основанная на двух столпах – самоуправлении и политике неприсоединения, – политика Карделя стала источником постоянного раздражения советских руководителей, считавших её опасной ересью. И действительно: эта концепция была в высшей степени критичной по отношению к советской «гегемонии», партийной бюрократии, политическому и экономическому централизму, и её осудили как по существу ошибочную. Целью словенской идеологии было сочетание КПЮ с обществом «непосредственных производителей», которое обеспечит им больше демократии, чем классическая парламентская система. Эта идеология обанкротилась, но оставила наследие, несомненно обогатившее европейскую социалистическую мысль прошлого века.

COMINTERN AND THE YUGOSLAV EXPERIMENT

Pirjevec, Jože, PhD
(Science and Research Centre Koper, Slovenia)

Georgi Dimitrov appointed Josip Broz Tito Secretary General of the Yugoslav Communist Party at the end of 1937 believing that he had found the right man to save it. In fact, the party was on the verge of dissolution by the Comintern due to internal fractional struggles and mistakes committed by its previous Secretary General, Milan Gorkič, who had been deposed and shot two years earlier. Josip Broz promised to “clean the filth” which soiled the YCP and started to reform it according to the directives given by Moscow. He was so successful that in 1941, when Yugoslavia was attacked and dismembered by the “Axis” powers, he found himself the head of a small but highly organized and disciplined movement, able to follow the urging of Dimitrov to start an uprising against the occupiers, when Hitler invaded the Soviet Union on 22 June 1941. It was the start of a partisan movement that allowed the Communists to seize power after the allied victory in 1945, but was also the cause of the first disagreements between Tito and Stalin. Whereas Stalin wanted the Yugoslavs to wage a strictly patriotic war without any ideological implications in order not to alarm the western allies, Tito was determined to link the national liberation struggle with social revolution and persevered with this plan, in spite of the many warnings from “Grandpa” (Dimitrov). Hence, tension developed between the YCP and Moscow which continued after the war was over in spite of Tito’s adherence to Stalinist political line. Although he considered himself the most loyal follower of the Kremlin “khozjain”, he was unable to let go of the self-regard he acquired during the partisan struggle and to become, as the Polish communist leader Berman put it, just an anonymous Muscovite princeling. The result of this dangerous attitude was Stalin’s decision to expel the YCP from the Cominform – the family of the main European communist parties – assuming that this would be enough to destroy Tito and his comrades. It was not. Tito managed not only to survive, but thrive. He allowed his closest collaborators, Edvard Kardelj, Milovan Djilas, Boris Kidrič, to question the Stalinist regime and to seek an original, “European” way towards socialism. It was the start of a bold ideological experiment, which after Kidrič’s early death and Djilas’ demise of power, was run mostly by Kardelj. Based on two pillars: self-

management and the non-aligned policy, Kardelj's architecture was a thorn in the flesh of Soviet leaders, who considered it a dangerous heresy. In fact it was highly critical of Soviet "hegemony", party bureaucracy, political and economic centralism, and was denounced as inherently wrong. The ambition of the Slovenian ideologue was to combine the survival of the CPY with a society of "direct producers", which would grant them more democracy than the classic parliamentary system. He failed, but left behind a heritage which undoubtedly enriched European socialist thought in the past century.

ОПЫТ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ БИОГРАФИИ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА

Полещук Александр Александрович

Жанр научно-художественной биографии, для которого характерно сочетание признаков исторического исследования и романа, сложился в XX веке (Стефан Цвейг, Андре Моруа, Морис Перрюшо, Ирвин Стоун и др.). Излагая подлинные факты и события жизни героя по достоверным источникам, автор подобного сочинения стремится раскрыть его личность, внутренний мир, мотивацию поступков, используя приёмы художественной прозы, кроме вымысла. Научно-художественная биография представляет собой средство познания исторической личности и метод создания литературного жизнеописания, интересного массовому читателю.

В последние десятилетия «димитроведение» пополнилось многими научными и документальными изданиями, среди которых – обстоятельные биографические работы на болгарском (Исусов М.), английском (Stankova M.) и французском (Foscolo M.) языках. Вышла в свет первая научно-художественная биография Георгия Димитрова в наиболее полном на сегодняшний день формате¹. В книге освещены такие малоизвестные русскому читателю темы, как взаимоотношения Димитрова и Сталина, политическая деятельность Димитрова на испанском и китайском направлениях, взаимодействие служб ИККИ с советской разведкой в годы войны, работа Димитрова во главе Отдела международной информации ЦК ВКП(б), поиск новых форм демократического социального государства, попытка решения македонского вопроса, эпизоды личной жизни Димитрова.

«Дневник» Димитрова (1933–1949), вышедший в различных вариациях в семи странах (но не в России!), стал самым ценным источником для создания литературного портрета Димитрова. Хотя в записях почти не отражено его личное отношение к фиксируемым событиям (вероятно, по соображениям конспирации), внимательный анализ записей в сопоставлении с другими данными позволяет более-менее адекватно реконструировать внутренние переживания героя. Другим

¹ *Полещук А.А.* Георгий Димитров: драматический портрет в красках эпохи. СПб., 2018. 592 с.

важным источником явилась обширная личная переписка Димитрова, особенно переписка с соратниками в БКП и ИККИ, выявляющая его фанатичную преданность революционному делу и психологическое напряжение в период нелегальной работы в Европе и Лейпцигского процесса (1923–1934). Линия поведения Димитрова в годы сталинских репрессий становится более ясной по его письмам в защиту осуждённых товарищей (13 ходатайств с приложением списков от 23 до 132 человек и более 50 – об отдельных людях). О попытках найти объяснение происходящего свидетельствуют подчёркнутые места в известном письме Е.С. Варги Сталину о репрессиях в КИ (копию Варга направил Димитрову), а также в тексте пьесы Р. Роллана «Робеспьер» и других печатных источниках. Книги из личной библиотеки Димитрова со следами его вдумчивой работы и выписки на отдельных листах дают представление о широком круге его интересов и поиске ответов на актуальные вопросы. Много ценного почерпнул автор в 1980-е годы из бесед с родственниками и коллегами Димитрова, а также из путешествий по местам, связанным с его жизнью в Болгарии, СССР и Германии. Мемуары, за редким исключением, оказались мало информативными.

История Коминтерна являет нам и драму идей, и драму людей. Завершая книгу, автор приходит к выводу, что встроенность Коминтерна димитровского периода в советский политический дискурс имела в целом позитивный результат. На смену схоластическим дискуссиям о путях мировой революции пришли практические дела, ставшие достоянием мировой истории. Что касается самого героя, то в его жизни в этот период нарастал разлад между провозглашаемыми принципами и политической реальностью. Борьба за благородные идеи, в которые он верил с молодых лет, обернулась подчинением сталинскому диктату и жёсткими решениями, принимаемыми во имя революционной и государственной целесообразности.

ГРАМШИ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПЕРЕОЦЕНКА

Понс Сильвио, PhD
(Фонд Грамши, Италия)

Отношение Антонио Грамши к ленинизму и большевизму было предметом множества исследований и споров. Однако мы все ещё нуждаемся в том, чтобы его биографию и его мировоззрение рассмотреть целиком в контексте его времени, чтобы преодолеть идеологические споры и подходы. Цель моего доклада – представить исторические сведения о том, как Грамши реагировал на влияние Октябрьской революции на Россию и Европу с точки зрения идеализации, вдохновения и анализа, а также о том, что он никогда не прекращал размышлять о советском опыте. Русская революция и её последствия явились отправной точкой для создания некоторых ключевых категорий его политического мировоззрения, повлияв на Грамши гораздо больше, чем это обычно предполагали исследователи.

GRAMSCI AND THE RUSSIAN REVOLUTION: A REAPPRAISAL

Pons Silvio, PhD
(Fondazione Gramsci, Italy)

Antonio Gramsci's relationship with Leninism and Bolshevism has been the object of a multitude of debates and studies. However, we still need to fully contextualize his biography and thought in his own times, in order to overcome ideological disputes and approaches. The purpose of my lecture is to provide a historical view of how Gramsci reacted to the impact of the October Revolution in Russia and Europe in terms of idealization, inspiration, and analysis, and how he never ceased reflecting on the Soviet experience. The Russian Revolution and its aftermath represented the reference for the creation of some crucial categories of his political thought, even more than scholars have usually assumed.

СТРАННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 1939–1940 ГОДЫ

*Рентола Киммо, D.Soc.Sc.
(Хельсинкский университет, Финляндия)*

В докладе рассказывается о возрождении идеи мировой революции в кругах руководства СССР и Коминтерна в 1939–1940 годах. Идея, которую продвигал Сталин, была основана на предположении, что, в отличие от Первой мировой войны, на этот раз революционные перевороты возможны уже на ранних стадиях конфликта, поскольку существование Советского Союза создало для этого более благоприятные условия. Эта сталинистская революция должна была развиваться постепенно, захватывая одновременно одну или несколько стран, и осуществляться при поддержке Красной армии. Что касается соотношения сил в большой войне, то предполагалось, что Германия была слабой, и, следовательно, Советы должны были оказать ей поддержку, чтобы продолжить войну между двумя капиталистическими лагерями. После падения Франции в мае 1940 года оказалось, что этот расчёт был ошибочным. Возможно, отрезвляющее действие произвела и Зимняя война против Финляндии, и от идеи мировой революции втихомолку отказались. После публикации шифрограмм Коминтерна ситуация прояснилась ещё больше, и теперь можно анализировать явление в целом, имея в распоряжении все доступные данные, чтобы установить хронологию и изучить как тайные причины, так и связи между различными элементами. А затем останется обсудить, насколько серьёзной реально была мировая революция – или она была, для Сталина, в основном средством привлечь на свою сторону стихийно антифашистских членов Коминтерна и (или) придать благородный вид своему захватничеству, основанному на нацистско-советском пакте. Сходство этой концепции 1939–1940 годов с послевоенным созданием народных демократий очевидно.

THE STRANGE RESURRECTION OF THE WORLD REVOLUTION, 1939–1940

*Rentola Kimmo, D.Soc.Sc.
(University of Helsinki, Finland)*

The paper addresses the resurrection of the world revolution idea in Soviet and Comintern leading circles in 1939–1940. The idea, promoted by Stalin, was based on assumption that unlike in the Great War, this time revolutionary upheavals were possible already at early stages of the conflagration, since the existence of the Soviet Union created more favourable conditions. This Stalinist revolution would advance piecemeal, one or a few countries at a time, and connected with Red Army action. As for the relation of forces in the big war, it was assumed that Germany was the weaker vessel, hence worth supporting by the Soviets to prolong warfare between the two capitalist camps. With the collapse of France in May 1940, this turned out to be a bad miscalculation. Probably also the Winter War against Finland had sobering effect. The world revolution idea was quietly dropped. With the publication of Comintern cypher telegrams the evidence is now much better and it is possible to analyze the phenomenon as a whole, with all available pieces on the table to establish chronology and to address reasons behind and connections between various elements. Then it remains to be discussed, how serious a world revolution this really was – or was it, for Stalin, mostly a device to carry the instinctively anti-fascist Cominternians along, and/or to give his land-grabbing, based on the Nazi-Soviet Pact, an honourable appearance. The resemblance of this 1939–1940 thinking to postwar build-up of people's democracies is evident.

ГРАНДИОЗНЫЕ ПРОЕКТЫ И СКУДНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. КОМИНТЕРН И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ НОРВЕГИИ (1923–1943)

Рённинг Уле Мартин, PhD

(Архивы и библиотека норвежского рабочего движения, Норвегия)

Сто лет назад, в год основания Коммунистического интернационала – также известного как Коминтерн, – в него вступила и норвежская Рабочая партия, которая в то время была настоящей, по масштабам Норвегии, массовой партией, насчитывая 105 тысяч членов. В идеологическом плане партия была далеко не однородной, поскольку она была основана на коллективном членстве профсоюзов и имела множество последователей. Значительная фракция парламентско-ориентированных социал-демократов контролировала партийный аппарат до весны 1918 года и в 1919 году всё ещё составляла шумную оппозицию революционному большинству. Поэтому вступление в Коминтерн стало началом беспокойного периода для Рабочей партии с характерными для неё внутренней борьбой и разделениями. В 1919 году партия одобрила 21 условие приёма в Коминтерн и раскололась, когда социал-демократы вышли из неё в знак протеста. Однако сама партия была исключена Коминтерном осенью 1923 года из-за её нежелания подчиняться директивам Интернационала. Исключение спровоцировало ещё один раскол, поскольку меньшинство покинуло партию и основало Коммунистическую партию Норвегии, членство которой в Коминтерне продолжалось до роспуска Интернационала в 1943 году.

В докладе предполагается рассмотреть отношения между норвежским рабочим движением и Коминтерном в период существования Интернационала (1919–1943 годы) исходя из принципов, разработанных Коминтерном для принимаемой в него норвежской партии. Входящие в него партии формально подчинялись руководству Коминтерна в Москве, поэтому решения руководства имели большое значение. Следовательно, конкретный случай Норвегии может свидетельствовать об уровне влияния Коминтерна на его членов и об участии в нём его представителей. В двадцатые годы Коминтерн постепенно становился всё более тесно связанным с советской внутренней и внешней политикой. Важные решения принимались за закрытыми дверями и определялись советскими соображениями. Это, в свою очередь, по-

влияло на главную политическую линию Интернационала и привело к резкой перемене некоторых его политических приоритетов. Эти резкие изменения генеральной линии Коминтерна повлияли как на политическую значимость партий в их собственных странах, так и на их способность заручиться народной поддержкой.

Высшее руководство Коминтерна самым непосредственным образом влияло на принятие ключевых решений, касающихся норвежской партии и относящихся как к политической линии, так и к действиям, а также к личному составу её руководства. В докладе будут выявлены и проанализированы некоторые ключевые моменты вмешательства Коминтерна в то время, когда норвежская партия оказывалась на значительном для её судьбы перепутье. Используя конкретный пример норвежской партии, можно по-новому и внимательней оценить динамику отношений между центром и периферией в международном коммунистическом движении. Имеет большое значение, что результаты этого исследования можно сравнить с аналогичными исследованиями других партий Коминтерна, и потому оно содержит новый материал как для сравнения и противопоставления, так и для более глубокого понимания сложности системы Коминтерна и взаимодействия между импульсами, идущими «снизу» и «сверху».

GRAND DESIGNS AND MEAGRE OUTCOME. THE COMINTERN AND THE COMMUNIST PARTY OF NORWAY (1923–1943)

Rønning Ole Martin, PhD

(Norwegian Labour Movement Archives and Library, Norway)

One hundred years ago, in the year of the Communist International's founding – also known as the Comintern – the Norwegian Labour Party joined as a member, and was, at the time, a true mass party on a Norwegian scale with its 105,000 members. The party was far from ideologically homogenous, as it was based on a collective membership of trade unions and had a large amount of followers. A significant wing of parliamentary-oriented social-democrats had been in control of the party apparatus until the spring of 1918, and still constituted a loud opposition to the revolutionary majority in 1919. Hence, the entry into the Comintern represented the beginning of a turbulent period for the Labour Party that was characterized by internal struggle and division. The party approved the Comintern's 21 conditions of acceptance in 1919, and was split when the social democrats left in protest. However, the party itself was excluded by the Comintern in autumn 1923 due to its reluctance to obey the International's directives. The exclusion caused another split, as a minority left the party and founded the Communist Party of Norway, whose Comintern membership continued until the dissolving of the International in 1943.

The proposed paper addresses the relationship between the Norwegian labour movement, and the Comintern, during the period of the International's existence (1919–1943), and is based upon guidelines the Comintern developed for its Norwegian member party. The member parties were formally subordinate to the Comintern's Moscow leadership, therefore the leadership's decisions were of great significance. The Norwegian case-study can thus shed light on the level of influence and involvement from the Comintern on its members. The Comintern was gradually more closely linked to Soviet domestic and foreign policy in the 1920s. Important decisions were made in closed rooms and dominated by Soviet considerations. This in turn influenced the main political line of the International, and led to a volte-face in several of its political priorities. These abrupt changes of the Comintern's general guidelines had an effect

on the parties' political capability in their home countries, as well as their potential for popular support.

The Comintern's top management was closely involved in key decisions concerning the Norwegian party, both regarding its political line and actions, as well as the personal composition of its leadership. The paper will identify and analyze several key points of Comintern interference that were made at important crossroads for the Norwegian party. By using the Norwegian party as a case study, a new and better insight can be given into the dynamics between the center and periphery within the international communist movement. Importantly, the results of this study can be compared to similar surveys of other Comintern parties, and as such provide new material to compare and contrast; as well as deepening the understanding of the complexity of the Comintern system, and the interaction between impulses from "below" versus "above".

МИРОВОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДОКУМЕНТАХ АРХИВА КОМИНТЕРНА

Розенталь Светлана Марковна
(*Российский государственный архив социально-политической истории*)

Хранящиеся в архиве Коминтерна коллекции документов являются уникальными источниками для изучения и исследования истории этой организации, объединившей в своих рядах свыше 70-ти коммунистических и рабочих партий. Документы этих коллекций дают представление как о деятельности отдельных компартий, так и об их тесном контакте с Коминтерном, с его методами централизованного руководства, требованиями подчинения его директивам и циркулярам, строгого следования его установкам и генеральной линии, Коминтерном, который в свою очередь, находился в полном и беспрекословном подчинении партии Российских большевиков. Документы отражают обстановку в партиях с неизбежными разногласиями и фракционной борьбой и неприятие Исполкомом Коминтерна любых отклонений от его установок, воплощенных в документе «21 условие приема в Коминтерн», принятом на II конгрессе Коминтерна и получивших дальнейшее развитие в рамках политики «большевизации компартий» в середине 1920-х гг. Документы демонстрируют также периодически меняющиеся установки Коминтерна то на единый фронт с социал-демократами и др. партиями, то на полное отторжение и прекращение с ними всяких отношений.

Важным источником информации о политике Коминтерна являются личные документы коммунистов разных стран, хранящиеся в архиве: анкеты, автобиографии, справки и т. п. По этим документам прослеживается накал атмосферы подозрительности и шпиономании, в полной мере отразившийся как на деятельности Коминтерна, так и на судьбах людей, вращавшихся в коминтерновской орбите. Руководство Коминтерна призывало коммунистов к усилению классовой бдительности, а одним из основных лозунгов организации стало разоблачение «двурушников, агентов классового врага». Архивные документы красноречиво свидетельствуют о резком усилении политического контроля в Коминтерне, а главными инструментами карающей власти в Коминтерне стали Интернациональная контрольная

комиссия (ИКК), Отдел кадров и Партком ИККИ, которые тесно сотрудничали с органами НКВД и в своей работе руководствовались методами этой организации. Вышеупомянутые органы зорко следили за сотрудниками аппарата, за руководящим и рядовым составом компартий, скрупулезно выявляя подозрительные факты в биографиях и анкетах. О пристальном внимании к социальному происхождению свидетельствуют жирно подчеркнутые красным или другим цветным карандашом записи типа: «из дворян», «буржуазное», «духовное» и т. д. Типичная для 30-х гг. нарастающая психология страха склоняла людей к политической мимикрии, что также видно из документов: в автобиографиях и анкетах личных дел иногда чувствуется стремление умолчать или смягчить «непрестижные» данные своей биографии, такие, например, как принадлежность в прошлом к «чуждым» партиям или наличие репрессированных родственников, что в тех условиях было делом небезопасным и рискованным и могло повлечь суровое наказание. Данные о суровых приговорах в документах отражены редко, однако сведения об увольнении из аппарата ИККИ или исключении из рядов ВКП(б) почти всегда означали последующий арест данного сотрудника органами НКВД.

Относительная непопулярность компартий (особенно в странах Запада) побудила Коминтерн создать массовые революционные организации (Профинтерн, Крестинтерн, Спортинтерн, МОПР и др.), которые, будучи беспартийными (что постоянно подчеркивалось), служили рычагами проведения идей Коминтерна в широкие массы трудящихся. В архиве широко представлены документы этих организаций. Формально считаясь автономными, а на самом деле целиком и полностью подчиняясь Коминтерну, эти структуры вольно или невольно вносили раскол в рабочее движение. Так, Профинтерн постоянно боролся с «желтыми профсоюзами», входящими в социал-демократический Амстердамский интернационал профсоюзов, лишь временно предлагая создание единого фронта. Не вполне понятно, что означает термин «буржуазный спорт», с которым боролся Спортинтерн.

Архив Коминтерна, одной из самых закрытых международных организаций первой половины XX века, представляет собой огромный массив интересных и во многом еще малоизученных документов – широкий фронт возможностей для исследователей международного рабочего движения.

КОМИНТЕРН И АНАРХИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ (К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

Рублев Дмитрий Иванович, к.и.н.

(Российский государственный архив социально-политической истории)

Вопрос о создании нового международного объединения революционных сил с начала Первой мировой войны становится одним из центральных для публицистов антивоенного крыла анархистского движения России.

Деятельность Коммунистического интернационала вызвала интерес у части активистов анархистского движения России. Прежде всего, в 1919–1922 гг. они устанавливали контакты с представителями анархо-синдикалистских профсоюзов Испании и Франции, участвовавших в конгрессах Коминтерна и Профинтерна, проходивших в Москве. Деятельность анархистских делегатов сыграла важную роль в решении вопроса об освобождении из тюрем высылке в 1922 г. за границу лидеров российских анархистов (Г.П. Максимова, В. Волина и др.).

Некоторые анархисты, перешедшие на позицию поддержки политического курса РКП(б) и советской власти, либо работали в аппарате Коминтерна и Профинтерна (Я.И. Кирилловский, Н.И. Лазаревич, Е.З. Ярчук), либо работали за границей по линии Коминтерна (Г.Б. Сандомирский). Последний, прежде всего Гроссман-Рошин и Сандомирский направляли свою деятельность на переориентацию анархистского движения в направлении на союз с Коминтерном. В 1922 г. по линии исполкома Коммунистического интернационала обсуждался вопрос о командировании в Европу представителя Свободного объединения анархистов Э. Барона в целях ведения аналогичной работы. В то же время к отдельным деятелям Коминтерна и Профинтерна апеллировали и анархисты, столкнувшиеся с политическими преследованиями в СССР. Так, редактор газеты «Почин» А.М. Атабекян в 1923 г. не раз обращался в Исполком Коминтерна и к деятелям коммунистического движения Франции с просьбой о помощи в ходатайствах об отмене решений о закрытии его издания и типографии.

В 1922–1939 гг. деятельность Коминтерна становится объектом критики со стороны анархистской эмиграции России. На страницах печатных изданий, выпускавшихся анархистами-эмигрантами, неоднократно подвергалась критике позиция Коммунистического интернационала по вопросу о взаимодействии профсоюзов с политическими партиями. Анархисты-эмигранты критиковали также политику, проводимую руководством Коминтерна в странах Европы, Азии и Америке. Так, большое внимание уделялось критике деятельности коминтерновцев в Испании во время Гражданской войны 1936–1939 гг.

Вместе с тем в орбиту влияния Коминтерна в начале 1930-х гг. были вовлечены ряд известных российских анархистов. Прежде всего, их деятельность была использована для установления идеологического контроля над анархо-синдикалистским профсоюзом Испании – Национальной Конфедерацией Труда. В 1931–1934 гг. с этой целью были задействованы П.А. Аршинов и Г.Б. Сандомирский. Так, лично И.В. Сталин проявлял интерес к возможности использовать Сандомирского для привлечения испанских анархистов на сторону СССР. Наибольший же интерес представляет деятельность П.А. Аршинова, бывшего соратника Н.И. Махно, видного анархистского публициста, идеолога «платформистского» течения среди анархистов-коммунистов. В 1931 г. он начал переписку с представителями Коминтерна и ЦК РКП(б) о возможном возвращении в СССР. Вскоре он был направлен на работу в Испанию, целью которой являлось привлечение испанских анархистов на сторону СССР. Здесь Аршинов издал в одном из центральных органов НКТ, газете «Солидарidad Obrera» статью, в которой призвал испанских анархистов к сотрудничеству с коммунистической партией и принятию лозунга диктатуры пролетариата.

В то же время Аршинов выпустил две брошюры и ряд статей на русском языке, в которых развивал свои идеи. Не получив отклика ни среди анархистов-эмигрантов, ни среди испанских анархо-синдикалистов, П.А. Аршинов был вынужден ходатайствовать о свертывании своей деятельности. Вскоре он получил разрешение вернуться в СССР.

ХАРАКТЕР И ЗАДАЧИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА – АСИММЕТРИЯ МЕЖДУ СТРУКТУРАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕДПОСЫЛКАМИ В РОССИИ

Рунге Моника, PhD

(Фонд Розы Люксембург, Лейпциг (Бюро Москва/Берлин), Германия)

Первая мировая война привела к революционным выступлениям, а также к распаду монархий в России, Германии и Австро-Венгрии. Перед рабочими партиями в Западной Европе и России стояли хотя и схожие, но – в силу неодинаковых экономических и политико-структурных предпосылок – весьма разные задачи. Так, в Западной Европе политические предпосылки конституционных монархий были более развиты, чем в России. В 1918–1919 гг. движения Советов трансформировались в западноевропейских странах в буржуазно-демократические республики. В то время как Советы, возникшие в России, не стали буржуазно-демократической республикой. Более того, избранное Учредительное собрание было разогнано и заменено диктатурой партии большевиков. Содержавшийся в такой централистской форме государства и партии структурный недостаток в демократии, разделении властей и общественной жизни неизбежно вёл к сверхцентрализму. И наконец, к культуре личности и всевластию бюрократии, к недоверию и контролю с его террористическими извращениями. Прозорливая критика этих структур власти в Советской России, содержащаяся в написанных в тюрьме в Бреслау рукописях Розы Люксембург «Русская революция», к сожалению, подтвердилась. Эта критика Люксембург стала в свою очередь поводом для критики Лениным предполагаемых ошибок Розы Люксембург и позднейшего очернения со стороны Сталина как «меньшевистского идеализма». Это привело к ожесточенной борьбе, разногласиям внутри КППГ и даже к отколам от КППГ. Против «большевизации» КППГ Коминтерном стояло так называемое «люксембургянство». Содержательно и стратегически реализованная большевизация КППГ привела к потере чувства реальности и политическим авантюрам, а также к устойчивому расколу между социал-демократическими и коммунистическими партиями, даже к вражде между ними, которая частично действует до сегодняшнего дня.

Однако отличием политических структур власти в России от западноевропейских форм буржуазно-демократических республик дело не исчерпывалось. Отличия имелись и в смысле экономических условий развития. В то время как в Западной Европе первоначальное накопление капитала было уже в значительной мере закончено, в России оно произошло лишь частично. Капитализация промышленности проводилась в России иностранным капиталом и в основном государством. Лучшим доказательством недостаточной капитализации/индустриализации экономики была во многом сохранившаяся община со структурами деревенских сообществ и отношениями зависимости на селе. Разрушение этой сельской общины было, по Марксу, решающей предпосылкой для существования в двойном смысле свободных наемных работников как условия первоначального накопления. Такая асимметрия/диахрония между господствующими отношениями политической власти и ограничениями в экономическом развитии в России, с одной стороны, и догоняющим первоначальным накоплением капитала, с другой, привела к большим конвульсиям. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства были осуществлены с помощью принуждения и террора, что привело к разрушительным перекосам в стране. Исторические фазы развития нельзя просто перепрыгнуть или перехитрить.

**ОТТО ВИЛЛЕ КУУСИНЕН КАК ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
В 1921–1922 ГОДАХ**

*Саарела Тауно, PhD
(Хельсинский университет, Финляндия)*

Отто Вилле Куусинен, финн, был аппаратчиком Коммунистического интернационала с 1921 по 1943 год. Членом малого бюро Интернационала он стал в апреле 1921 года, членом секретариата – в июле 1921 года и генеральным секретарём – в декабре 1921 года. Через год, в декабре 1922 года, он был, по его собственной просьбе, освобождён от этой должности. Однако он оставался членом Исполнительного комитета и секретариата. Включением в состав секретариата и должностью генерального секретаря Куусинен был явно обязан положительной оценке Лениным тех организационных тезисов, которые Куусинен написал для Третьего конгресса Коммунистического интернационала.

В своем докладе я исследую роль генерального секретаря, новой должности в Интернационале, в 1921–1922 годах. Изучая деятельность Куусинена в период 1921–1922 годов, можно составить представление и о создании структуры, особенно центральных органов, Коммунистического интернационала, а также о политических позициях, которые международные коммунисты занимали в то время, когда им казалось, что перспектива близкой революции начала сходить на нет. В те годы были популярны лозунги об объединённом фронте и правительстве рабочих, но велись и споры о неизбежности революции и о необходимости создания лозунгов для переходного периода в Интернационале. В докладе я проанализирую роль Куусинена и важность этих дискуссий.

OTTO VILLE KUUSINEN AS A GENERAL SECRETARY OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL, 1921–1922

*Saarela Tauno, PhD
(University of Helsinki, Finland)*

Otto Ville Kuusinen, a Finn, worked as a functionary within the Communist International from 1921 up to 1943. He became a member of the small bureau of the International in April 1921, a member of the secretariat in July 1921 and a general secretary in December 1921. A year later, in December 1922, he was, on the basis of his own request, released from that position. He, however, continued as a member of the executive committee and the secretariat. Kuusinen's rise to the secretariat and to the position of the general secretary was obviously based on Lenin's positive assessment of the organizational theses Kuusinen wrote for the III congress of the Communist International.

In my paper I study the role of the general secretary, a new position in the international, in 1921–1922. By studying Kuusinen during the years 1921–1922, it is also possible to ponder on the development of the organization, especially the central organs, of the Communist International but also political standpoints the international communists took during the years the trust in the immediate revolution started to wane. Slogans on the united front and workers' government were launched during those years, and there were also discussions on the immediacy of the revolution and on the need for slogans for the transitional period within the international. In my paper I will analyze Kuusinen's role and importance in these discussions.

ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Савельев Петр Юрьевич, д.и.н.

(Российский государственный архив социально-политической истории)

Взаимное расположение партий в партийной системе помогают понять их классификация и типология. И то, и другое – инструменты познания, созданные исследователями. Отсюда множество вариантов классификаций и типологий, каждый из которых создавался для решения конкретной исследовательской задачи.

Концепция «партии нового типа» – тоже инструмент познания, созданный в 60-е гг. XX в. советскими историками КПСС. Она распространяла типологические признаки, характерные для КПСС, на генетически связанную с ней РСДРП, и обосновывала несоответствующую реальности картину восходящего, безошибочного и провидческого движения КПСС от победы к победе. Важнейшим звеном этой концепции было провозглашение II съезда РСДРП (1903) исходной точкой существования «партии нового типа» («большевистской партии»). Правда, в 1930-е гг. в советской историографии таким рубежом считалась Пражская конференция (1912), а до этого были приверженцы и иных дат – 1898 г., 1895 г., 1883 г. и даже более ранних. В 1960–1980-е гг. историки КПСС пытались согласовать, привязать друг к другу и ранжировать все эти хронологические рубежи, но дело безнадежно запутывалось, историческая реальность не желала укладываться в исследовательскую схему прямой преемственности РСДРП – КПСС (РКП(б)–ВКП(б)–КПСС).

Все дело в том, что за аббревиатурой «РСДРП» скрывается не одна, а несколько организаций. Исходной следует считать «старую РСДРП», провозглашенную в 1898 г., звездный час которой пришелся на 1906 – начало 1907 г., и переставшую существовать в 1911 г. С 1903 г. она была расколота на несколько фракций – главные «большевики» и «меньшевики». Несмотря на усилия Объединительного съезда 1906 г. («IV», «Стокгольмский») фракционность внутри РСДРП усиливалась, в том числе за счет национальных организаций. В 1912 г. в ходе двух конференций (Пражская и Венская) на ее развалинах возникли «РСДРП во главе с ЦК» («большевики»), «РСДРП

во главе с ОК» («меньшевики»), группа Г.В. Плеханова «Единство» и «межрайонная организация» в Петербурге. В IV Государственной Думе образовались две социал-демократические фракции, враждовавшие друг с другом. Все выше перечисленные организации не были еще политическими партиями в собственном смысле этого слова, они были протопартиями, действовали главным образом нелегально. И только после февральского переворота 1917 г. они легализовались. В практическую плоскость был поставлен вопрос о восстановлении единства – все российские социал-демократы связывали себя генетически со «старой РСДРП». Через полгода организационных усилий в августе 1917 г. состоялось два объединительных съезда. На одном была конституирована РСДРП (б) – непосредственная предшественница РКП (б), на другом – РСДРП (объединенная), от которой тут же отделилась РСДРП (интернационалистов).

Есть ли какое-то рациональное зерно в концепции «партии нового типа»? Да. Оно заключается в том, что каждой *новой* политической эпохе соответствуют свои *новые* типы партий. Социал-демократические партии в 70–90-е гг. XIX в. представляли собой новый тип партии по сравнению с либеральными и консервативными – тип *массовой* партии.

Компартии – учредительницы Коминтерна, возникли в ходе расколов соответствующих национальных социал-демократических партий в результате Первой мировой войны. Они представляли *новый*, по сравнению с ранее существовавшими, тип партии. Классик партологии М. Дюверже назвал этот тип тоталитарным. Но поскольку в это понятие вкладывается негативный оценочный смысл, я бы предпочел употребить буквальный русский перевод – *всеобъемлющий*.

Какие черты отличали партию коммунистов от партии социал-демократов? Коммунистическая партия считала приоритетными не парламентские, а прямые политические действия, включая насилие. Это отражается и на ее организационной структуре.

Если у социал-демократов базовой организационной единицей является территориальная *секция*, совпадающая с избирательным округом, то у коммунистов – производственная ячейка. Она обеспечивала большую, чем в секции причастность, вовлеченность члена партии в партийную жизнь, которая становится *всеобъемлющей*.

Признак, присутствующий и у социал-демократической партии, – приверженность определенной идеологии (в начале XX века это – марксизм), был доведен коммунистами до символа веры.

Социал-демократическая партия начала XX века – партия с сильной структурой, строящаяся на основе централизма, который смягчается развитыми демократическими процедурами. Компартия строилась на основе *демократического централизма*, где ключевым является централизм. Это означает строительство партии сверху

вниз, практику кооптаций и назначений, жесткую дисциплину, поддерживаемую целой системой санкций, предусмотренных уставом.

Имелись ли черты, характерные для коммунистической партии, у «старой РСДРП»? Да. Чем были порождены эти черты? Объективно – условиями нелегального существования и неразвитостью демократических институтов в России, субъективно – младенческим возрастом партийной организации, детской болезнью «левизны в коммунизме». Черты эти варьировались по фракциям и периодам в развитии «старой РСДРП», но они укладывались в целом в рамки социал-демократизма. Никто из лидеров РСДРП и не помышлял о разрыве с социал-демократией. В.И. Лениным задача создания «партии нового типа» впервые была озвучена лишь в марте 1917 г. Но можно утверждать, что наличие этих черт у РСДРП предопределило то, что первая в истории коммунистическая партия образовалась именно в России.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НЕМЕЦКОЙ И ДАТСКОЙ СЕКЦИЯМИ КОМИНТЕРНА (КПГ И КПД)

Сёренсен Торкиль
(Независимый исследователь, Дания)

Как немецкая КПГ, образованная на рубеже 1918–1919 годов, так и датская КПД, созданная в ноябре 1919 года (но впервые названная КПД годом позже), вначале были малочисленными. КПГ впервые участвовала в выборах в июне 1920 года и получила на них 2,1 % голосов, в то время как в 1920 году КПД получила лишь 0,4 %. Однако КПГ увеличила свой численный состав после слияния со значительной частью Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), занимавшей положение между КПГ и социал-демократами в Социал-демократической партии Германии (СДПГ); это произошло в конце 1920 года. В двадцатых годах и для КПГ, и для КПД была характерна ожесточённая внутренняя борьба различных групп или фракций, но в мае 1924 года КПГ смогла получить на выборах 12,5 %, до этого просуществовав нескольких месяцев в качестве нелегальной партии. КПД впервые усилилась в 1932 году, послав в парламент двух своих депутатов, но получила лишь 1,1 % голосов, тогда как на последних свободных выборах в ноябре 1932 года КПГ получила 16,9 %. Так что отношение этих партий было отношением между старшим братом и младшим, гораздо более младшим, братом. Тем не менее Дания и КПД стали значимыми для КПГ, когда последней пришлось действовать в качестве нелегальной партии с многочисленными политэмигрантами – это произошло после того, как в конце января 1933 года к власти пришёл Гитлер.

Отношения этих партий будут рассмотрены на примере личных судеб пяти немецких и пяти датских коммунистов, некоторые из которых также какое-то время работали непосредственно для Коминтерна. Доклад основан на исследованиях в Фонде изучения партий и массовых организаций ГДР в Федеральном архиве Германии в Берлине, Архиве Штази, также в Берлине, и Архиве датского рабочего движения в Копенгагене.

Вильгельм Пик представлял и КПД, и Исполком Коминтерна (ИККИ) на съезде КПД в Нюборге, состоявшемся в начале 1926 года. Он закулисно добивался переизбрания заместителем председателя

Георга Лаурсена, но Лаурсен был занят в Берлине и вскоре был арестован, нелегально работая на Коминтерн с Отто Брауном. Вскоре КПД посетил другой представитель Коминтерна, «Йохан». Гораздо позже он стал известен как Рихард Зорге. Одним из лидеров КПД, с которым он тогда работал, был Могенс Фог, впоследствии ключевой деятель датского Сопротивления, в его случае – в 1941–1945 годах.

Когда в 1933 году КПГ и некоторым службам Коминтерна пришлось выехать из Берлина, некоторые из них были переведены в Копенгаген. Тогда видную роль играл Эрнст Волльвебер (позже он играл более зловещую роль лидера нелегальной организации, проводившей диверсии – особенно против кораблей). Его датским партнёром, в основном занимавшимся логистикой, был Рикар Йенсен. В то же время Шарлотта Бишоф из Берлина и Дейн Карл Винтер были среди людей, работавших в небольшом пункте Отдела международных связей Коминтерна в Копенгагене, ликвидированном в конце 1937 года; в работе ОМС участвовали и другие люди. Но если некоторые учреждения Коминтерна из Германии были эвакуированы, то другие были созданы. КПГ основала несколько бюро в странах, граничащих с Германией, в том числе в Копенгагене. Лидеры время от времени встречались с Акселем Ларсеном, который в 1932–1958 годах был председателем КПД. Последний лидер датского отделения Коминтерна был арестован датской полицией в мае 1941 года, и вскоре он много рассказал Гестапо о людях, нелегально работавших на КПГ в Дании. Аксель Ларсен был арестован 5 ноября 1942 года, но сопротивление продолжалось и ширилось. В нём участвовала и небольшая группа членов КПГ.

После легализации КПД в 1945 году она была сильна, как никогда, а КПГ вскоре сменилась на СЕПГ (Социалистическую единую партию Германии), с 1949 года ставшую ведущей партией в ГДР. Но это произошло после ликвидации Коминтерна в мае 1943 года.

RELATIONS BETWEEN THE GERMAN AND DANISH SECTIONS OF COMINTERN (KPD AND DKP)

Sørensen Torkil
(Independent scholar, Denmark)

Both the German KPD formed around new year 1918–1919 and the Danish DKP formed November 1919 (but first named DKP a year later) were small in the beginning. KPD first participated in elections in June 1920 and got 2,1 % of votes, while DKP in 1920 only got 0,4 %. However, KPD expanded after merging with a big part of USPD, in a position between KPD and social democrats in SPD, late 1920. Both KPD and DKP were in the 1920'ies marked by strong internal fights between different groups or fractions, but KPD was able to get 12,5 % in elections May 1924 – following some months as an illegal party. DKP first got stronger in 1932 getting two elected to parliament, but still only with 1,1 %, while KPD got 16,9 % in the last free election in November 1932. Therefore, it was a relationship between a big brother and a much smaller brother. Nevertheless, Denmark and DKP became important for KPD after it had to work as illegal party with many in exile after Hitler took power in late January 1933.

The relationship will be presented through the personal stories of five German and five Danish communists, a number of them also working directly for Comintern for some time. The Paper is based on research in SAPMO in Bundesarchiv in Berlin, BStU or Stasi Archive also in Berlin and the Archive of the Danish Labour Movement in Copenhagen.

Wilhelm Pieck represented both KPD and ECCI of Comintern on a DKP congress in Nyborg in the beginning of 1926. He pulled the strings to get Georg Laursen re-elected as deputy chairperson, but Laursen was busy in Berlin and would soon be arrested, working illegally for Comintern with Otto Braun. Soon DKP got another visitor from Comintern, “Johan”. Much later he became famous as Richard Sorge. One of the leaders of DKP he worked with then was Mogens Fog, later a leading figure in the Danish Resistance, in his case 1941–1945.

When KPD and some Comintern offices had to move out of Berlin 1933, some were moved to Copenhagen. Ernst Wollweber played a role then – and later a more sinister role as leader of a very illegal organisation making sabotage especially against ships. A Danish partner, mainly with

logistic, was Richard Jensen. At the same time Charlotte Bischoff from Berlin and the Dane Karl Winther were among the people involved in a small Comintern OMS point in Copenhagen, liquidated late 1937; as were a number of people involved in the work of OMS. However, as some offices moved out, others moved in. KPD made a number of offices in countries neighbouring Germany, AL North in Copenhagen. The leaders now and then had meetings with DKP Chairman 1932–1958, Aksel Larsen. The last AL North leader was arrested by Danish police May 1941, and he soon told Gestapo a lot about persons illegally working for KPD in Denmark. Aksel Larsen got arrested five. November 1942, but the resistance continued and grew – and a small group of KPD members were also involved.

After the liberation DKP in 1945 was stronger than ever and KPD soon changed to SED, from 1949 leading party in GDR. However, it was realized after the end of Comintern in May 1943.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА ЗАПАДНЫХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Силадьи Габор, PhD
(Комитет Национальной Памяти, Венгрия)

В центре внимания доклада – переходный период между ликвидацией Коммунистического интернационала и основанием в 1950 году Фонда международной солидарности, не обладавшего соответствующей структурой для координации финансовой помощи коммунистическим партиям Запада. В межвоенный период Коминтерн отвечал за финансовую поддержку, а также, выступая с разными инициативами, обладал ключевой ролью посредника в коммерческих отношениях между соответствующими странами своих отделений и Советским Союзом. После окончания Второй мировой войны структура этой деятельности полностью изменилась: из-за роста числа коммунистических партий, приходящих к власти или просто обретающих самоуверенность после победы Советского Союза в войне, в финансовой системе стали преобладать скорее жертвователи, чем бенефициарии.

По мере усиления холодной войны западные коммунистические партии оказывались в изоляции и становились более зависимыми от финансовой помощи, исходящей от Советского Союза или его восточноевропейских сателлитов. Учитывая, что к 1947 году Коминтерн перестал существовать, а Коминформ не обладал необходимым прочным положением, Коммунистическая партия Советского Союза была вынуждена сама помогать её западным идеологическим партнёрам. Первыми бенефициариями стали итальянская и французская партии, во всяком случае опиравшиеся на солидную базу избирателей. Позже, когда коммунистические партии Восточной Европы, победив политических оппонентов, завоевали больше власти, доля получаемых ими пожертвований увеличилась.

Коммунистические партии Австрии и ФРГ занимали уникальное положение с точки зрения тех каналов, которые использовались для помощи им. Австрийская партия финансировалась Советами непосредственно, учитывая как их присутствие в стране в соответствии с правилами послевоенной союзнической оккупации, так и их умение создать мощную сеть хозяйственных предприятий

(«Wirtschaftsapparat» – «экономический аппарат»), ранее находившихся в собственности Германии. Коммунистическая партия ФРГ финансировалась аналогичной партией ГДР, создав для этих отношений отдельные организации. В докладе также будет рассказано о формах сотрудничества после 1950 года, в рамках Фонда международной солидарности.

FINANCIAL SUPPORT OF WESTERN COMMUNIST PARTIES AFTER THE SECOND WORLD WAR

Szilágyi Gábor, PhD
(*National Remembrance Committee, Hungary*)

The presentation is focusing on the interim period between the cessation of the Communist International and the establishment of the International Solidarity Fund in 1950, lacking a coherent framework for coordinating financial aiding of Communist parties of the West. In the interwar period, Comintern was in charge of financial supporting, coupled with various enterprises having a key role as mediators in the commercial relations between their respective home countries and the Soviet Union. World War II brought about a completely different setup: due to the growing number of Communist parties getting into power or simply gaining confidence upon the Soviet Union's victory at the war, the financing system was dominated by donors, rather than beneficiaries.

As the Cold War was evolving, the Western Communist parties were getting isolated and more dependent on financial aid coming from the Soviet Union or its Eastern European satellites. Given that by 1947, Comintern ceased to exist and Cominform was lacking the necessary establishment, the Communist Party of the Soviet Union had to take charge of aiding its Western counterparts. The primary beneficiaries have been the Italian and French parties, relying upon a solid voter base anyway. Later on, as they gained more power by discarding political opponents, Eastern European Communist parties have taken a bigger chunk from donating.

The Communist parties of Austria and the FRG have been unique in terms of the channels used to aid them. The Austrian party has been directly funded by the Soviets given their presence in the country as part of postwar Allied occupation and their ability to establish a strong network of economic enterprises ("Wirtschaftsapparat") being in former German property. The Communist Party of the FRG has been funded by their GDR counterpart, having created a separate establishment for this relationship. The presentation also covers forms of cooperation within the framework of the International Solidarity Fund after 1950.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1918 гг.: ТУЛЬСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

*Симонова Елена Викторовна, д.и.н.
(Тульский государственный педагогический университет
имени Л.Н. Толстого)*

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников будут охарактеризованы процессы ликвидации имперских органов власти и формирования новых после отречения императора от власти на основе постановлений Временного правительства (процесс формирования новых органов власти на местах – Исполнительных комитетов общественных организаций, губернских и уездных комиссаров, земских и городских самоуправлений, земельных и продовольственных комитетов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), а затем и в рамках перехода власти к Советам.

В провинции процесс трансформации власти занял весь 1917 год, так как формирование новых органов власти на уровне волостей и уездов завершилось к ноябрю, когда уже в центре начался новый этап изменения властных структур. Процесс формирования советских органов власти завершился к весне 1918 года. Тульские социалисты, как и в стране, играли ведущую роль на местах в трансформации политической системы. Особенность политической культуры рабочих и крестьян, обусловленных повседневными проблемами, приверженность той или иной партии или органу власти зависела от степени владения ими ситуацией и потенциалом в решении насущных повседневных проблем. Голосование за ту или иную партию на выборах в Учредительное собрание или при одобрении их политики определялись исключительно тем, как эти организации предлагали и решали вопросы продовольственного снабжения городов и землепользования. Подавляющая масса населения не понимала смысла и сути разногласий между партиями и тем более между фракциями, не проводила различий между общественными и государственными органами. Определяющую роль в развитии революционного процесса (стимулируя или тормозя его) играли крестьяне в уездах и рабочие в губернском центре.

Смена власти и в феврале и в октябре 1917 года приводила к некоторому спаду в массовом движении крестьян и рабочих. Однако в условиях углубляющегося экономического кризиса на фоне Первой мировой войны и снижения уровня жизни приводило к новому подъему протестных выступлений, и, как следствие, вызывало кризис правящих партий (кадетов, меньшевиков и эсеров в 1917 году, большевиков и левых эсеров в 1918 году). Затягивание решения аграрного и рабочего вопросов привело к развитию погромного движения на селе, который свидетельствовал о неспособности местных властей сохранить порядок в деревне. Социалистические партии практически не принимали участия в самочинном движении крестьян, за исключением большевиков, которые призывали рабочих и крестьян к решительным действиям в защите своих интересов. Большевики смогли на волне массового недовольства политикой Временного правительства захватить власть, меньшевики и правые эсеры в центре и на местах не смогли использовать массовое сопротивление крестьян продовольственной диктатуре и движение рабочих уполномоченных за перевыборы Советов в своих целях – корректировки внутренней и внешней политики советских органов власти. Несмотря на то что правые эсеры весной 1918 года допускали возможность вооруженной борьбы с большевиками, они не предприняли практических шагов в этом направлении и не возглавили крестьянское движение. Меньшевики, в свою очередь, выступали за решение всех вопросов мирными методами.

В течение 1917 года тульские социалистические организации прошли путь от почти правящих (как меньшевики и эсеры, которые имели подавляющее представительство в Тульском совете рабочих и солдатских депутатов, исполкоме общественных организаций, Тульской городской думе, составе комиссаров Временного правительства) и малочисленной политической организации (как большевики) до почти полного падения авторитета (как меньшевики) и получения статуса правящей (как большевики), эсеровская организация в результате раскола на правых и левых, несмотря на влиятельные позиции среди крестьянства, не смогла противостоять большевикам. Тульские большевики решали задачу захвата и удержания власти в специфических условиях – региона с крупными военными заводами, используя разнообразные методы, были решительны, не отягощены размышлениями о цене достигаемых партийных целей. Политический прессинг и прямое насилие со стороны карательных органов советской власти привели к тому, что оппоненты были отстранены от участия в деятельности государственных органов. Тульская организация большевиков постепенно из чисто партийной структуры трансформировалась в государственно-партийную.

РАСПЛАТА ЗА ИЛЛЮЗИИ: II КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА В СУДЬБЕ ФРАНЦУЗСКИХ АНАРХИСТОВ

*Слуцкая Людмила Владимировна, к.и.н.
(Белорусский государственный университет)*

Летом 1920 г. состоялся II конгресс Коминтерна, который дал толчок образованию коммунистических партий во многих странах мира, но в то же время в европейском левом движении вызвал сомнения в демократичности структуры Коминтерна.

Большинство анархистов и анархо-синдикалистов (А. Борги, А. Пестанья, А. Сухи, Б. Лепти, М. Вержа и другие) настороженно отнеслись к новым принципам приема в Коминтерн. Еще в ходе конгресса они отвергли большевистские идеи о диктатуре пролетариата, о завоевании политической власти и подчинении профсоюзов компартиям, считая, что высшей формой организации рабочего класса должны быть так называемые «рабочие ассоциации» (профсоюзы, синдикаты). В действительности анархисты были не против диктатуры пролетариата прямой, через Советы, но большевикам надо было их заставить принять диктатуру пролетариата в ее революционном варианте через коммунистическую партию.

Такая позиция анархистов и анархо-синдикалистов была неприемлема для советских лидеров, стремившихся взять под полный контроль руководство Коминтерном. Те, кто открыто выступил против политики большевиков, в дальнейшем заплатили за это. Примером тому может служить загадочное исчезновение при возвращении на родину французов: Марсея Вержа, Берто Лепти и Раймона Лефевра. Опрометчиво открыто высказавшиеся о намерении опубликовать во Франции свои впечатления о советской действительности, на родину они не вернулись.

Обстоятельства гибели и точная дата смерти французских делегатов не установлены до сих пор. Согласно официальной версии, представленной советскими властями и широко растиражированной французской социалистической прессой, они погибли во время бури в Баренцевом море 1 октября 1920 г., возвращаясь обратно во Францию. Ответственность за гибель французов была возложена на «злодеев Антанты», которые «заточили Россию» в «ужасную блокаду».

Анализ архивных документов и свидетельств современников, хорошо знавших французских делегатов, позволяет усомниться в истинности официальной версии и воссоздать события, предшествовавшие гибели французов. Неопубликованные материалы из фонда Коминтерна восполняют некоторые недостающие, но далеко не все детали, связанные с отправкой французских делегатов через Мурманск и с намеренной задержкой их отъезда.

Можно выделить следующие несоответствия в официальной версии и архивных документах. Во-первых, отправкой французов на родину занимались не столько службы Коминтерна, сколько известный чекист, сотрудник Верховного ревтрибунала РСФСР, один из организаторов Коммунистической партии Эстонии Виктор Кингиссеп. Во-вторых, ни в одном официальном документе не упоминается, что были найдены тела и вещи французов, а также лодка, на которой они решили добраться до Норвегии. Между тем письмо уполномоченного НКВД РСФСР В. Коппа, направленное в марте 1921 г. секретарю президиума Исполкома Коминтерна М. Кобецкому, свидетельствует об обратном. Расхождения есть и в дате гибели французов.

Практически сразу после известия о гибели Лефевра, Вержа и Лепти возникла версия сознательного «политического убийства» французов советским руководством. Несмотря на то что коммунистическая пресса упорно выступала против всех гипотез, считающих, что трое французских делегатов стали жертвами советских репрессий, их бесследное исчезновение вызвало большой общественный резонанс. В оппозиционной печати регулярно появлялись различные версии гибели французов как о хорошо спланированном акте, подстроенном агентами ЧК.

Таким образом, II конгресс Коминтерна продемонстрировал, что новая организация стала не международным органом, а орудием партии большевиков. Исчезновение французских делегатов имело определенные последствия для дальнейшей судьбы французского левого движения. Она во многом предопределила раскол Всеобщей конфедерации труда в начале 1922 г., когда анархисты и анархо-синдикалисты конфедерации выступили против присоединения к III Интернационалу.

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ ДЛЯ ЛЕВОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

*Сорокин Андрей Константинович, к.и.н.
(Российский государственный архив социально-политической
истории)*

Российская революция 1917 года открыла перспективу реализации левой альтернативы общественного развития в ее крайне радикальных формах, предложив для этого организационную структуру сетевого типа. Учреждение III Коммунистического интернационала (Коминтерна) в Москве в 1919 году стало прямым результатом победоносного переворота, совершенного российскими большевиками в октябре 1917 года. Коминтерн объединил в своих рядах «строителей нового мира» – революционеров, мечтавших о новой справедливой социальной реальности, созданию которой они решили посвятить свои жизни. Вслед за Коминтерном были созданы и другие международные коммунистические организации – Профинтерн, Крестинтерн, Коммунистический интернационал молодежи и др. Судьба воплощенной в СССР левой идеи радикального толка, как и судьба большинства участников борьбы за ее воплощение, оказалась трагичной – многие погибли в революционных баталиях по всему миру, другие сгинули в годы сталинского Большого террора.

Архивы, и в первую очередь российские, хранят память о перипетиях развития левой альтернативы общественного развития в XX веке. За последние 28 лет российские архивы из закрытых учреждений с главенствующей функцией охраны ретроспективной информации превратились в публичные учреждения. Архивы, открытые для отечественных и зарубежных исследователей, стали активным субъектом т. н. «архивной революции», в результате которой были рассекречены и опубликованы сотни тысяч документов советской эпохи. Результатом этой архивной революции стала «новая политическая история России XX века». Именно этот процесс активной публикации ретроспективной информации и отличает кардинально современное положение дел.

Сегодня профессиональные сообщества архивистов и историков видят смысл и возможности репрезентации ретроспективной информации в относительно полном и представительном объеме, что позволит увидеть исторический процесс в его многомерности.

Для достижения этой цели российские архивисты проделали огромную работу, – вышли в свет многочисленные многотомные публикации исторических документов, созданы интернет-ресурсы, на которых выложены для открытого пользования оцифрованные архивные коллекции. В этой связи важно отметить сайт «Документы советской эпохи», на котором выложены в открытом доступе личный фонд Сталина, документы Государственного комитета обороны, Политбюро, электронный архив Коминтерна и др.

Архив перестал быть складом пыльной резаной бумаги. На передний план вышла функция актуализации и репрезентации историко-культурного наследия. В ходе реализации этой функции преодолеваются черты, доставшиеся современному архиву от предшествующего исторического периода, продолжается процесс рассекречивания документов. При этом не только массовое сознание, но и профессиональные сообщества не успевают осваивать эти массивы. Огромное количество актуальных архивных дел остаются невостребованными, а листы их использования – пустыми.

Архив – это публичный культурный институт громадного значения, в опоре на который должен развиваться поиск путей общественного развития, производство смыслов существования социума и нации. Ибо, как писал в начале XX века классик российской историографии профессор В.О. Ключевский, «если история способна научить чему-нибудь, то прежде всего сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее». Реализованы подобные задачи могут быть только совместными усилиями ученых и профильных организаций разных стран.

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ НОВОГО МИРА: КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И АРАБСКИЙ ВОСТОК, 1919–1943 гг.

*Таннури-Карам Сана, PhD
(Университет Райса, США)*

Размышляя о Советском Союзе и деятельности Коммунистического интернационала в 1942 году, Омар Фахури заявил, что они были «краеугольным камнем для построения нового мира... для создания нового человечества». Фахури, ливанский интеллектуал и коммунист-путешественник, особое внимание уделял размышлениям о победах Красной армии над нацистской Германией и борьбе Коминтерна против фашизма. Для таких сторонников левой идеи, как Фахури и коммунисты всего арабского мира, Коминтерн воплощал как надежды и возможности мира, каким он стал после Первой мировой войны, так и интернационалистскую солидарность в борьбе против колониализма. Люди, страдавшие под недавно созданными британским и французским мандатами, вначале испытывали симпатии к Коминтерну, противостоящему империализму. Это притяжение было основано на территориальном восприятии разделения мира на Восток и Запад, на колонизаторов и колонизируемых, на угнетателей и угнетённых. Коминтерн проецировал этот своего рода образ в той мере, в какой люди, борющиеся с колониализмом и капитализмом, этого требовали.

Восточная секция Коминтерна была частью инфраструктуры Советского Союза, созданной для того, чтобы вовлечь в свою орбиту народы Востока, включая арабский Восток. Воспринимая антиколониальную борьбу как ворота, через которые можно проникнуть в колониальные регионы, в 1920 году Коминтерн провёл в Баку Съезд народов Востока и на своём Втором конгрессе обсудил судьбу народов «Ближнего Востока». С середины и до конца двадцатых годов Коминтерн поддерживал и признавал создание коммунистических партий в Палестине, Сирии и Ливане. Однако отношения между Коминтерном и этими партиями были не такими гладкими, как это часто изображалось в историографии. Например, Коминтерн придавал особое значение воспитанию молодых арабских коммунистических кадров в духе учения марксизма-ленинизма, которое зачастую отсутствовало в

интеллектуальном репертуаре даже первых основателей коммунистических партий этого региона. Это привело и к напряжённости в отношениях между Коммунистической партией Палестины (КПП), с одной стороны, и Коммунистической партией Сирии и Ливана (КПСЛ), с другой стороны, из-за того, что первая «управляла» второй. В свою очередь, КПСЛ оказывала давление на КПП, требуя «арабизировать» её по преимуществу еврейский состав, и продолжала расходиться с руководством КПП по вопросу о сионизме и национальном освобождении Палестины.

В этом докладе я подробно расскажу о создании этих партий и об их окончательном вступлении в Коминтерн. Кроме того, я расскажу о непростых отношениях между этими партиями и Коминтерном, а также между членами внутри партии. В частности, в этом сообщении будут исследоваться напряжённые отношения между КПСЛ и КПП, но в то же время будет обращено особое внимание на их сотрудничество, особенно в обстановке Национально-освободительного восстания в Сирии 1925 года и антифашистской борьбы. Кроме того, я расскажу об идеологических и политических конфликтах по вопросу Палестины и национального освобождения, существовавших между КПП и руководством Коминтерна. Я покажу, что выявить напряжённость в этих отношениях – значит понять взаимоотношения между национализмом и интернационализмом как в арабском контексте, так и в более широком колониальном контексте. Эти взаимоотношения были главными для истории Коминтерна в мире; именно они заложили для множества левых «краеугольный камень в построении нового мира».

THE CORNERSTONE FOR BUILDING A NEW WORLD: THE COMMUNIST INTERNATIONAL AND THE ARAB EAST, 1919–1943

Tannoury-Karam Sana, PhD
(Rice University, USA)

Writing about the Soviet Union and the work of the Communist International in 1942, Umar Fakhuri stated that they were “the cornerstone for building a new world...for building a new humanity”. Fakhuri, a Lebanese intellectual and a communist fellow traveler, was particularly commenting on the Red Army’s victories against Nazi Germany and the Comintern’s struggles against fascism. To leftists like Fakhuri and communists all over the Arab world, the Comintern had represented the hopes and possibilities of the post-World War I world and internationalist solidarities against colonialism. Those suffering under newly established British and French Mandates were initially attracted to the Comintern’s opposition to imperialism. That attraction was founded on a spacial perception of the division of the world between east and west, between colonizers and colonized, between oppressors and oppressed. The Comintern projected this kind of image as much as those who sought solutions to colonialism and capitalism demanded it.

The Comintern’s eastern section was part of the infrastructure the Soviet Union built to reach out to people of the East, including the Arab East. Perceiving the anticolonial struggle as a gateway into colonized regions, the Comintern organized in 1920 the Baku Congress of the People of the East and discussed in its Second Congress the destiny of the people of the ‘Near East’. By the mid-to-late 1920s, the Comintern had supported and recognized the establishment of communist parties in Palestine, Syria, and Lebanon. However, the relationship between the Comintern and these parties was not as smooth as often portrayed in the historiography. For instance, the Comintern emphasized the education of young Arab communist cadres in Marxist-Leninist doctrine, which was often absent in the intellectual repertoire of even the first founders of the communist parties. It also created tensions between the Palestine Communist Party (PCP) on the one hand, and the Communist Party of Syria and Lebanon (CPSL) on the other hand, by putting the former ‘in charge’ of the latter. In turn, it pressured the PCP to ‘Arabize’ its mostly-Jewish ranks, and

continued to disagree with the PCP's leadership about the issue of Zionism and the national liberation of Palestine.

In this paper, I complicate the narrative of the founding of these parties and their eventual acceptance into the Comintern. I also highlight the contentious relationship between these parties and the Comintern, as well as between intra-party members. Particularly, this paper examines the tensions between the CPSL and the PCP while also emphasizing cooperation, particularly within the context of the Syrian Revolt of 1925 and the anti-fascist struggle. I also unpack the ideological and political conflicts over Palestine and national liberation between the PCP and Comintern leadership. I argue that to expose the tensions in this relationship is to understand the interplay between nationalism and internationalism in the Arab context as well as the wider colonial context. This interplay was central to the history of the Comintern around the world; it was also what made it for a plethora of leftists the «cornerstone for building a new world».

НЕГРИТЯНСКОЕ БЮРО КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИНТЕРНА (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАСПИ)

Тимофеева Мария Андреевна

(Российский государственный архив социально-политической истории)

В 1928 году по решению Восточного Секретариата ИККИ было объявлено о создании Негритянского бюро, «функции которого должны заключаться в проведении исследовательской, пропагандистской и агитационной работы, а также в установлении связи с неграми»¹.

Изначально предполагалось, что Негритянская комиссия Англо-Американского секретариата сосредоточит внимание на негритянском вопросе в США и Южной Африке, а Негритянское бюро – на колониальном вопросе. Однако впоследствии произошло пересечение функций двух структур. Методом решения данной проблемы могло стать объединение двух комиссий².

Летом 1929 года структура Негритянского бюро приняла окончательную форму. Единственным документом, в котором был отражен факт реорганизации бюро, является письмо, отправленное Г. Хейвудом в КП США. Он сообщил, что Негритянское бюро стало секцией Восточного секретариатом ИККИ. Хейвуд также добавил, что с момента создания Негритянского бюро не существовало тесной связи между ним и Негритянским отделом КП США³.

В своих предложениях по организации работы в Коммунистической партии США Негритянское бюро придерживалось необходимости соблюдения принципов, заложенных «Резолюцией по негритянскому вопросу...» 1928 года. Напомним, что «Резолюция...»

¹ Решение Восточного Секретариата ИККИ 22–23.11.1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 54. Л. 2.

² Proposals on relations and work of the Two Negro Commissions // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 70. Л. 101.

³ To the CP of the USA. September 30th, 1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 80. Л. 78.

подчеркнула национальный характер негритянского вопроса в США с лозунгом самоопределения для негров Юга¹.

В этой связи Негритянское бюро требовало интенсивной и обширной кампании по популяризации этих идей среди партийных членов и американских рабочих. Для этого был необходим пересмотр позиций КП США, дискредитирующих политику Коминтерна, в частности отказ от противопоставления «самоопределению» тезиса «о полном равноправии», а также поддержки мелкобуржуазных течений негритянского движения².

Значительной вехой в истории изучения негритянского вопроса Коминтерном являлось создание при Профинтерне Международного профсоюзного комитета негритянских рабочих в 1928 г. В функции этого Профкомитета входило: вовлечение рабочих-негров в профсоюзы, создание смешанных профсоюзов с целью преодоления расовой дискриминации, объединение негритянского пролетариата всего мира для осуществления классовой борьбы³. Очевидно, что Негритянское бюро, уделявшее большое внимание работе в США, имело общие установки с Профкомитетом по негритянскому вопросу.

Профсоюзное направление не могло рассматриваться в отрыве от деятельности по образовательно-воспитательной подготовке кадров. Негритянское бюро (секция) в первые годы своего существования подготовило множество предложений по работе профсоюзных школ, составлении учебных планов для негритянских студентов, подготовке инструкторов для населения стран Африки и т. д.

Программа профсоюзных школ, разработанная Негритянской секцией, предполагала открытие вечерних и воскресных профсоюзных школ, целью которых были: марксистско-ленинская теоретическая подготовка негритянских рабочих; освещение общих проблем профсоюзного движения во всем мире; создание групп агитаторов, пропагандистов, организаторов профсоюзов для последующей работы в тех странах, где негритянские рабочие составляли большинство⁴.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что Коминтерн стремился сделать Негритянское бюро «послушным» инструментом своей идеологической деятельности, понизив его изначальный статус самостоятельной структуры до секции Восточного секретариата.

¹ Резолюция Политсекретариата от 26/X 1928 по негритянскому вопросу в САСШ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 51. Л. 75–85.

² Proposals of the Negro Bureau to the American commission 3.05.1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 70. Л. 11–12.

³ Международный Профкомитет рабочих-негров при Профинтерне 31.7.1928 // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 3. Д. 359. Л. 1.

⁴ Programme for T.U. Schools on Negro work 21.9.1929. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 67. Л. 21–23.

Также, проанализировав направления деятельности Негритянского бюро, можно сделать заключение, что обращение к проблеме расизма в США служило, в т.ч. для ослабления правящих кругов этого государства как идеологически, так и внешнеполитически. Об этом свидетельствовал тезис о возможной поддержке Коминтерном борьбы негров США за государственную независимость.

ТОЛЬЯТТИ, ЛИДЕР КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Тине Сальваторе
(*Университет Катании, Италия*)

Пальмиро Тольятти был чрезвычайно авторитетным лидером Коммунистического интернационала. В 1926–1928 гг. он был членом Исполнительного комитета Коминтерна и придерживался политической линии, которую можно назвать «бухаринской»; против неё решительно выступала часть итальянской партии и особенно большинство её молодёжной организации, группировавшееся вокруг Лонго и Секкья. Однако близость идей Бухарина Тольятти вполне соответствует политической стратегии, одобренной итальянской партией на её Третьем съезде, состоявшемся в 1926 году в Лионе, – стратегии, поддерживавшей создание объединённого пролетарского фронта и основанной на отношении к пролетарской революции с позиций рабочего класса. После отступления Бухарина от ортодоксальных взглядов и особенно после X Пленума Тольятти был вынужден придерживаться более строгой линии Коминтерна, то есть так называемой «политики третьего периода», против которой решительно выступали социал-демократы. Начало тридцатых годов было ознаменовано изменением исторической обстановки, и Тольятти, уже ставший секретарём Интернационала, возвратился к изначальной вдохновляющей идее Лионского съезда. Он стал одним из главных участников Народного фронта, который, возродив роль Интернационала в советской политике, восстановил и руководящую роль европейских коммунистических партий в массовой, объединённой борьбе против фашизма и реакции. Доклад Тольятти о борьбе за мир, прочитанный им на VII конгрессе Коминтерна, знаменует собой один из важнейших моментов в истории Коминтерна. Эта речь представляет собой более широкий и самый блистательный синтез взглядов Тольятти на мировую революцию как на долгий и сложный переходный процесс, в котором фундаментальная роль Советского Союза как руководителя в борьбе за мир и против фашизма сочетается с расширением международного коммунистического движения, всё более определённого в его национальных ответвлениях. В своих *«Лекциях о фашизме»* 1935 года, прочитанных в Москве, Тольятти более широко и подробно характеризует страте-

гические и теоретические принципы политики Народного фронта, основанной на оригинальном и в высшей степени комплексном анализе фашизма как международного явления. Фашизм, по мнению Тольятти, представляет собой новую и не имеющую precedентов форму террористической диктатуры буржуазии, основанной на балансе между диктатурой и гегемонией, политикой и экономикой, функционированием государства и руководящей ролью одной партии, способной основать власть правящих классов на консенсусе и постоянном формировании широких и многогранных народных слоёв. Анализ тоталитарных и массовых организаций фашизма, основанный на понятии «массовой политики», совпадает с теми положениями, которые Димитров излагает в своём докладе о задачах коммунизма в борьбе против фашизма, прочитанном на VII конгрессе Коминтерна. Сосредоточенность Тольятти на «массовой политике», характерная для его теоретических рассуждений и стратегических разработок, свидетельствует об успешном преодолении абстрактного доктринёрства и сектантской ограниченности, характерных для стратегии и политической деятельности коммунистического движения и его национальных отделений во время его противостояния социал-демократии, и является одной из главных теоретических и политических предпосылок дальнейшего роста и развития коммунистического движения на последующем этапе, вплоть до роспуска Коммунистического интернационала.

TOGLIATTI, A LEADER OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL

Tinè Salvatore
(*University of Catania, Italy*)

Palmiro Togliatti has been a particularly prestigious leader of the Communist International. Between 1926 and 1928, he is part of the Comintern's Executive, maintaining a political line that may be defined as «bukharinian», substantially opposed by part of the Italian party and particularly by the majority of its youth organization, gathered around Longo and Secchia. Nonetheless, Togliatti's affinity with Bukharin is fully coherent with the political strategy adopted by the Italian party during its III Congress, held in Lion in 1926, in favour of the development of a proletarian united front and based on a working-class vision of the proletarian revolution. Following Bukharin's fall from grace and particularly after the X Plenum, Togliatti is obliged to follow Comintern's stricter views, namely the so-called "third period policy", strongly opposed to social democracy. The early 30s mark a change in the historical context and Togliatti, now Secretary of the International, retrieves the original inspiration of the Lion Congress. He is one the protagonists of the popular front, which revives, together with the role of the International in the Soviet policy, a guide of the European communist parties in a mass, unitary struggle against fascism and the reaction. Togliatti's report about struggle for peace, read during the Comintern's VII Congress, is one of the most valuable moments in the history of Comintern. This speech is the wider and most brilliant synthesis of Togliatti's views on World Revolution as a long and complex process of transition that combines the fundamental role of Soviet Union as a guide in the battle for peace and against fascism, together with the wider international development of the communist movement, increasingly articulated in its various national departments. In his *Lectures on fascism* of 1935, held in Moscow, Togliatti defines in a wider and articulated way the strategical and theoretical principles of the Popular Fronts policy, based on an original and particularly complex analysis of fascism as an international phenomenon: a new and unprecedented form of bourgeoisie terrorist dictatorship that is based on the balance between dictatorship and hegemony, politics and economy, State's functioning and the One-Party's leading role, able to establish the ruling classes' power on consensus and the permanent organization of the wide and multi-faceted

popular strata. An analysis of Fascism's totalitarian and mass structures, based on the notion of "mass policy", is convergent with the one that Dimitrov develops in his report on communism tasks in the struggle against fascism read during Comintern's VII Congress. The focus on «mass policy» in Togliatti's theoretical reflection and strategic development highlights a successful completion of the abstract doctrinarism and sectarianism limits, that had marked the strategy and political action of the communist movement and of its national departments, during the contrast against social democracy, and constitutes one of the principal theoretical and political premises of further growing and developing of the communist movement in the subsequent phase to the Communist International's dissolution.

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ КОМИНТЕРНА
В «АФГАНСКОМ КОРИДОРЕ» (1919–1939)
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ РГАСПИ И АВП РФ)**

*Тихонов Юрий Николаевич, д.и.н.
(Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)*

С момента образования Коминтерна (КИ) одной из его приоритетных целей в Азии была организация «революции» в Индии. Крах английского господства в этой колонии должен был нанести сокрушительный удар по Британской империи и по всей мировой «системе империализма» в целом. Значимость цели определили масштабы и настойчивость деятельности КИ в «афганском коридоре», через который в Индию КИ планировал перебросить оружие, деньги, инструкторов – все, что необходимо для вооруженной борьбы с Великобританией.

Целиком завися в финансовой сфере от советского государства, Коминтерн в первые годы своего существования проявлял чрезмерную «революционную» активность в международных вопросах, нанося существенный вред геостратегическим интересам Советской России. Авантюра с «миссией Бородина-Роя» в 1920 г. привела к значительному ухудшению советско-афганских отношений, растрате огромных золото-валютных средств и фактическому развалу «революционной базы» в Туркестане. Левацкие замашки представителя Роя оттолкнули от большевиков восточных националистов, готовых на союз с любой внешней силой, лишь бы получить помощь против Англии.

Вышесказанное, прежде всего, относится к «племенным революционерам», как в коминтерновских документах назывались представители патанских племен северо-западных районов Британской Индии, прибывшие в 1920 г. в Кабул и Ташкент за советской поддержкой. Коммунистическая идеология была для фанатичных патанов совсем неприемлема. С Советской Россией и Коминтерном их объединял лишь общий враг – Великобритания.

Упустив время и слишком поздно отказавшись от «революционной фразы», в ИККИ все же поняли, что надо налаживать практическую работу в Афганистане и Индии. С помощью советского полпредства в

Кабуле были установлены связи с представителями племен, создана структура нелегальных ячеек в полосе «независимых» племен.

Несомненным успехом Коминтерна можно считать открытие (явно при содействии афганских властей) в конце 1920-х гг. прямых каналов переправки вооружения и типографского оборудования патаунским племенам. Следующим шагом КИ стало внедрение своих агентов в структуры различных националистических организаций Индии. Однако значительной активности КИ в зоне пуштунских племен благоразумно не проявлял, предпочитая подстраиваться под стихийные вооруженные выступления горных племен.

В 1930-х гг. большую помощь Коминтерну в сохранении канала связи с Индией оказала индийская партия «Гадар» («Гадр»). С помощью шоферов сикхов, осуществлявших автоперевозки между Пешаваром и Кабулом, ИККИ поддерживал связь с «индийскими товарищами». Однако в 1936 г. афганское и английское правительства провели совместную операцию против коминтерновской сети, в результате чего «афганский коридор» временно перестал работать. Деятельность кабульских и пешаварских явок была заморожена, но они сохранились.

С 1936 г. в зоне пуштунских племен вновь начались восстания патаунских племен. Эти события совпали с назначением в 1937 г. новым полпредом в Кабул К.А. Михайлова, который длительное время работал в коминтерновских структурах. Как и все его предшественники, он совмещал неофициально свои дипломатические обязанности с должностью представителя КИ в Афганистане. ИККИ рассчитывал с помощью Михайлова возобновить активную коминтерновскую деятельность в Кабуле, но этим планам не суждено было сбыться, так как новый «хозяин», выполняя указания из Москвы, свернул последние сохранившиеся контакты с индийскими националистами. В годы Великой Отечественной войны коминтерновская агентура в Кабуле и Индии была передана внешней разведке СССР.

Деятельность КИ в «афганском коридоре» привела к тому, что огромные суммы денег были пущены на ветер «мировой революции». Только перейдя к осторожному сотрудничеству с мусульманскими националистами и леворадикальными сикхами, Коминтерн смог создать в «афганском коридоре» нелегальную сеть, которая стала составной частью так называемой разведки Коминтерна.

ТЕРЕЗА НОЧЕ: ГОЛОС ИТАЛЬЯНСКОЙ АНТИФАШИСТКИ В МОСКВЕ

Тонелли Анна

(Институт современной истории в Пезаро, Италия)

С середины двадцатых годов присутствие и активность итальянских коммунистов в антифашистском движении были постоянными, при значительном количестве активистов и лидеров, действовавших за границей, в том числе и в России. Одной из них была Тереза Ноче. Будучи женой Луиджи Лонго, она обладала явной независимостью и своеобразием, была видной представительницей коммунистического руководства, хотя и находилась в нём на основании остаточной квоты, выделенной для женщин, и завоевала видное положение, действуя в двух ипостасях. Первой – была стажировка в Международной ленинской школе в Москве, где во время учёбы она занималась изучением здравоохранения. Второй её ролью была роль референта ИКП (Итальянской коммунистической партии). В этом качестве вначале она наблюдала за работой VI конгресса Третьего интернационала, и позже представляла Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ) в Профинтерне, профсоюзной организации Коминтерна. В процессе этой работы Тереза Ноче приобрела принципы и умения, которые вскоре пригодились ей при мобилизации и объединении с другими антифашистскими группами в Италии, Франции и Испании.

Жизненный путь Терезы Ноче представляется оригинальным и особенно значимым не только благодаря её интенсивной политической деятельности в эпоху подполья, но и потому, что он является квинтэссенцией жизни, отражая и политическое, и, одновременно, гендерное положение. На примере Терезы Ноче можно размышлять о том, что значит быть женщиной-руководителем в таких политических условиях, как в Италии, где всё ещё задают тон преимущественно мужчины, а вклад женщин меньше и зачастую связан лишь с второстепенными задачами.

При реконструкции деятельности Терезы Ноче используются воспоминания, которые она сама оставила в нескольких работах, начиная с её биографии «*Профессиональная революционерка*». Эти сведения дополнены документами, обнаруженными в публичных архивах (фундаментальное значение имели материалы Центрального полити-

ческого управления, хранящиеся в Центральном государственном архиве, а также материалы из Фонда Грамши в Риме и Фонда Грамши в Болонье) и в частных архивах (доступ в которые был любезно предоставлен автору сыном Терезы Ноче, Джузеппе Лонго).

TERESA NOCE: AN ITALIAN FEMALE ANTI-FASCIST VOICE IN MOSCOW

Tonelli Anna

(Institute of Contemporary History in Pesaro, Italy)

The presence and activity of Italian Communists within the anti-fascist movement has been constant since the mid-1920s, with a substantial number of militants and leaders active abroad, including in Russia. One of these was Teresa Noce. Wife of Luigi Longo, but with a marked independence and specificity, she was a leading exponent of the albeit residual quota reserved for female communist leadership and gained a central position through two roles. The first was as a pupil at the International Lenin School in Moscow, where she carried out an inquiry into public health during her studies. The second was as an ICP (Italian Communist Party) referent initially overseeing the work of the VI Congress of the Third International, and later representing the General Confederation of Labour (CGdL) within the Profintern, the Comintern's trade union body. From these experiences she acquired principles and skills that were subsequently useful to the work of mobilization and union with other anti-fascist groups in Italy, France and Spain.

Teresa Noce's biography represents an original and particularly significant journey not only thanks to the insight into the intense political activity during the clandestine period, but also because it offers a cross-section of a life, reflecting a political condition and, at the same time, a gender condition. Through Teresa Noce one can reflect on what it means to be a female leader in a political reality such as the Italian one, which is still directed mainly by men, where the female contribution is minor and often linked only with secondary tasks.

The reconstruction of Teresa Noce's work makes use of the memories she herself left behind through various publications, starting with her biography *Rivoluzionaria professionale*, and enriched by documents found in public archives (the Casellario Politico Centrale, held at the Archivio Centrale dello Stato, as well as the Fondazione Gramsci Rome and the Fondazione Gramsci Bologna, were fundamental) and in private archives (whose access was kindly granted to the author by Teresa Noce's son, Giuseppe Longo).

«СЕГОДНЯ В ИСПАНИИ, ЗАВТРА – В ИТАЛИИ».
ИНТЕРАКТИВНАЯ БАЗА ДАННЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ
ДОБРОВОЛЬЦЕВ-АНТИФАШИСТОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
В ИСПАНИИ: ЛИЧНЫЕ СУДЬБЫ ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ
И ПРОСТРАНСТВО

Торре Андреа, PhD

(Национальный институт имени Ферруччо Парри, Италия)

80 лет назад люди из 53 стран вступили в интербригады, чтобы защитить Республику от угрозы фашизма. С 19 июля 1936 года по 1 апреля 1939 года Испания была сценой, на которой разыгрывалась прелюдия ко Второй мировой войне, и окончательно проявил себя стойкий конфликт между разными представителями левой альтернативы. За несколько месяцев и на небольшом пространстве проявили себя напряжённые конфликты, накопившиеся за предыдущие десятилетия; все они распространятся по миру во время «короткого века». Биографии итальянских добровольцев-антифашистов, охватывающие 144 года, распространяются за океаны и переходят границы, выходя за пределы XX века. Их судьбы могут стать иллюстрацией эволюции левой альтернативы на пяти континентах, от XIX к XX веку.

С 2012 года Итальянская ассоциация антифашистов – бойцов и добровольцев в Испании и Национальный институт имени Ферруччо Парри планировали создать фундаментальную базу данных о примерно четырёх с половиной тысячах итальянских добровольцах. Однако когда началась реализация этого проекта, возникло понимание, что требуется гораздо более сложное планирование – требуется «полицентрический цифровой инструмент», представленный семью разными базами, хранящими информацию о биографиях, событиях, организациях, местах, изображениях, документах, источниках. За эти годы было предпринято много усилий, чтобы связать в единую сеть документы и архивы, материалы из которых были пересланы другими организациями (например, РГАСПИ в Москве, Центром документов исторической памяти [Centro Documental de la Memoria Histórica (CDMH)] в Саламанке, Alba в Нью-Йорке, национальными архивами многих стран). Будучи ценным инструментом для проведения макроисторических, статистических и количественных исследований, база данных помогает пользователям соотносить между собой жизненные

судьбы добровольцев-антифашистов – коммунистов, анархистов, социалистов, республиканцев.

В настоящее время база данных содержит файлы с информацией о 3457 биографиях, 4914 псевдонимах, 992 организациях, 85 событиях, 2207 местах, а также 2509 иллюстраций, 5063 документов, 858 книг, 344 архивных фондов, хранящихся в 92 архивах, разбросанных по всему миру, 212 баз данных или цифровых источников. Проект ещё реализуется.

**«OGGI IN SPAGNA, DOMANI IN ITALIA»
AN INTERACTIVE DATABASE OF THE ITALIAN ANTIFASCISTS
VOLUNTEERS IN THE SPANISH CIVIL WAR:
BIOGRAFICAL TRAJECTORIES THROUGH TIME AND SPACE**

*Andrea Torre, PhD
(Istituto nazionale Ferruccio Parri, Italy)*

80 years ago man and women from 53 nations joined the International Brigades to defend the Republic from the threat of fascism. From 19th July 1936 to 1st April 1939 the Spain was the stage where an anticipation of the World War II was performed and the tough conflict between different souls of the alternative left definitively emerged. In few months and in a small area were unleashed tensions accumulated in previous decades, which will be spread all over the world during the «short century». Biographies of Italians antifascist volunteers, fulfilled in 144 years besides oceans and borders, overstep the 20th century. Through their lives it can be read the evolution of the left alternative from the 19th to the 21st centuries throughout five continents.

Since 2012 the Italian Association of Antifascists Combatants and Volunteers in Spain (Aicvas) and the National Institute Ferruccio Parri started to plan a basic biographical database of the about 4.500 Italian volunteers. But, when the project started, it was realized that a much more complex planning was needed: a «polycentric digital tool» formed by seven different databases concerning biographies, events, institutions, places, pictures, documents, sources. During these years it has been done many efforts to link documents and archives uploaded by others Institutions (e.g. RGASPI in Moscow, Cdmh in Salamanca, Alba in New York, national archives of many countries). Besides revealing itself as a precious tool for developing macrohistorical, statistical and quantitative researches, the tool allows the users to relate to the biographical trajectories of the antifascist volunteers – communists, anarchists, socialists, republicans.

To this day the database contains file concerning 3.457 biographies, 4.914 pseudonyms, 992 institutions, 85 events, 2.207 places, 2.509 pictures, 5.063 documents, 858 books, 344 archival funds preserved in 92 archives spread all over the world, 212 database or computer sources. The project is still ongoing.

**НАЙТИ МЕСТО ДЛЯ «МОСКВЫ» В «АМСТЕРДАМЕ»
ПРОФИНТЕРН И ПРОФСОЮЗНАЯ ПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИЗМА В СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.**

*Гостторфф Райнер, PhD
(Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга, Германия)*

Профинтерн, Красный интернационал профсоюзов, – относительно недооцененная «вспомогательная» организация Коминтерна, хотя она была, пожалуй, самой важной из них. Однако в 1920–1921 годах Профинтерн был основан скорее случайно, чем на основании давно разработанного стратегического плана. На самом деле вначале большевики не особенно задумывались о международной профсоюзной деятельности. Первоочередной задачей было создание партий. Профсоюзы, как предполагалось, просто присоединятся к Коминтерну.

Однако вскоре мировая революция замедлилась, а профсоюзы укрепились – как преобладавшие социал-демократические профсоюзы, восстановившие Международное объединение профсоюзов (названное «Амстердамским интернационалом» по месту его штаб-квартиры), так и революционные, синдикалистские. Коммунисты их не покинут, но, как на этом настаивал Ленин, будут бороться в их рядах. Когда в 1920 году Москву стали во множестве посещать профсоюзные деятели, большевики осознали, что зачастую эти люди хотели присоединиться к коммунистам в классовой борьбе, но не обязательно хотели вступать в партии. На основе этого понимания и возник Профинтерн как формально независимый интернационал. Вначале он считался коммунистически-синдикалистским общим фронтом. Однако этот альянс, изначально равноправный, просуществовал недолго. Вскоре Профинтерн превратился в профсоюзное крыло Коминтерна, и первостепенное значение придавалось уже не синдикалистам, а «реформистским массам» Международного объединения профсоюзов.

Об этой первой фазе синдикалистско-большевистского альянса, столь важной для создания организационного фундамента, уже неоднократно рассказывалось. Однако в этом докладе мы предполагаем, наоборот, сконцентрироваться на эпохе, наступившей после 1922 года, то есть тогда, когда произошёл поворот к «Амстердаму» и к вопросу о единстве профсоюзов.

С самого начала существование Профинтерна было по-своему парадоксальным. На национальном уровне коммунисты избегали раскола профсоюзов. Однако на международном уровне этот раскол существовал, учитывая временный характер альянса, и организация, воспользовавшись созданным наследием, начала жить собственной жизнью. Поэтому в следующие годы было предпринято несколько инициатив – как в самих странах, так и на международном уровне, – нацеленных на достижение того или иного профсоюзного единства. Оказались успешными только некоторые из них, большинство инициатив провалилось. Это было вызвано в целом неблагоприятной политической обстановкой, но зачастую и неудачами коммунистической стороны, обусловленными внутрипартийной борьбой или узкими организационными интересами, но больше всего – борьбой, начавшейся после смерти Ленина. Таким образом, когда Сталин в конце концов победил и навязал свою «ультралевую» политику как Советам, так и международным организациям, политика международного профсоюзного движения изменилась: с этим «единым подходом» было покончено, и он был заменён линией «революционного профсоюзного движения».

В этом докладе будет представлен обзор различных, нацеленных на «единство», инициатив, которые будут классифицированы в соответствии с их конкретным характером. В нём будет рассмотрена борьба между Профинтерном и российскими профсоюзами, каждый из которых преследовал свои собственные организационные интересы, зачастую противоречившие друг другу. Более того: этот вопрос будет рассматриваться в контексте своего времени, и мы зададимся вопросом, существовала ли хотя бы возможность преодолеть противостояние на профсоюзном уровне в то время, когда в революционной послевоенной обстановке политический антагонизм между социал-демократией и коммунизмом усилился.

FINDING A PLACE FOR “MOSCOW” IN “AMSTERDAM”? THE PROFINTERN AND THE TRADE UNION POLICY OF INTERNATIONAL COMMUNISM IN THE MID-TWENTIES

Tosstorff Reiner, PhD
(Johannes Gutenberg University Mainz, Germany)

The Profintern, the Red International of Labour Unions, is a relatively underrated ‘auxiliary’ organisation of the Comintern even though it was perhaps the most important of these. But it was founded in 1920–1921 more by chance than out of a long-held strategic plan. In fact, at first the Bolsheviks had not given much thought about international trade union activities. The forming of parties was the important task. Trade unions should simply join the Comintern.

But the world revolution soon slowed down, trade unions consolidated, both the social democratic predominant ones with the refoundation of the International Federation of Trade Unions (IFTU) (called the “Amsterdam International” according to its seat), as well as the revolutionary syndicalist unions. Communists should not leave them, as they were urged by Lenin, but fight within their ranks. When in 1920 the wave of visitors to Moscow set in, the Bolsheviks had to realise that trade unionists were often willing to join ranks with the communists in the class struggle, but not necessarily to enter the parties. Out of this, the Profintern emerged as a formally autonomous international. Originally, it was conceived as a communist-syndicalist common front. However, this alliance, originally on an equal footing, did not last long. Soon the Profintern developed into the trade union arm of the Comintern, with priorities shifting from the syndicalists to the “reformist masses” of the IFTU.

This first phase of the syndicalist-Bolshevik encounter, as important as it is for laying the organisational groundwork, has already been told several times. Instead, the aim of this paper is to shift the focus unto the years after 1922, i.e. those of the turn to ‘Amsterdam’ and to the question of trade union unity.

From the beginning, the existence of the Profintern revealed some kind of paradox. On the national level, the communists rejected the splitting of trade unions. However, on the international level, this split existed, out of a transitory encounter, which left an organisational legacy taking a life of its own. Therefore, the next years saw a series of different initiatives,

nationally as well as internationally, to achieve some kind of trade union unity. Only a few were successful, mostly ended up in failure. This was due to the generally adverse political context, but often to failures on the communist side, because of faction fights or narrow organisational interests, but most of all because of the struggle after Lenin's death. Thus, when Stalin finally won and imposed his 'ultra-left' policy on the Soviet as well as the international level, the international trade union line shifted, ending this 'unity approach', substituting it with the «revolutionary trade union» line.

The paper will give an overview of the different 'unity initiatives' and will classify them according to their concrete character. It will look at the infighting between the Profintern and the Russian trade unions, which each followed their own organisational interests, often in discordance. Moreover, it will place this in the context of the time, asking whether there even was a chance to overcome confrontations on the trade union level at a time when the political face-off between social democracy and communism had hardened in the revolutionary post-war.

КРИТИКА Е.Е. ЛАЗАРЕВЫМ ЛЕВОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ (1918)

*Трухин Михаил Дмитриевич, к.и.н.
(Российский государственный архив социально-политической
истории)*

Е.Е. Лазарев (1855–1937), народник, эсер оставил много содержательных и чрезвычайно интересных наблюдений и оценок, сосредоточенных в его рукописях и в личных письмах. Ряд из них касается левой альтернативы в период эскалации Гражданской войны в России.

В начале весны 1917 г. Лазарев, как и многие политические эмигранты, возвращается из Швейцарии в Россию. Он становится членом исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, а в ноябре избирается депутатом Учредительного собрания от Самарского округа. После его разгона, опасаясь неизбежного ареста, Лазарев переходит на нелегальное положение, а затем уезжает в Самару, где сразу включается в работу КОМУЧ в качестве министра просвещения.

Начиная с марта 1918 г. Лазарев через друзей и знакомых отправляет своей жене в Швейцарию несколько писем, где последовательно чередует описания главных перипетий своей повседневной жизни с оценками сложившейся в стране политической ситуации.

Центральное место в рассуждениях Лазарева занимает тема негативного влияния решений Циммервальдской конференции, состоявшейся 5–8 сентября 1915 г. на социалистическое движение. Не отрицая любые международные объединительные инициативы, Лазарев выступает непримиримым противником выхода из войны России. Лазарев считает главной ошибкой в лице В.М. Чернова поддержку идей Циммервальда на заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г. «Со времени открытия войны, он играет двойную роль, со времени Циммервальда перешёл в лагерь “интернационалистов”, – писал Лазарев о Чернове, – со времени революции сел между двух стульев и разрушил в конце партию». При этом Лазарев не снимает с себя и своих сторонников ответственности за прежние тактические ошибки: «Тогда они были в ничтожном меньшинстве, и мы тотчас же изгнали их из партии. В течение этой революции они стали играть первую скрипку... Мы с А.Н. Бахом приехали к

шапочному разбору, когда Натансон проскочил через Германию и уселся прямо в ЦК и вместе с Черновым тянул всё время циммервальдскую политику».

Продолжая, Лазарев пишет: «Мы, правые социалисты-революционеры оборонцы, не могли подражать им, следовать их приёмам и потому естественно наши действия были более приличны, осторожные, не кричали о себе. В сравнении с большевикам мы казались робкими, нерешительными, мягкотелыми ротозеями». Всё же Лазарев, сохраняет политический оптимизм и определяет пути выхода из сложившегося кризиса. Залогом его является логический неизбежный крах внутренних и интернациональных идей большевизма. Он пишет: «Вся циммервальдская накипь и зараза быстро выветривается... Идеалом становится сохранение республиканской формы правления. При ней только мы добьёмся высших идеалов эволюционным путём». Для этого главными условиями он считает необходимость сохранения в России института Учредительного собрания и помощь союзных государств как посредников для разрешения конфликта. «Что для спасения нас и себя должны делать союзники? Дать немедленно прочную точку опоры Учредительному Собранию для концентрации сил в борьбе с Советской властью и с Германией, нашим общим заклятым врагом, – пишет Лазарев. – Как это сделать? Занять Владивосток, смело, решительно войдя предварительно в соглашение с любой местной организацией, враждебной большевикам... Учредительное Собрание единственный теперь духовный фактор, объединяющий оппозицию масс». Развивая эту тему, он связывает успех борьбы с большевизмом с американской помощью: «Нельзя преувеличивать наши самостоятельные силы в момент полной деморализации и фронта, и тыла. Но из 180 миллионов всегда найдётся достаточно недовольных советскими порядками сил, чтобы стянуть в один пункт, когда возродится твёрдая уверенность в сильной опоре и месте убежища. Таким местом и будет Сибирь. Это отразится тотчас же и на всей Европейской России. Германия займёт Петроград! Продвинется дальше в глубь России? Займёт Москву? В крайнем случае – пусть займёт, но при содействии союзников это не так легко, как теперь». Главные успехи большевиков в международном левом движении Лазарев связывал с фигурой В.И. Ленина: «...поищите в своём кармане, нет ли и у вас такого же Ленина или его подобия? И оказывается, Ленин – это целый Интернационал! – Загляните в Циммервальд или Кинталь, – кого-кого вы там не встретите. И Бризон, и Моргари, и Гримма, и Боброва, и между прочим Ленина. Каждая нация имеет там своего представителя. И ни один не походит на другого. Ленин только породистее всех других и потому взял первый приз».

Лазарев пытался практически реализовать свои идеи. Уже находясь в Уфе. А затем – в Омске, он активно участвовал в подготовке и отправке представителей эсеров для переговоров с правительством США для организации военной помощи в борьбе с большевиками.

ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА – ЗАБЫТЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ДРУЖБЫ (НА ПРИМЕРЕ ДАНИИ)

Фредериксен Ким, PhD
(Независимый исследователь, Дания)

Обычно в центре исследований международного коммунизма межвоенных лет находятся Коминтерн, Профинтерн, Крестинтерн и так далее. Однако о международной Лиге друзей Советского Союза, созданной в 1927 году на съезде в Москве под влиянием Коминтерна, по большей части забывают.

В моём докладе я расскажу об основании организации в международной перспективе, обосновав её статус как международной организации дружбы, в которой состояли более пяти миллионов человек во всём мире. Я покажу, что её основание следует считать результатом советской неудовлетворённости существующими объединениями дружбы иностранцев с СССР.

Потом я обращусь к рассмотрению моего конкретного случая – датской организации, считавшей себя национальным отделением интернациональной Лиги дружбы, *Landsforbundet Sovjetunionens Venner i Danmark* («Национальная ассоциация друзей СССР в Дании»). В лучшие годы она насчитывала более четырёх тысяч членов и включала в себя многочисленные местные отделения.

В моём докладе я расскажу о возникновении этой организации, в том числе и о её лидерах, ранее участвовавших в конгрессах Коминтерна, о предшествовавших ей организациях в Дании, о её деятельности (включая в том числе публичные лекции, выставки, вечера, книжные магазины, издание журналов и книг, вечерние языковые курсы, бюро путешествий, летние палаточные лагеря, игру в волейбол), о её возможном влиянии и, наконец, упадке, в основном вызванном действиями современной советской внешней политики, и о её наследии в контексте Дании.

Мой доклад будет основан на опубликованных материалах Национальной ассоциации друзей СССР в Дании, на опубликованных источниках и на разрозненных архивных источниках, находящихся в нескольких личных досье в архивных организациях Дании, включая личные досье Коминтерна на его ключевые фигуры. Эти дела хранят-

ся в РГАСПИ, и, в виде копий, в библиотеке и архивах рабочего движения (Дания, Копенгаген).

Я собираюсь не только рассказать о в основном забытой организации дружбы, на конкретном примере Дании, но и мне хотелось бы призвать к проведению новых сравнительных исследований национальных организаций друзей СССР, особенно если эти исследования будут основаны на документах, которые, если верить интернет-поисковикам сайта архива, должны находиться в РГАСПИ.

**FRIENDS OF THE SOVIET UNION – THE FORGOTTEN
FRIENDSHIP INTERNATIONAL
(FROM A DANISH PERSPECTIVE)**

*Frederichsen Kim, PhD
(Independent scholar, Denmark)*

Usually international communist studies of the interwar-years focus on Comintern, Profintern, Krestintern and so forth. However the friendship international, the Friends of the USSR, founded in 1927 at a congress in Moscow under the influence of the Comintern, is mostly forgotten.

In my presentation I will discuss the founding of the organization in an international perspective and argue for its status as a friendship international with more than 5 million members worldwide. I will argue that the founding should be seen as Soviet dissatisfaction with the existing foreign friendship associations with the USSR.

Thereafter, I will turn my attention to my case study, the Danish organization that considered itself a national branch of the friendship international, *Landsforbundet Sovjetunionens Venner i Danmark* ('The National Association of the Friends of the USSR in Denmark'), better known as "SUV". At its high point it had more than 4000 members and numerous local branches.

In my case study I will discuss the origin of SUV, including leading figures, who had earlier participated in Comintern congresses, and its organizational forerunners in Denmark, its activities (including, among others, public lectures, exhibitions, parties, a book shop, publishing journals and books, evening language classes, travel agency, summer tent camps, and playing volleyball), it's possible impact, the eventual decline, mostly due to the actual Soviet foreign policy actions, and it's legacy in a Danish context.

My presentation will be based on the published materials of SUV, published sources, and the scattered archival sources, located in a number of personal files at various Danish archival institutions, including the Comintern personal files on several key figures, originating from RGASPI, but also stored in copy at the Workers' Movement's Library and Archives in Copenhagen, Denmark.

Not only do I suggest to make a presentation of the mostly forgotten friendship association with a Danish case study, but I will also like to call for more comparative studies of the national associations of friends with the USSR, especially based on the documents that, according to the online finding aid of the archive's website, seem to be stored at RGASPI.

АГЕНТ КОМИНТЕРНА ЛЕО РОТ И ДОЧЕРИ ГЕНЕРАЛА ХАММЕРШТЕЙНА

*Хавкин Борис Львович, д.и.н.
(Историко-архивный институт РГГУ)*

3 февраля 1933 г., через четыре дня после назначения рейхсканцлером, Гитлер выступил перед генералами, собравшимися в Берлине на Бендлерштрассе, в служебной квартире начальника войскового управления сухопутных сил рейхсвера генерал-полковника барона Курта фон Хаммерштейн-Экворда (1878–1943).

Хаммерштейн, офицер Генерального штаба Первой мировой войны, был активным участником военного сотрудничества рейхсвера и Красной армии, за что получил прозвище «красный генерал»; он открыто презирал нацистов, называя их «грязными свиньями». 1 февраля 1934 г. Хаммерштейн из-за разногласий с Гитлером ушел в отставку.

До недавнего времени о содержании двухчасовой речи Гитлера на квартире Хаммерштейна было известно по записям генерал-лейтенанта фон Либмана и по короткой заметке полковника фон Райхенау в главном органе НСДАП газете «Völkischer Beobachter».

На рубеже XX–XXI вв. научный сотрудник гамбургского Института социальных исследований (ФРГ) Райнхард Мюллер обнаружил в Москве в архиве Коминтерна записанный 3 февраля 1933 г. в Берлине дочерью Хаммерштейна текст речи Гитлера перед генералами рейхсвера. Документ, хранящийся в РГАСПИ, в новом свете представляет позицию немецких военных.

6 февраля 1933 г., в день публикации заметки в «Völkischer Beobachter», конспект речи Гитлера перед генералами от 3 февраля 1933 г. был в Москве в секретариате Коминтерна. Всего через три дня после встречи Гитлера с генералами рейхсвера Сталин имел об этой встрече полную информацию. Как же этот документ попал в Москву?

Содержание выступления Гитлера перед генералами передал в Москву Лео Рот – немецкий коммунист и агент Коминтерна. Под именем Виктор он в 1933 г. стал одним их руководящих сотрудников нелегального военно-политического аппарата КПП. В 1934 г. Рот возглавлял «контрразведку» КПП.

В 1928 г. Лео Рот познакомился с 15-летней Хельгой, одной из дочерей генерала Хаммерштейна. В 1930 г. она вступила в КПГ (ее партийный псевдоним «Грета Пельгерт»). Хельга познакомила Лео со своими старшими сестрами Марией-Луизой и Марией-Терезой. Сестры Хаммерштейн стали важным источником секретных сведений. 3 февраля 1933 г. они застенографировали речь Гитлера в доме их отца; Хельга передала текст речи Гитлера Лео, который радировал ее в Москву.

Лео Рот сумел в 1933 г. снять копии совершенно секретных материалов обвинения Георгия Димитрова и его товарищей по делу о поджоге рейхстага. Рот лично отвез копии этих документов в Париж коминтерновцу Вилли Мюнценбергу. Материалы вошли в подготовленную им «Коричневую книгу», которая была переведена на 20 языков. Это был один из самых больших пропагандистских успехов Коминтерна.

Лео Роту удалось также завербовать в качестве тайного информатора КПГ берлинского корреспондента лондонской «Таймс» Нормана Эббита. В 1934 г. Рот под именем Эрнста Хесса учился в школе Коминтерна в Москве, затем возглавлял контрразведку КПГ в Сааре; работал с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом в Праге. Затем вместе с Хельгой перебрался в Амстердам, где возглавлял партийную контрразведку в западной Германии. На «Брюссельской» конференции КПГ, состоявшейся в январе 1935 г. под Москвой, «военный аппарат» КПГ был распущен, а его руководитель Ханс Киппенбергер выведен из ЦК. Лео Рот был лишен своего поста и отправлен в Москву в распоряжение Исполкома Коминтерна. 22 ноября 1936 г. Лео Рот был арестован органами НКВД по обвинению в шпионаже. Он якобы информировал аккредитованных в Берлине военных атташе Англии, Франции и Чехословакии о внутренней ситуации в КПГ и регулярно получал за это деньги. 10 ноября 1937 г. Лео Рот был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

История Лео Рота и сестер Хаммерштейн доказывает: в 1933 г. агрессивные планы Гитлера почти одновременно стали известны и немецким генералам, и руководству СССР и Коминтерна.

ПРОФИНТЕРН И БРИТАНСКИЙ КОНГРЕСС ТРЕД-ЮНИОНОВ В 1920-е ГОДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЙ ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Харитонов Константин Борисович

(Государственная публичная историческая библиотека России)

Ни основанная в 1920 году Коммунистическая партия Великобритании, ни Национальное движение меньшинства, вступившее в Красный интернационал профсоюзов, не достигли в Британии действительно заметных успехов, даже при заметной финансовой поддержке со стороны Коминтерна (только в 1921 году КПВ получила от 21 до 55 тыс. фунтов стерлингов). Тем не менее, британское направление было достаточно важным для руководства Коминтерна и Профинтерна и на протяжении 1920-х годов ему уделялось достаточно много внимания. Страна, являющаяся одним из центров капиталистического мира, обладающая огромным промышленным потенциалом, значительной долей промышленного рабочего класса и огромной колониальной империей, никогда не исчезала из поля зрения лидеров Коминтерна.

В августе 1924 года состоялся Первая ежегодная конференция Национального движения меньшинства, возникшего внутри традиционных тред-юнионов и находившегося под руководством коммунистов. На Конференции в 1924 году присутствовали 271 делегат, представлявшие 200 000 рабочих, а к 1927 году, на 4-й Конференции, делегаты представляли 800 000 рабочих. Движение, в духе тактики «единого рабочего фронта», ставило своей целью радикализацию профсоюзов и рост влияния коммунистов в профсоюзном движении, не ставя перед собой задачи раскола существующих структур, но стремясь через пропаганду и организационную работу привлечь большинство объединенных в профсоюзы трудящихся к политическому единству с революционным меньшинством.

Движение объединяло как членов Коммунистической партии, так и тех рабочих, кто был недоволен реформистской политикой профсоюзов, но не спешил присоединиться к коммунистам. Членами и активистами организации стали многие видные профсоюзные активисты того времени, такие как Том Манн, Гарри Поллит, Уолтер Ханнингтон, Джон Томас Мёрфи и др. Значительного влияния Движение на-

ционального меньшинства достигло в профсоюзе шахтеров, заложив традицию радикального шахтерского движения в Британии на много десятилетий вперед.

История предоставила возможность Коммунистической партии Великобритании и Национальному движению меньшинства проявить себя и на практике опробовать марксистские теоретические построения в духе политики Коминтерна в середине 1920-х годов, когда в стране произошло несколько важных для левого и рабочего движения событий.

В 1924 году на девять месяцев было установлено первое в истории страны лейбористское правительство под руководством Джеймса Рамси Макдональда, проводившее довольно осторожную реформистскую политику, что должно было разочаровать отдавших свои голоса лейбористам трудящихся, справедливо ожидавших значительного улучшения социальных условий и радикальных преобразований после всех жертв Первой мировой войны.

Лейбористское правительство меньшинства пало в результате объединения против него консерваторов и либералов в палате общин и проиграло всеобщие выборы, в т. ч. после публикации в прессе т. н. «письма Зиновьева», призывавшего к ведению подрывной работы в армии и на флоте и оказавшееся впоследствии фальсификацией.

В 1926 году в стране прошла десятидневная всеобщая забастовка, самая крупная и массовая в истории Великобритании. Вызванная стремлением владельцев шахт сократить для рабочих заработную плату и увеличить рабочий день, в условиях объявленного правительством чрезвычайного положения, забастовка объединила рабочих практически всех основных отраслей, а участие в ней приняли порядка 4 миллионов человек.

Какой была политика Профинтерна в Великобритании? В какой мере британские активисты следовали указаниям Профинтерна и насколько они были эффективны? Как эта политика отражалась в официальных изданиях Профинтерна, хранящихся в фондах Центра социально-политической истории, а также в других официальных изданиях Коминтерна? Насколько различаются русскоязычные и англоязычные версии этих изданий? Эти вопросы, в первую очередь, предполагается осветить в выступлении.

**СТРОИТЕЛЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА:
СУДЬБА ВЕНЕСУЭЛЬЦА ХОСЕ АНТониО МАЙОБРЕ**

*Хейфец Виктор Лазаревич, д.и.н.,
Хейфец Лазарь Соломонович, д.и.н.
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

Доклад посвящен политической биографии Хосе Антонио Майобре, одного из первых венесуэльских коммунистов. Майобре являлся делегатом КПВ на VII конгрессе Коммунистического интернационала и входил в руководство своей партии. В 1930-е гг. он оказался одним из объектов разбирательства в рамках Интернациональной контрольной комиссии, вместе с однопартийцем Фернандо Кей Санчесом, что закончилось исключением обоих из партии.

Вернувшись на родину, Майобре сохранил связи с левыми, участвовал в Первой Национальной конференции КПВ и несколько лет продолжал партработу. В 1940-е гг., однако, он постепенно отходит от политической работы, сосредоточившись на деятельности в хозяйственной сфере. Майобре не раз занимал важные посты в структуре исполнительной власти (был президентом Национального банка, министром, послом Венесуэлы в США и представителем в Организации американских государств, спецпредставителем генерального секретаря ООН в Доминиканской Республике). Вершиной его карьеры стал пост Исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН для Латинской Америки, он также занимал значимые должности в руководстве Международного валютного фонда. Он принадлежит к плеяде теоретиков десарролизма. Его биография – яркий пример процесса переосмысления ценностей, характерного для многих левых деятелей периода Коминтерна, их интеграции в политическую элиту своих стран.

ЛУИДЖИ ЛОНГО: «ГАРИБАЛЬДИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА» ВО ГЛАВЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРИГАД В ИСПАНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Хёбель Александр, PhD
(Неаполитанский университет имени Фридриха II,
Фонд Грамши, Рим, Италия)

Жизненный путь политического лидера Луиджи Лонго, много лет бывшего ближайшим сподвижником Пальмиро Тольятти, а затем, в 1964–1972 годах, – генеральным секретарём Итальянской коммунистической партии, имеет символическое значение в истории международного коммунизма двадцатого века.

Руководивший сначала молодёжным заграничным центром, а затем – Итальянской коммунистической партией (ИКП), в межвоенный период Лонго работал в Швейцарии и Франции и приезжал в Советский Союз, где в начале тридцатых годов стал итальянским представителем Коминтерна, а затем, в качестве представителя Народного фронта, переехал в Париж и оказывал помощь испанской гражданской войне. Там, под военным псевдонимом «Галло», он недолго занимал должность политического комиссара батальона «Гарибальди», а потом, став генеральным инспектором Интернациональных бригад, прожил один из самых значительных этапов своей биографии.

Названный «Гарибальди двадцатого века» своим преемником на посту руководителя ИКП Энрико Берлингуэром, Лонго (как и его жена Тереза Ноче, также находившаяся в Испании в составе Интернациональных бригад) в полной мере может считаться одним из тех «солдат мировой революции», которые были характерны для коммунизма двадцатого века. И для его руководства Интернациональными бригадами, в значительной степени реконструированного на основе архивных документов из *Фонда Грамши* в Риме (Фонд 545 Архивов Коминтерна, Архив Луиджи Лонго, Фонд «Итальянские коммунисты в войне в Испании»), и для его книги «*Интернациональные бригады в Испании*» (написанной в 1956 году), характерна явная нацеленность на единство – единство добровольцев из разных стран и принадлежащих к разным политическим организациям, единство международных добровольцев и республиканской армии, единство бойцов и испанского народа – и заметное внимание к политической, пропа-

гандистской и коммуникативной составляющей войны. Последнее проявлялось в такие решающие моменты, как битва при Гвадалахаре, ставшая испытательным полигоном для этой политики в обстановке международной борьбы против фашизма, в которой Коминтерн участвовал непосредственно – особенно в эпоху Народного фронта.

Для Лонго, как для всего коммунистического движения и европейского антифашизма, гражданская война в Испании была опытом, имевшим решающее значение. Этим опытом он воспользуется через несколько лет, в качестве руководителя итальянского Сопротивления (тогда он снова станет считать коммунистов лидерами более широкого и единого антифашистского фронта), а затем и в послевоенный период, когда станет одним из главных руководителей Итальянской коммунистической партии, участвовавшим и в создании «новой партии» Тольятти, и в таких значимых международных событиях, как состоявшаяся в 1947 году учредительная конференция Коминформа.

**LUIGI LONGO: A “GARIBALDI OF THE TWENTIETH CENTURY”
AT THE HEAD OF THE INTERNATIONAL BRIGADES IN THE
SPANISH CIVIL WAR**

Höbel Alexander, PhD

(Università di Napoli “Federico II”, Fondazione Gramsci, Rome, Italy)

The life of Luigi Longo, for many years the closest political leader to Palmiro Togliatti and then Secretary General of the Italian Communist Party from 1964 to 1972, represents an emblematic itinerary in the history of international communism of the twentieth century.

Head of the Youth Foreign Center and then of the Organization of the Communist Party of Italy (PCd'I), Longo spent the years between the two wars passing from Switzerland to France to the Soviet Union, where in the early Thirties he was the Italian representative at the Comintern, and then from the Paris of the Popular Front to the Spanish Civil War. Here, with the nom de guerre *Gallo*, after serving briefly the role of Political Commissar of the *Garibaldi* Battalion, he lives one of the most important pages of his biography, becoming Inspector General of the International Brigades.

Defined by his successor as PCI leader Enrico Berlinguer “a Garibaldi of the twentieth century”, Longo (as his partner Teresa Noce, also present in Spain in the International Brigades) can fully be placed between those “soldiers of the global revolution” that characterized the twentieth century communism. His leadership of the International Brigades, largely reconstructed on the basis of the archival documents at the *Fondazione Gramsci* in Rome (Fund 545 of the Comintern Archives, Archive Luigi Longo, Fund *Comunisti italiani nella guerra di Spagna*) as well as his book *Le Brigate internazionali in Spagna* (1956), was characterized by a strong unitary imprint – unity among the volunteers of the various countries and of the various political affiliations, unity between international volunteers and republican army, unity between fighters and Spanish people – and from a notable attention towards the political, propagandistic and communicative component of the conflict. The latter found at crucial moments such as the Battle of Guadalajara relevant test-beds, in the context of the international struggle against fascism in which the Comintern, especially in the Popular Fronts season, was directly involved.

The Spanish Civil War was for Longo, as for all the communist movement and the European antifascism, a decisive experience, of which he will treasure some years later, at the head of the Italian Resistance (in which he will return to conceive the role of the communists as the fulcrum of a broader and unitary anti-fascist front), and then in the post-war period as one of the main leaders of the Italian Communist Party, engaged in the construction of the Togliatti “new party”, but also in important international events such as the foundation conference of Cominform in 1947.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНОГО СПОРТИВНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

*Хорошева Анна Владимировна, к.и.н.
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)*

Особую роль в межвоенный период сыграли рабочие спортивные организации: Красный спортивный интернационал и Социалистический рабочий спортивный интернационал. Противопоставив себя буржуазному спорту, они рассматривали данную сферу как средство борьбы за интересы пролетариата.

Именно на конец 1920 – начало 1930-х гг. приходится очередной пик противостояния двух организаций. Архивные документы свидетельствуют, что руководство Коминтерна отводило огромную роль Красному Спортинтерну в деле создания революционной ситуации в условиях мирового экономического кризиса. Все его действия строго контролировались ИККИ, была реформирована структура КСИ, его организационный центр был переведен в Берлин, где должна была пройти Спартакиада.

Однако создать рабочий фронт снизу и расколоть социалистов не получилось. Политика создания революционной ситуации, используя спортивное движение, потерпела крах.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛИЗМА В СВЯЗИ СО СТОЛЕТИЕМ ТРЕТЬЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Чан Туан Фонг, PhD

(Вьетнамская Академия общественных наук, Вьетнам)

В этом докладе я поделюсь мыслями о развитии теории и практики социализма за последние сто лет и продемонстрирую жизненность социализма как движения реального и непрерывного творческого процесса.

Если благодаря диалектике классики марксизма получили возможность открыть всеобщий закон и постичь внутреннюю логику, руководящую развитием истории человечества, то материалистическая концепция истории помогла им осознать активную роль человека в процессе создания им собственной истории. Именно так Маркс и Энгельс заложили научную основу для возникновения социализма.

Вклад Ленина в развитие марксизма состоит в его творческом и гибком применении теории научного социализма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к конкретной ситуации России, что привело к победе российской Октябрьской революции в 1917 году.

Возникновение и становление реального социализма сразу же после победы российской революции стали подтверждением истинности аргументов классиков марксизма и их представлений о научном социализме.

Создание Третьего Коммунистического интернационала, а также революционные мысли Ленина по национальному и колониальному вопросам оказали решающее влияние на мировоззрение Хо Ши Мина¹. Его творческое освоение марксизма-ленинизма и выбор социализма связаны с его революционными целями. Стремление к счастью для людей и для всего народа было высшей целью революцион-

¹ Как признавал Хо Ши Мин, «сначала патриотизм, а ещё не коммунизм привёл меня к тому, что я поверил в Ленина, в Третий (Коммунистический) интернационал. Шаг за шагом, в процессе борьбы, изучая марксизм-ленинизм параллельно с участием в практической деятельности, я постепенно осознал тот факт, что лишь социализм и коммунизм могут освободить угнетённые народы и рабочий класс всего мира от рабства».

ной жизни Хо Ши Мина. Красной нитью, проходящей через историю вьетнамской революции, является идея *национальной независимости в сочетании с социализмом*.

Правда, в наше время реальный социализм переживает определённые трудности, особенно после краха советской социалистической модели в СССР и в странах Восточной Европы в 90-х годах XX века. Эта ситуация требует от остальных социалистических стран и коммунистов активно реформироваться/трансформироваться. Основываясь на творческом применении марксизма-ленинизма к специфическим условиям каждой страны, коммунисты должны найти свой собственный путь к социализму в соответствии с новыми историческими условиями.

Практика социализма последних ста лет может служить подтверждением того положения марксизма, что коммунизм – это движение реального и непрерывного процесса¹.

Поэтому мой доклад будет состоять из четырёх следующих частей:

Материалистическая концепция истории и теоретическое основание социализма;

Ленин, Третий Коммунистический интернационал и советская модель социализма;

Представление Хо Ши Мина о социализме и строительстве социализма во Вьетнаме;

Перспективы социализма в процессе развития человечества.

¹ Маркс и Энгельс говорили, что «коммунизм для нас – это не то положение вещей, которое должно быть установлено, не идеал, к которому должна приспособиться сама реальность. Коммунизмом мы называем реальное движение, уничтожающее настоящий порядок вещей. Состояние этого движения является результатом ныне существующих предпосылок».

**SOME REFLECTION ON THE THEORY AND PRACTICE
OF SOCIALISM: ON ACCASSION OF THE 100TH ANNIVERSARY
OF THE THIRD COMMUNIST INTERNATIONAL**

*Tran Tuan Phong, PhD
(Vietnamese Academy of Social Sciences, Vietnam)*

In this paper I would like to share my reflections on the development of the theory and practice of socialism for the last 100 years and to demonstrate the vitality of socialism as the movement of a real and continuous process of creation.

If dialectics enabled the classics of Marxism to discover the universal law, the internal logic governed the development of human history, the materialist conception of history has helped them to see the active role of man in the process of creating his own history. This is the way Marx and Engels establish the scientific foundation for the birth of socialism.

The contribution of Lenin to the development of Marxism consists in his creative and flexible implementation of the theory of scientific socialism of K. Marx and F. Engels to the concrete context of Russia that had brought about the victory of the Russian October Revolution in 1917.

The birth and development of a real socialism right after the success of the Russian Revolution are the confirmation of the truth in the arguments of the classics of Marxism on scientific socialism.

The establishment of the Third Communist International as well as Lenin's revolutionary arguments on the national and colonial issues decisively influenced the thought of Ho Chi Minh¹. His creative appropriation of Marxism-Leninism and choice of socialism is linked to his revolutionary purpose. The pursuit of happiness for the people and the whole nation is the highest goal of Ho Chi Minh's revolutionary life. For the Vietnamese revolution, the red thread throughout the path is the national independence associated with socialism.

¹ As Ho Chi Minh admitted "At first, patriotism, not yet communism, led me to have confidence in Lenin, in the Third (Communist) International. Step by step, along the struggle, by studying Marxism-Leninism parallel with participation in practical activities, I gradually came upon the fact that only socialism and communism can liberate the oppressed nations and the working people throughout the world from slavery".

Although today the real socialism encounters certain difficulties, especially after the collapse of the Soviet socialist model in the USSR and the countries in Eastern Europe in 1990s. This situation requires the rest of the socialist countries and communists to actively reform/transform. Based on the creative application of Marxism-Leninism in the specific conditions of each country, the communists must to find their own way to socialism in accordance with new historical conditions.

The practice of socialism in the last 100 years could serve as the confirmation of the view of Marxism that communism is the movement of a real and continuous process¹.

Thus, my paper could include four following parts:

The Materialist Conception of History and the theoretical foundation of Socialism;

Lenin, the Third Communist International and Soviet Model of Socialism;

Ho Chi Minh thought on Socialism and the construction of socialism in Vietnam;

The prospect of socialism in the process of development of human kind.

¹ For Marx and Engels “Communism is for us not the state of affairs which is to be established, an ideal to which reality will have to adjust itself. We call communism the real movement, which abolishes the present state of things. The conditions of this movement result from the premises now in existence”.

**«ПАЦИФИСТСКОЙ МЕЛОДИИ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ
В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА»:
ПЛАНЫ СОВЕТСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
В БЕРЛИНЕ В.Л. КОППА ПО РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЮ
ГЕРМАНИИ В 1920–1921 гг.**

*Черноперов Василий Львович, д.и.н.
(Ивановский государственный университет)*

Настоящее сообщение призвано внести вклад в дискуссию о месте антиверсальских лозунгов в большевистских планах революционирования Европы. В его основание положены донесения высшему советскому руководству представителя РСФСР в Веймарской Германии Виктора Леонтьевича Коппа, отложившиеся в АВП РФ, РГАСПИ и РГАЭ, а также опубликованные в сборниках документов.

В.Л. Копп, выезжая в Веймарскую республику летом 1919 г., сообщал в Москву, что видит свою основную задачу в помощи немецким коммунистам («спартаковцам»), сила которых большевиками преувеличивалась. Пребывание в Германии и контакты с КПП существенно скорректировали его представления. В. Копп выяснил, что компартия не оправилась от разгрома после неудачного восстания в январе 1919 г., численно невелика и расколота. Кроме того, в ее рядах оказалось немало людей, далеких от дела революции. В докладе главе НКВД Г.В. Чичерину от 16 июля 1920 г. Копп предупреждал: «Советую... в особенности не доверять никаким немцам в коммунистической шкуре: это в большинстве своем продувные бестии, готовые продаться кому угодно и продать кого угодно». На этом фоне в глазах Коппа выигрышно смотрелись германские националисты и военные, с которыми он также установил связи.

Слабость КПП и популярность правых подталкивали дипломата к поиску неординарных путей революционирования Германии. Итогом размышлений стал план, опирающийся на неприятие миллионами немцев Версальской системы.

Данная мысль не была новой. Еще в 1919 г. подобное обсуждалось К.Б. Радеком с германскими политиками и военными в Моабитской тюрьме («политическом салоне»), в которой этот революционер оказался после провала выступления спартаковцев. Однако Копп не просто заимствовал обсуждавшиеся идеи, он их творчески перерабо-

тал. В донесениях лидерам РСФСР дипломат выдвинул программу завоевания немецкими коммунистами власти, используя универсальные лозунги и связывая победу КПГ с войной Германии с Францией и Советской России с Польшей. В докладах августа–сентября 1920 г. Копп представлял следующий сценарий. КПГ должна усилить кампанию против французского империализма и тем самым завоевать большинство «национально мыслящих немцев». Это имело важнейшее значение при новом наступлении Красной армии на Польшу. По мнению Коппа, в тот момент, когда РККА достигнет Торна и перережет линию Данциг – Варшава, Париж двинет войска в Рур, что спровоцирует франко-германскую войну. В этих условиях КПГ, опираясь на левых и националистов, призовет немцев к революционно-освободительной войне и на волне всенародного подъема придет к власти. Ясно, что далее (хотя Копп об этом не писал) последовало бы заключение германо-советского союза и дестабилизация всей Центральной и Восточной Европы.

План Коппа предполагал новую войну с Польшей, но победа в ней была невозможна без кардинального повышения боеспособности РККА. Решая эту задачу, Москва в сентябре 1920 г. разработала программу масштабных закупок вооружений и промышленного оборудования за рубежом. Копп начало войны связывал с плебисцитом 20 марта 1921 г. о принадлежности Верхней Силезии. Он считал, что его итоги приведут к столкновению Германии с Польшей и Францией, в которое РСФСР сможет вмешаться. Кремль первоначально проявлял интерес к плану Коппа, однако затем, напуганный голодом и антибольшевистскими выступлениями конца 1920-х – начала 1921 г., предпочел суммы, предназначенные для армии, перенаправить на покупку продовольствия и накануне плебисцита заключить с Польшей Рижский мирный договор.

«ЭТНОПЕДАГОГИКА» В ПЛАНАХ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОПЫТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА

Пашкова Ольга Александровна, к.и.н.

(Российский государственный архив социально-политической истории)

Богатство советского опыта и череда столетних юбилеев для событий, учреждений, сформированных в СССР, дают возможность обратиться к постулату «мировой революции» как к историческому явлению, не политизируя его.

Между тем именно эта идея была главным двигателем мобилизационного типа развития, присущего РСФСР – СССР. Это же уже в годы Гражданской войны породило Коминтерн и целую сеть «подсобных» учреждений: Профинтерн, Крестинтерн, Спортинтерн, Межрабпом, МОПР, КИМ и др. Хотя и в связи с постулатом «перманентной революции», но особняком – на nive образования – действовали три международных комуниверситета (Трудящихся Востока – 1921–1936 гг., Нацменьшинств Запада – 1922–1936 гг., Трудящихся Китая – 1925–1930 гг.), а также Международная ленинская школа и НИИ (затем – Ассоциация) Национально-колониальных проблем – НИИ НКП, с начала 1930-х гг. «вобравшая» в себя КУТВ.

Коммунистический университет трудящихся Востока с момента образования в апреле 1921 г. находился в ведении Наркомпроса, с 1923 г. – ВЦИК, а с 1924 г. – в подчинении ЦИК и приравнивался к высшим военно-учебным заведениям. В 1923 г. вуз получил добавление – «имени Сталина». Лидер страны впервые выступил перед слушателями 18 мая 1925 г., назвав двумя ведущими задачами «удовлетворение революционных потребностей трудящихся масс колониальных и зависимых стран Востока» и подготовку кадров для советских республик Востока; речь шла о воспитании управленцев для создания промышленных очагов на востоке СССР, кооперирования крестьян и кустарей, развития национальной культуры.

КУТВ находился под идейным руководством РКП(б), хотя на то же влияние претендовал Коминтерн, так как именно по его линии в вуз приезжали на учебу студенты. Документы фонда КУТВ позволяют увидеть, что именно сложные и неоднозначные отношения вуза

с Коминтерном являлись главными причинами смены ректоров, изменений в учебных планах и в конечном счете формирования новых векторов развития.

Система образования и воспитания, принятая в Университете, была сложной, мобильной, но достаточно эффективной, – особенно учитывая отсутствие подобного опыта в мире и разоренную войной экономику, а также прием в КУТВ фактически неграмотных людей. Главным требованием при поступлении являлся партстаж или членство в какой-либо политической организации. С 1923 г. обучение стало 3-годовалым, к 1927 г. вуз перешел на 4-летний срок обучения. С самого начала в КУТВ работали секторы на родных для неграмотных языках: тюркский, китайский, корейский, абхазский и др., а также интернациональный. Наиболее удобным для обучения языком вскоре был признан русский.

В деятельности университета воплощались передовые для того времени методы обучения: лабораторный метод, метод проектов, значительное время отводилось тестированию, самостоятельной работе студентов, производственному обучению в ходе летних практик на предприятиях и колхозах, работе летних военных лагерей. КУТВ должен был стать образцовым вузом – в организации учебы, пропаганды и отдыха. Воспитывалось умение составлять библиографию по теме, что называлось «книжная выставка»; самостоятельно готовить наглядные пособия. Частыми были ознакомительные и учебные экскурсии (на предприятия, в банки, советские учреждения). За время летних практик слушатели должны были овладеть какой-либо массовой профессией. В ходе военных лагерных сборов отрабатывались спортивные и боевые навыки.

Для советских студентов была предусмотрена система обучения в разных группах (факультетах): основной, инструкторской, лекционной и семинарской.

Основная группа готовила работников для местных органов управления; инструкторская – для центральных; в лекционных группах сосредотачивалась подготовка будущих партработников; семинарские группы были ориентированы на наиболее «продвинутых» и грамотных студентов. Там преподавание велось по «лабораторному методу».

Подготовка иностранных студентов осуществлялась на Спецсекторе, но в разные годы этот сектор/отделение назывался по-разному.

Изучение собственных опубликованных пособий вуза подтверждает активную работу его методического кабинета, хотя сохранилось, видимо, далеко не все. Ныне удалось выявить более 60 изданий. На этой опубликованной источниковой базе исследования развивались несколько десятков лет, хотя сами исследования были единичными. Сохранившиеся учебные пособия, научные работы сотрудников вуза и, конечно, огромный фонд университета в РГАСПИ (около 2 тыс. дел

учебной части и почти 10 тыс. личных дел) позволяют увидеть эволюцию жизни КУТВ. Начав фактически с нуля и завершив к концу 1920-х трудный организационный этап, университет приступает к научной работе, став одним из очагов возрождения советского востоковедения – почти без использования опыта прежнего, разгромленного досоветского. Почти половину преподавателей университета в начале 1930-х гг. составляли его собственные аспиранты, а близость к Коминтерну позволяла им общаться с мировыми коммунистическими лидерами – уже не говоря о том, что КУТВ сам принимал активное участие в их воспитании.

Другим важнейшим направлением его деятельности становится аналитическое. Об этом свидетельствуют материалы его кабинетов, которые организовывались по географическому и языковому принципам (арабский, корейский, турецкий и некот. др.), а также 20 выпусков «Трудов НИИ НКП».

Большую работу вела Лингвистическая комиссия (организована в 1929 г.) для перевода трудов классиков марксизма-ленинизма на языки народов Востока, составления грамматик, словарей, букварей – тувинского, монгольского, отчасти китайского и др. языков. Так, в 1929–1931 гг. были созданы тувино-русский словарь на 3 тыс. слов, русско-суахили словарь на 5 тыс. слов, монголо-русский словарь на 20 тыс. слов. В 1935 г. свет увидели «Информационные бюллетени» языковых кабинетов, представлявшие собой рефераты по актуальным темам, созданные на базе переводов с общественно-политических газет ряда восточных стран.

Значительную помощь при изучении истории вуза и его роли в политической жизни страны играет журнал «Революционный Восток», выпускавшийся с разной периодичностью (1927–1937 гг.), а также материалы его редакции в фонде вуза.

Находясь в одном проблемном поле с Коминтерном, КУТВ с начала 1930-х гг. стал испытывать значительное давление. Большое значение имела масштабная проверка 1934 г., которая выявила много недочетов по части преподавания, соблюдения конспирации для студентов Сектора «А», материально-технического обеспечения.

Вместе с тем КУТВ добился значительных успехов не только как вуз-пропагандист и вуз-учебный центр, но и как вуз-исследователь.

О КЛАССОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАЛЕСТИНСКОГО ВОССТАНИЯ 1929 г.

*Шевелёв Дмитрий Леонидович, к.и.н.
(Белорусский государственный университет)*

Среди марксистских интерпретаций межнациональных отношений в Палестине и британского управления там известность среди специалистов получила классовая трактовка, сформулированная В.Б. Авербухом (Абузиам, Хайдар и др.). В. Авербух был агентом Коминтерна и лидером Коммунистической партии Палестины до 1930 г. Его личность и деятельность уже описаны в работах российских историков – Г.Г. Косача и М.Г. Агапова.

В сообщении, основываясь на опубликованных и неопубликованных (доклад тов. Хейдара // Архив РАН, ф. 361, оп. 2, д. 4) источниках, автор сообщения делает попытку воссоздать аргументы марксистской историографии в отношении палестинской политики Великобритании конца 1920-х гг. Автор также сравнивает трактовку тов. Хейдара с выводами Комиссии У. Шоу по расследованию беспорядков 1929 г. (Cmd. 3530), представлявшую максимально возможную на тот момент объективную оценку событий восстания.

КОМИНТЕРН И РАБОЧАЯ ПАРТИЯ НОРВЕГИИ, 1919–1923 ГОДЫ

Эгге Осмунн, PhD
(Университет Осло, Норвегия)

В марте 1918 года съезд социал-демократической партии Норвегии, назвавшей себя «Det norske Arbeiderparti» (Рабочая партия Норвегии), избрал совершенно новое руководство, состоявшее из явных революционеров, полностью поддерживающих Октябрьскую революцию в России и работающих ради осуществления революции в Норвегии. В июне 1919 года партия присоединилась к недавно созданному Коммунистическому интернационалу, а в марте 1921 года она выполнила известные (или печально известные) 21 условие членства в Коминтерне. Это привело к расколу в партии между теми, кто хотел оставаться в Коминтерне, и теми, кто теперь хотел его покинуть. Желавшие выйти из Коминтерна основали раскольническую партию, которая, как оказалось, не завоевала почти никакой популярности и не получила никакого влияния в рабочем движении Норвегии. Подобные расколы произошли и в других социал-демократических партиях, присоединившихся к Коминтерну – например, в итальянской и французской партиях. Однако обе эти партии были партиями меньшинства (или вскоре стали партиями меньшинства) в рабочем движении их стран. Уникальным для Норвегии было то, что партия, входившая в Коминтерн с марта 1919 года, более четырёх с половиной лет продолжала представлять большинство в норвежском рабочем движении.

Хотя Норвегия была маленькой страной на окраине Европы, эта ситуация вызвала у руководства Коминтерна особый интерес к политическим перспективам классовой борьбы в Норвегии. Удержать Рабочую партию Норвегии в Коминтерне и заставить её подчиниться политике Коминтерна стало для него важной целью. «Норвежский вопрос» часто обсуждался как на конгрессах Коминтерна и на собраниях Исполкома Коминтерна (ИККИ), так и в более неофициальных беседах среди таких лидеров Коминтерна, как Зиновьев, Бухарин, Радек и Куусинен.

Хотя Рабочая партия Норвегии согласилась с 21-м условием, одобренным подавляющим большинством членов партии, тем не менее среди некоторых партийных лидеров оставались сомнения, вызван-

ные слишком жёстким централизмом и слишком сильным вмешательством в дела и политику норвежской партии со стороны Коминтерна. Возник конфликт между «централистами» и «федералистами», который в результате привёл к новому расколу партии, но на этот раз меньшинством стали сторонники Коминтерна. В ноябре 1923 года они покинули партию и создали Коммунистическую партию Норвегии, которая за несколько лет утратила большую часть своего влияния в норвежском рабочем движении.

Цель моего доклада – представить проводившуюся в эти годы политику Коминтерна в отношении норвежской партии в качестве конкретного примера того, как достаточно радикальные усилия руководства Коминтерна достичь централизации в скором времени свели к нулю возможности влияния Коминтерна в Норвегии.

THE COMINTERN AND THE NORWEGIAN LABOUR PARTY 1919–1923

Egge Åsmund, PhD
(*University of Oslo, Norway*)

In March 1918 the congress of the social democratic party in Norway, which called itself “Det norske Arbeiderparti” (The Norwegian Labour Party), abbreviated DnA, elected a completely new leadership, consisting of declared revolutionaries fully supporting the October revolution in Russia and working for revolution in Norway. In June 1919 the party joined the newly established Communist International and in March 1921 the party adhered to the famous (or infamous) 21 conditions for membership in the Comintern. This led to a schism in the party between those who wanted to stay in the Comintern and those who now wanted to leave the organization. Those who wanted to leave established a split party that turned out to have very little response and influence in the Norwegian labour movement. Such schisms also took place in other social democratic parties that had joined the Comintern, e.g. the Italian and the French parties. But these parties were either minority parties (or soon became minority parties) in the labour movement of their country. What is unique about Norway is that the party which had been a member of the Comintern since March 1919 continued to represent the majority in the Norwegian labour movement for more than four and a half year.

Even though Norway was a small country in the periphery of Europe, this situation made the political prospects of the class struggle in Norway of special interest to the Comintern leadership. To keep the DnA in the Comintern and to make it conform to the Comintern’s policies became an important purpose for the organization. The “Norwegian question” was frequently discussed, both at Comintern congresses and ECCI meetings as well as at more informal conversations among Comintern leaders like Zinoviev, Bukharin, Radek and Kuusinen.

Even though the DnA’s adherence to the 21 conditions was accepted by the large majority of the party, there were all the same doubts among some party leaders about too much centralism and too much meddling in the affairs and policies of the Norwegian party on the part of the Comintern. A conflict arose between “centralists” and “federalists” that in the end led to a new split of the party, this time with the Comintern

supporters becoming a minority. In November 1923 they left the party and established the Communist Party of Norway, which in the time of a few years had lost most of its influence in the Norwegian labour movement.

My paper will aim at a presentation of the Comintern's policy towards the Norwegian party in these years as a case study of how the rather extreme centralizing efforts of the Comintern leadership in a short time destroyed the Comintern's possibilities for influence in Norway.

АНТИСТАЛИНИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Этвэш Иштван

(Комитет Национальной Памяти, Венгрия)

Произнесённая в 1956 году речь Никиты Хрущёва о преступлениях сталинизма позволила вскрывать те нарушения законности, которые и именовались социализмом. В Венгрии аналогичный процесс продолжался больше двух лет и был посвящён расследованию этих преступлений периода 1949–1953 годов.

В докладе вкратце объясняется, как венгерские показательные суды содействовали укреплению Венгерской коммунистической партии в 1949 году и для какой политической цели они использовались после 1949 года. После политического перелома 1953 года, после смещения с должности Матяша Ракоши, те же самые методы использовались с противоположным знаком, чтобы преобразовать отношения внутри партии. Таким образом, показательные суды приобрели новое качество. Пересмотры приговоров проводились для того, чтобы отчасти расследовать события прошлого, но, как и в Советском Союзе, также для того, чтобы отбирать из этих руководителей политических лидеров для создания новой правящей элиты.

В докладе будет рассказано и об использовании для этой цели концептуальных методов, сохранявшихся вплоть до середины 60-х годов. Кроме того, будет показано, каким образом эти события определяли положение Венгерской коммунистической партии вплоть до 1956 года.

ANTISTALINISM AS A POLITICAL WEAPON

Ötvös István

(National Remembrance Committee, Hungary)

Nikita Khrushchev's speech of 1956 on the sins of Stalinism opened the way to discovering the violations of the laws that called themselves socialism. In Hungary, a similar process had been going on for more than two years, investigating these crimes of the 1949–1953 period.

The presentation briefly explains how Hungarian show trials helped the Hungarian Communist Party to power in 1949, and for what political purpose they were used after 1949. Following the political change of 1953, after the fall of Mátyás Rákosi, the same procedures were used with the opposite sign in order to transform the relations within the party. Thus, show trials have become a new dimension. The purpose of the reviews was partly to investigate past events, but, just as in the Soviet Union, selecting political leaders to create a new lead elite among those responsible.

The presentation accompanies the use of conceptual procedures to this end until the mid-60s; while pointing out how the events had contributed to the situation in the Hungarian Communist Party before the 1956.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Россия и Беларусь

Ахрамович Наталья Вадимовна (Россия) – аспирант Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки. E-mail: Impeccable434@yandex.ru, Natalia.Akhramovitsch@gmail.com

Баканов Алексей Иванович (Россия) – главный специалист Отдела использования документов РГАСПИ, к.и.н. E-mail: aleksej-bakanov@yandex.ru

Васина Людмила Леонидовна (Россия) – к.э.н., главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, руководитель группы по подготовке международного Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА). E-mail: lva_mega@mail.ru

Ватлин Александр Юрьевич (Россия) – д.и.н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Дамье Вадим Валерьевич (Россия) – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: vaddam@mail.ru

Емельянова Елена Николаевна (Россия) – к.и.н., доцент Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна). E-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

Ермаков Вадим Андреевич (Россия) – доцент Московского государственного областного университета, к.и.н. E-mail: fact-476@yandex.ru; veget2007@yandex.ru

Жирова Надежда Сергеевна (Россия) – к.и.н., специалист Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского. E-mail: nadezdalip@yandex.ru

Исхаков Салават Мидхатович (Россия) – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: rusrevref@mail.ru

Кретицин Сергей Владимирович (Россия) – д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского государственного университета. E-mail: kre-sv@yandex.ru

Любин Владимир Петрович (Россия) – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, член совместной комиссии российских и немецких историков по изучению новейшей истории двух стран, член редакционных коллегий журналов «История» (Россия) и “Storia e Futuro” (Италия). E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

Марданов Марат Хамитьянович (Россия) – к.полит.н., директор Центра гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан. E-mail: direktor.institutayaandex.ru

Михалев Алексей Викторович (Россия) – д.полит.н., директор центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета (Улан-Удэ). E-mail: mihalew80@mail.ru

Никулин Александр Михайлович (Россия) – к.э.н., директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, главный редактор журнала «Крестьяноведение». E-mail: nikulin@ranepa.ru, harmina@yandex.ru

Новиченко Ирина Юрьевна (Россия) – к.и.н., заведующая отделом специальных коллекций Государственной публичной исторической библиотеки России. E-mail: ino@shpl.ru

Полещук Александр Александрович (Россия) – журналист, писатель. E-mail: aap1941@yandex.ru

Розенталь Светлана Марковна (Россия) – заместитель начальника отдела Российского государственного архива социально-политической истории. E-mail: sabiturana@mail.ru

Рублев Дмитрий Иванович (Россия) – к.и.н., ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: rublev773@gmail.com

Савельев Петр Юрьевич (Россия) – д.и.н., главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории. E-mail: savelev57@bk.ru

Симонова Елена Викторовна (Россия) – д.и.н., профессор кафедры истории и археологии, руководитель Центра региональных исторических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. E-mail: E-Simonova@yandex.ru

Слущкая Людмила Владимировна (Беларусь) – к.и.н., доцент кафедры политологии, доцент кафедры дипломатической и консульской службы (по совместительству) Белорусского государственного университета (Минск). E-mail: L_slutskaya@mail.ru

Сорокин Андрей Константинович (Россия) – к.и.н., директор Российского государственного архива социально-политической истории; член комиссии при Президенте России по реабилитации жертв политических репрессий; главный редактор издательства РОССПЭН; член научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории; член правления Международного фонда Маркса и Энгельса (IMES); член редакционных коллегий журналов «Исторический архив» и «Российская история»; лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники. E-mail: rgaspi_dr@mail.ru

Тимофеева Мария Андреевна (Россия) – главный специалист отдела использования документов Российского государственного архива социально-политической истории. E-mail: mariya.chekalova.94@mail.ru.

Тихонов Юрий Николаевич (Россия) – д.и.н., профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. E-mail: tikhlip@mail.ru

Трухин Михаил Дмитриевич (Россия) – к.и.н., доцент, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). E-mail: aristei2007@yandex.ru

Хавкин Борис Львович (Россия) – д.и.н., профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: novistor@mail.ru

Харитонов Константин Борисович (Россия) – библиотекарь 1 категории Государственной публичной исторической библиотеки России. E-mail: kharitonov86@gmail.com

Хейфец Виктор Лазаревич (Россия) – д.и.н., профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, директор редсовета журнала Izquierdas. E-mail: jeifets@gmail.com

Хейфец Лазарь Соломонович (Россия) – д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член редколлегии журнала «Латинская Америка», журнала «Iberoamerica». E-mail: jeifets@gmail.com

Хорошева Анна Владимировна (Россия) – к.и.н., старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: Khoroshevaa@yandex.ru

Черноперов Василий Львович (Россия) – д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. E-mail: vlchernoperov@rambler.ru

Шашкова Ольга Александровна (Россия) – к.и.н., главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, доцент ИАИ РГГУ. E-mail: o-shashkova@yandex.ru

Шевелёв Дмитрий Леонидович (Беларусь) – к.и.н., доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета. E-mail: sheveliov@mail.ru

Иностранные участники

Baier Walter (Austria), Mag.Dr.rer.soc.oec, an economist in Vienna. Since 2007 he has been Political Coordinator of the network transform!europe. E-mail: baier@transform-network.net

Bayerlein Bernhard H. (Germany), Dr. habil., historian and romance studies scholar, Honorary senior researcher, Institute of Social Movements, University of Bochum, Germany. E-Mail: dr.bayerlein@uni-koeln.de, bernhard.bayerlein@ruhr-uni-bochum.de

Brie Michael (Germany), Prof., Dr., senior fellow at the Institute for Critical Social Analysis of the Rosa Luxemburg Foundation in Berlin. E-mail: michaelbrie2000@gmail.com

Bruckmann Monica (Brazil), Doutora em Ciência Política, É Professora do Departamento de Ciência Política e do Programa de Pós-Graduação de História Comparada da Universidade Federal do Rio de Janeiro. E-mail: monicabruckmann@gmail.com

Egge Åsmund (Norway), PhD, Professor emeritus at the University of Oslo. E-mail: asmund.egge@iakh.uio.no

Frederichsen Kim (Denmark), PhD, independent scholar. E-mail: kim-frederichsen@gmail.com

Gianni Emilio (Italy), director of the Archivio Biografico del Movimento Operaio Italiano in Genoa (Biographical Archive of the Italian Worker's Movement). E-mail: mr.abmo@abmo.it

Giudici Antonio (Croatia), researcher, translator and editor. MA in History and Italian Language and Literature. E-mail: antonio.giudici84@gmail.com

Höbel Alexander (Italy), temporary Research Fellow in Contemporary History at the University of Naples “Federico II”. E-mail: hobel@unina.it

Ilmjärvi Magnus (Estonia), PhD, senior research fellow in the Institute of History of Tallinn University. E-mail Magnus.ilmjarv@tlu.ee

Jørgensen Jesper (Denmark), archivist at The Workers Museum in Copenhagen. He has a master’s degree in History and Anthropology and in Library and Information Science. E-mail: jjo@arbejdermuseet.dk

Köstenberger Julia (Austria) – PhD, historian, Vienna. Member of the joint Austrian-Russian Commission of historians. E-mail: julia.koestenberger@bik.ac.at

Laamanen Ville (Finland), PhD, Postdoctoral Researcher at the Department of Philosophy, Contemporary History and Political Science at the University of Turku. E-mail: viola@utu.fi

Labey Marion (France), PhD Student at Paris Diderot VII University (ICT Laboratory) in cotutelle with Roma 2 “Tor Vergata” University. E-mail: marion.labey@gmail.com

Luong Viet Sang (Vietnam), PhD in history, Vice Director General, Institute of Party History, HCMA since 2017. E-mail: sanglv@hcma.vn; lvietsang@gmail.com

Min Kyounghyoun, Prof., Dr., professor of history at Korea University, where he is a director of the Institute for the study of history. E-mail: khmin@korea.ac.kr

Nguyen Tai Dong (Vietnam), Assoc. Prof., PhD., Director of Institute of Philosophy, Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: ntaidong@yahoo.com

Ólafsson Jón (Iceland), PhD, professor of comparative cultural studies in the University of Iceland. E-mail: jonolafs@hi.is

Ótvös Istvan (Hungary), member of the National Remembrance Committee in Hungary, an associate professor at the Pázmány Péter Catholic University, Budapest. E-mail: istvan.otvos@neb.hu

Pirjevec Jože (Slovenia), Dr., Principal Research Fellow; member of the Slovenian Academy of Sciences and Arts. E-mail: pirjevecj@gmail.com

Pons Silvio (Italy), PhD, Presidente Fondazione Gramsci, Italy. E-mail: pons.silvio@gmail.com

Rentola Kimmo (Finland), D.Soc.Sc., professor of political history at the University of Helsinki, Finland. E-mail: kimmo.rentola@helsinki.fi

Rønning Ole Martin (Norway), PhD, director of the Labour Movement Archives and Library, Oslo, Norway. E-mail: ole.martin.rønning@arbark.no

Runge Monika (Germany), Dr., Rosa-Luxemburg-Stiftung, Leipzig (Büro Moskau/Berlin). E-mail: dr.monikarunge@t-online.de

Saarela Tauno (Finland), PhD, Senior Lecturer in Political History at the University of Helsinki, Finland. E-mail: tauno.saarela@helsinki.fi

Sørensen Torkil (Denmark), independent scholar, MA in history, Denmark. E-mail: torkildk@yahoo.com

Szilágyi Gábor (Hungary), MA in History, PhD. Since 2014, he has been working as research fellow at the Office of the Committee of National Remembrance, Hungary. E-mail: gabor.szilagyi@neb.hu

Tannoury-Karam Sana (USA), PhD, post-doctoral fellow in History at Rice University. E-mail: sana.tannoury-karam@rice.edu

Tinè Salvatore (Italy), Researcher in Modern History and Lecturer of Economic and Social History of Modern Age in Science and Languages of Communication, at the Department of Humanities, University of Catania. E-mail: tine.salvatore@yahoo.it

Tonelli Anna (Italy), full professor of Contemporary History at the University of Urbino Carlo Bo, scientific director of the Institute of Contemporary History in Pesaro, which is affiliated with the Istituto Nazionale Ferruccio Parri. E-mail: anna.tonelli@uniurb.it

Torre Andrea (Italy), PhD, director of Archive at the Istituto nazionale Ferruccio Parri (Milan), member of the National Executive of the Italian Association of Antifascists Combatants and Volunteers in Spain. E-mail: andrea.torre@insmli.it

Tosstorff Reiner (Germany), Dr. habil., außerordentlicher (extraordinary) Professor at Johannes Gutenberg University Mainz, Lecturer in Modern European History at Cardiff University. E-mail: reiner.tosstorff@uni-mainz.de

Tran Tuan Phong (Vietnam), PhD, vice-Director of Institute of Philosophy of the Vietnam Academy of Social Sciences

Vigreux Jean (France), PhD, Professeur Histoire contemporaine Centre Georges Chevrie, Directeur MSH de Dijon, France. E-mail: Jean.Vigreux@u-bourgogne.fr

Wolikow Serge (France), PhD, Gabriel Péri Foundation, University of Burgundy, France. E-mail: serge.wolikow@u-bourgogne.fr

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ахрамович Н.В.</i> Трансформация идентичности членов эмигрантского руководства Коммунистической партии Германии (1935–1939)	11
<i>Achramovich N.V.</i> Transformation of the identity of the emigrant leaders of the Communist party of Germany (1935–1939)	11
<i>Байер В.</i> Отто Бауэр и австромарксизм – предложение Третьего пути	13
<i>Baier W.</i> Otto Bauer and Austro-Marxism – A Proposal for a third Way	15
<i>Байерляйн Б.Х.</i> От эпохи интернационализма к деинтернационализации: Коммунистиче- ский интернационал и Советский Союз, 1919–1943 годы. К теории среднего уровня	17
<i>Bayerlein B.H.</i> From Internationalist Moment to De-Internationalization: The Communist International and the Soviet Union 1919–1943. Towards a middle range theory	20
<i>Баканов А.И.</i> Руководство Коммунистической партии Западной Украины на последнем этапе ее истории, 1933–1938 гг.	23
<i>Bakanov A.I.</i> Leaders of the Communist party of Western Ukraine at the last stage of its history, 1933–1938.	23
<i>Бри М.</i> Симфония русской революции Розы Люксембург	25
<i>Brie M.</i> Rosa Luxemburg's Symphony on the Russian Revolution	27
<i>Брукманн М.</i> Хосе Карлос Мариатеги и латиноамериканский марксизм	29
<i>Bruckmann M.</i> José Carlos Mariátegui y el marxismo latinoamericano	31
<i>Васина Л.Л.</i> Д.Б. Рязанов – выдающийся марксистский мыслитель XX века	33

<i>Vasina L.L.</i>	
D.B. Ryazanov as outstanding Marxist thinker of the twentieth century	33
<i>Ватлин А.Ю.</i>	
Образование Коминтерна: международное эхо Российской революции.	36
<i>Vatlin A.Ju.</i>	
The creation of the Comintern: international echo of the Russian revolution	36
<i>Визрѐ Ж.</i>	
«Серп после молота»: Коминтерн и крестьянство, история Крестинтерна	38
<i>Vigreux J.</i>	
«The sickle after the hammer»: Komintern and the peasantry, history of the Komintern.	40
<i>Воликов С.</i>	
Противоречия между национальным и интернациональным в концепции и деятельности Коммунистического интернационала. От всемирной мечты до национальных противоречий в стратегии Коминтерна	42
<i>Wolikow S.</i>	
The tension between national and international in the project and the activity of the Communist International. From the global dream to national contradictions in the Comintern's strategy.	44
<i>Дамье В.В.</i>	
Синдикалисты между анархизмом и большевизмом: создание Берлинского интернационала профсоюзов	46
<i>Damie V.V.</i>	
Syndicalists between anarchism and Bolshevism: creation of the Berlin international of trade unions	46
<i>Джанни Э.</i>	
Коммунистический интернационал в столетие своего основания. Биографический словарь (1919–1923)	50
<i>Gianni E.</i>	
The Communist International in the Centenary of its Foundation. Biographical Dictionary (1919–1923)	52
<i>Джудичи А.</i>	
Воспоминания и интернационалистские идеи революционного бойца в СССР и Испании	54
<i>Giudici A.</i>	
Memories and internationalist ideas of a revolutionary fighter between USSR and Spain.	56

<i>Емельянова Е.Н.</i>	
IV конгресс Коминтерна: поворот от революционного наступления к обороне	58
<i>Emelyanova E.N.</i>	
The IV Congress of the Comintern: turn from revolutionary offensive to the defense	58
<i>Ермаков В.А.</i>	
Национальный и колониальный вопросы на II конгрессе Коминтерна: левая альтернатива советской модели	61
<i>Ermačov V.A.</i>	
National and colonial issues at the 2nd Congress of the Comintern: the left alternative to the Soviet model	61
<i>Жирова Н.С.</i>	
Роль М.Н. Роя в вопросе сотрудничества Коминтерна и партии «Гадар»	63
<i>Zhirova N.S.</i>	
Role of M.N. Roy in cooperation between the Comintern and the “Gadar” party	63
<i>Ильмяев М.</i>	
Коминтерн и прибалтийские страны, 1919–1940 гг.	65
<i>Imjärv M.</i>	
The Comintern and the Baltic countries 1919–1940	69
<i>Исхаков С.М.</i>	
Представители мусульманских народов Советской России и сопредельных стран на I–II конгрессах Коминтерна	72
<i>Iskhakov S.M.</i>	
Representatives of the Muslim peoples of Soviet Russia and neighboring countries at the 1st and 2nd Congresses of the Comintern.	72
<i>Йоргенсен Й.</i>	
«СС Аппарат-Копенгаген». Секретная сеть Коминтерна, действовавшая в Дании в 1933–1938 годах.	74
<i>Jørgensen J.</i>	
SS Apparat Copenhagen. The Secret Comintern network in Denmark 1933–1938.	76
<i>Кёстенбергер Ю.</i>	
Кадровая кузница сталинизма. История Международной ленинской школы (1926–1938)	78
<i>Köstenberger Ju.</i>	
“Personnel forge” of Stalinism. History of the International Lenin School (1926–1938).	78
<i>Кретинин С.В.</i>	
Идея Единого фронта с Коминтерном в оценках теоретиков западной социал-демократии в середине 1930-х гг.	80

<i>Kretinin S.V.</i>	
The idea of the United front with the Comintern in the assessments of Western social democracy theorists in the mid-1930s.	80
<i>Лааманен В.</i>	
От коммунистического деятеля до постороннего: идеалы, оппортунизм и отношение к переменам в Москве и Стокгольме, 1929–1948 годы.	83
<i>Laamanen V.</i>	
From Communist Cadre to Outsider: Ideals, Opportunism and Coping with Change in Moscow and Stockholm, 1929–1948.	85
<i>Лабев М.</i>	
«Вокруг Третьего конгресса»: создание сети критически настроенных коммунистов.	86
<i>Labev M.</i>	
«Around the Third Congress»: The birth of a network of critical communists. . .	88
<i>Льонг Вьет Санг</i>	
Национальная и колониальная политика Коммунистического интернационала и Вьетнамская национально-освободительная революция.	90
<i>Luong Viet Sang</i>	
National and Colonial Line of the Communist International and the National Liberation Revolution of Vietnam.	92
<i>Любин В.П.</i>	
Итальянская компартия от Коминформа до еврокоммунизма.	94
<i>Lyubin V.P.</i>	
Italian Communist party from the Kominform to Eurocommunism.	94
<i>Марданов М.Х.</i>	
Об особенностях подготовки слушателей спецшкол Коминтерна в Башкирии: 1941–1943 гг.	97
<i>Mardanov M. Kh.</i>	
On the specific of training of the special Comintern schools students in Bashkiriya, 1941–1943.	97
<i>Мин К.</i>	
«Русская революция и ранний этап развития коммунистического движения в Корее»	99
<i>Min K.</i>	
The Russian revolution and the early stage of the Communist movement in Korea.	99
<i>Михалев А.В.</i>	
Социализм в Монголии в коллективной памяти советских специалистов.	102
<i>Mikhalev A.V.</i>	
Socialism in Mongolia in the collective memory of the Soviet specialists.	102

<i>Нгуен Тай Донг</i> Третий Интернационал (Коминтерн) и Вьетнам	104
<i>Nguyen Tai Dong</i> The Third International (Comintern) and Vietnam	105
<i>Никулин А.М.</i> Крестьянский интернационал и Международный аграрный институт: в поисках путей революционизирования крестьянства.	106
<i>Nikulin A.M.</i> The Peasant International and the International Agrarian Institute: searching the ways of revolutionizing the peasantry	106
<i>Новиченко И.Ю.</i> Издания Коминтерна в коллекциях Государственной публичной исторической библиотеки	109
<i>Novichenko I. Ju.</i> Comintern publications from collections of the State Historical Public Library of Russia.	109
<i>Оулавссон Й.</i> Эпистемический парадокс коммунистического воспитания	112
<i>Ólafsson J.</i> The Epistemic Paradox of Communist Education	113
<i>Пирьевец Й.</i> Коминтерн и югославский эксперимент	114
<i>Pirjevcs J.</i> Comintern and the yugoslav experiment.	116
<i>Полещук А.А.</i> Опыт научно-художественной биографии Георгия Димитрова	118
<i>Poleshchuk A.A.</i> Scientific and literary biography of Georgy Dimitrov writing experience	118
<i>Понс С.</i> Грамши и русская революция: переоценка	120
<i>Pons S.</i> Gramsci and the Russian revolution: a reappraisal	121
<i>Рентола К.</i> Странное возрождение мировой революции, 1939–1940 гг.	122
<i>Rentola K.</i> The Strange Resurrection of the World Revolution, 1939–1940	123
<i>Рённинг У.М.</i> Грандиозные проекты и скудный результат. Коминтерн и Коммунистическая партия Норвегии (1923–1943).	124

<i>Rønning O.M.</i> Grand designs and meagre outcome. The Comintern and the Communist Party of Norway (1923–1943).....	126
<i>Розенталь С.М.</i> Мировое коммунистическое движение в документах архива Коминтерна	128
<i>Rozental S.M.</i> World communist movement in the documents of the Comintern archive	128
<i>Рублев Д.И.</i> Коминтерн и анархистское движение России (к истории взаимоотношений).....	130
<i>Rublyov D.I.</i> The Comintern and the anarchist movement of Russia (on the history of relations)	130
<i>Рунге М.</i> Характер и задачи русской революции 1917 года – асимметрия между структурами политической власти и экономическими предпосылками в России	132
<i>Runge M.</i> The nature and aims of the Russian revolution of 1917 – asymmetry between the structures of political power and economic prerequisites in Russia.	132
<i>Саарела Т.</i> Отто Вилле Куусинен как генеральный секретарь Коммунистического интернационала в 1921–1922 гг.....	134
<i>Saarela T.</i> Otto Ville Kuusinen as a general secretary of the Communist International, 1921–1922.	135
<i>Савельев П.Ю.</i> Партия нового типа: историографический миф и историческая реальность	136
<i>Saveljev P.Yu.</i> A Party of the new type: historiographical myth and historical reality	136
<i>Сёренсен Т.</i> Отношения между немецкой и датской секциями Коминтерна, (КПП и КПД)	139
<i>Sørensen T.</i> Relations between the German section of Comintern, KPD, and the Danish, DKP	141
<i>Силадьи Г.</i> Финансовая поддержка западных коммунистических партий после Второй мировой войны	143
<i>Szilágyi G.</i> Financial support of Western Communist Parties following World War II.....	145

<i>Симонова Е.В.</i> Революция 1917–1918 гг.: тульские социалисты в процессе становление новой политической системы	146
<i>Simonova E.V.</i> Revolution of 1917–1918: Tula socialists in the process of formation of a new political system	146
<i>Слуцкая Л.В.</i> Расплата за иллюзии: II конгресс Коминтерна в судьбе французских анархистов	148
<i>Slutskaya L.V.</i> Retribution for illusions: the 2nd Congress of the Comintern in the fate of the French anarchists	148
<i>Сорокин А.К.</i> Актуальный архив для левой альтернативы	150
<i>Sorokin A.K.</i> Current archive for the left alternative	150
<i>Тантури-Карам С.</i> Краеугольный камень для построения нового мира: Коммунистический интернационал и арабский Восток, 1919–1943 гг.	152
<i>Tannoury-Karam S.</i> The Cornerstone for Building a New World: The Communist International and the Arab East, 1919–1943	154
<i>Тимофеева М.А.</i> Негритянское бюро как инструмент идеологической деятельности Комин- терна (по материалам РГАСПИ)	156
<i>Timofeeva M.A.</i> The Negro Bureau as an instrument of ideological activity of the Comintern (based on the materials from the Russian State Archive of Social and Political History)	156
<i>Тинь С.</i> Тольятти, лидер Коммунистического интернационала	159
<i>Tinë S.</i> Togliatti, leader of the Communist International	161
<i>Тихонов Ю.Н.</i> Особенности работы Коминтерна в «афганском коридоре», (1919–1939) (по архивным материалам РГАСПИ и АВП РФ)	163
<i>Tikhonov Ju.N.</i> Specific of the Comintern work in the “Afghan corridor”, 1919–1939 (based on archival documents RGASPI and Foreign Policy Archive of Russia)	163
<i>Тонелли А.</i> Тереза Ноче: голос итальянской антифашистки в Москве	165

<i>Tonelli A.</i>	
Teresa Noce: an Italian female anti-fascist voice in Moscow	167
<i>Toppe A.</i>	
«Сегодня в Испании, завтра – в Италии». Интерактивная база данных итальянских добровольцев-антифашистов в гражданской войне в Испании: личные судьбы через время и пространство.	168
<i>Torre A.</i>	
“Oggi in Spagna, domani in Italia”. An interactive database of the Italian antifascists volunteers in the Spanish Civil War: biographical trajectories through time and space	170
<i>Тоссторфф Р.</i>	
Найти место для «Москвы» в «Амстердаме»? Профинтерн и профсоюзная политика международного коммунизма в середине 1920-х гг.	171
<i>Tosstorff R.</i>	
Finding a place for ‘Moscow’ in ‘Amsterdam’? The Profintern and the trade union policy of international communism in the mid-twenties	173
<i>Трухин М.Д.</i>	
Критика Е.Е. Лазаревым левой альтернативы в международном социалистическом движении (1918)	175
<i>Trukhin M.D.</i>	
E.E. Lazarev’s criticism of the left alternative in the international socialist movement (1918)	175
<i>Фредериксен К.</i>	
Друзья Советского Союза – забытый интернационал дружбы (на примере Дании)	178
<i>Frederichsen K.</i>	
Friends of the Soviet Union – the Forgotten Friendship International (from a Danish Perspective).....	180
<i>Хавкин Б.Л.</i>	
Агент Коминтерна Лео Рот и дочери генерала Хаммерштейна.....	182
<i>Khavkin B.L.</i>	
Comintern agent Leo Roth and General Hammerstein’s daughters.....	182
<i>Харитонов К.Б.</i>	
Профинтерн и Британский конгресс тред-юнионов в 1920-е годы по материалам изданий из фондов Центра социально-политической истории ГПИБ	184
<i>Kharitonov K.B.</i>	
Profintern and the British Congress of trade unions in the 1920s in publications from collections of the Library Center for Social and Political History	184
<i>Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.</i>	
Строитель социалистического и капиталистического общества: судьба венесуэльца Хосе Антонио Майобре	186

<i>Kheyfets V.L., Kheyfets L.S.</i> The Builder of socialist and capitalist society: the fate of Venezuelan Jose Antonio Mayobre	186
<i>Хёбель А.</i> Луиджи Лонго: «Гарибальди двадцатого века» во главе Интернациональных бригад в гражданской войне в Испании	187
<i>Höbel A.</i> Luigi Longo: a “Garibaldi of the twentieth century” at the head of the International Brigades in the Spanish Civil War	189
<i>Хорошева А.В.</i> Деятельность Красного спортивного интернационала в конце 1920 – начале 1930-х гг.....	191
<i>Khorosheva A.V.</i> Activities of the Red Sport International in the late 1920s – early 1930s	191
<i>Чан Туан Фонг</i> Некоторые размышления о теории и практике социализма в связи со столетием Третьего Коммунистического интернационала	192
<i>Tran Tuan Phong</i> Some reflection on the theory and practice of socialism: on occasion of the 100th anniversary of the third Communist International	194
<i>Черноперов В.Л.</i> «Пацифистской мелодии не должно быть в коммунистической критике Версальского мира»: планы советского представителя в Берлине В.Л. Коппа по революционизированию Германии в 1920–1921 гг.	196
<i>Chernopyorov V.L.</i> “Pacifist melody should not be in the Communist criticism of the Versailles world”: the Soviet representative in Berlin V.L. Kopp’s plans to revolutionize Germany in 1920–1921	196
<i>Шашкова О.А.</i> «Этнопедагогика» в планах мировой революции: опыт Коммунистического университета трудящихся Востока	198
<i>Shashkova O.A.</i> “Ethnopedagogics” in the plans of the world revolution: the experience of the Communist University of the Toilers of the East	198
<i>Шевелев Д.Л.</i> О классовой интерпретации палестинского восстания 1929 г.	201
<i>Shevelev D.L.</i> On the class interpretation of the Palestinian uprising of 1929.	201
<i>Эгге Осмунн</i> Коминтерн и Рабочая партия Норвегии, 1919–1923 годы	202
<i>Egge Åsmund</i> The Comintern and the Norwegian Labour Party 1919–1923	204

<i>Этвэш И.</i>	
Антисталинизм как политическое оружие	206
<i>Ötvös István</i>	
Antistalinism as a political weapon	207
Сведения об авторах	208

**ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В XX ВЕКЕ:
ДРАМА ИДЕЙ И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ.
К 100-ЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА**

**THE LEFT ALTERNATIVE IN THE 20th CENTURY:
DRAMA OF IDEAS AND PERSONAL STORIES.
ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE COMINTERN**

Сборник материалов международной научной конференции
Proceedings of the International Scientific Conference

Переводчики: О.Р. Щелокова, Н.М. Волхонская

Художественный редактор *А.К. Сорокин*

Редакторы:

Н.М. Волхонская, Е.М. Григорьев, А.В. Лукашин,

Н.А. Лысенков, М.А. Тимофеева

Технический редактор *М.М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н.Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т.Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 07.06.2019

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.

Тираж 100 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

